

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

*Воспоминания пермских журналистов,
чьи детские годы пришлись
на Великую Отечественную войну*

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

*Воспоминания пермских журналистов,
чью детские годы пришлись
на Великую Отечественную войну*

Региональная общественная организация
«Пермская краевая организация
Союза журналистов России»
Пермь, 2020

ББК 63.3(2)622

Д38

Д38   **Детство, опалённое войной:** Сборник Сост. П. В. Владыкин, Н. А. Кузнецова. – Пермь: Региональная общественная организация «Пермская краевая организация Союза журналистов России», 2020. – 248 с.

Воспоминания пермских журналистов, чьи детские годы пришлись на Великую Отечественную войну.

Издание подготовлено по инициативе
Совета ветеранов Пермской краевой организации
Союза журналистов России. Издано при финансовой
поддержке Администрации губернатора Пермского края.

6+

© Владыкин П. В., Кузнецова Н. А., составление, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Региональная общественная организация «Пермская краевая организация Союза журналистов России», 2020

ISBN 978-5-6044550-0-5

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

*Воспоминания пермских журналистов,
чье детские годы пришлись
на Великую Отечественную войну*

«Да, наше детство вместило в себя жизнь от начала Великой Отечественной войны до её окончания, до Победы. И этим оно уже необыкновенно».

«Война не делала для детей исключений. Она обрушилась на них со всей своей жестокостью. Вместе со взрослыми дети голодали, мёрзли, страдали, умирали. И это самая страшная жестокость войны — страдающие, гибнущие дети».

«Для детей войны это были страшные, голодные и холодные годы. Память об этом не исчезла. Отчётливо помнится каждый день».

«Всё имеет свою ценность. Воспоминания о раннем детстве, пришедшемся на войну, — ещё одно свидетельство её жестокости к каждой семье, к каждой человеческой жизни. Это и свидетельство того, как в нужде и тяготах оберегали нас от бед наши мужественные молодые мамы, тогда как мы-то оставались просто детьми, со своими детскими радостями и глупостями. Это возможность ещё раз поклониться им вслед».

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

«Спустя годы, познав мирную жизнь, вырастив своих детей и внуков, наблюдая их детство, мы видим, как многого были лишены, в какие скучные и тревожные краски война окрасила наше детство».

«Многое помнится из детства — горького и колючего. Такое оно было, военное и послевоенное время. Когда вспоминаешь о нём, начинает больно жечь душу».

«Наплакался, пока писал эти воспоминания».

«Да, мы, дети войны, были частью большого народа».

Сборник «Детство, опалённое войной» открывается рассказом Ивана Ёжикова «Клавдия». Именно ему, 10 лет возглавлявшему совет ветеранов журналистики города Перми, принадлежит идея создания этой книги.

В журналистике Прикамья Иван Григорьевич оставил заметный след. Трудился в многотиражных и областных газетах, на радио, телевидении, в книжном издаельстве. Был деятельным патриотом краеведения: писал книги об истории промышленных предприятий и экологических проблемах края, редактировал газету «Луч», открывал новые страницы судеб наших замечательных земляков, был инициатором новых изданий и творческих конкурсов.

Книга о военном детстве пермских журналистов — одна из последних инициатив Ивана Григорьевича Ёжикова. Он приложил много сил для того, чтобы она родилась. Вот только воспоминаний так и не написал, хотя ему было что вспомнить: ребёнком в родной украинской деревне он пережил годы фашистской оккупации.

Пусть же эта книга станет изданием, посвящённым его памяти.

Иван Ёжиков

КЛАВДИЯ

Рассказ

Кончается ночь. Клавдия сидит у печки, моет, складывает в чугунок картошку. Четверо её детей-погодков ещё спят. Она слышит, как ворочается во сне Надюша. Пора бы ей в школу, да куда там: немчура кругом...

Проснулся младшенький, захныкал сразу:

— Бабо, картопли хочу.

Баба Ганна, уже не слезавшая с печи и ещё чумная от вчерашней бомбёжки их села, сердито сказала:

— Жды! Он нэмец ужэ вээзэ тоби картоплю!

И чуть приподняла руку вверх.

Клавдия поставила чугунок в печку, уронила голову на руки. Ох, как ей надоело ходить к односельчанам, выпрашививать у них последнее. Люди

не отказывают, отдают крохи и вздыхают, вздыхают. То ли они её жалеют, то ли жалко им расстаться с горбушкой клейкого хлеба. Клавдия боится этих вздохов больше, чем голода. Сколько раз говорила она себе, что больше не пойдёт, но плач детей выгонял её снова, и она неслась, как перекати-поле, от одного крылечка до другого.

Третий год воюет где-то её Степан. За стенкой, в саду, среди покалеченных яблонь стоят немецкие танки и неизвестно, когда их выкусят отсюда.

В окно часто застучали. Дремота, вспугнутая птичка, улетела. Среди беспорядочно закрутившихся мыслей выплыла, наконец, одна: «Гестаповцы. Уведут сейчас...»

— Клаво, Клавка! — услыхала она голос соседки.

Клавдия метнулась к занавешенному окну, отпахнула шахматное одеяльце: «Боже мий!»

Над соседней хатой ветер трепал красный платок. С его обмахрившихся краёв летели к ней во двор искры. Пожар! Клавдия выскочила из хаты, в растерянности ломая пальцы, не зная, за что ухватиться, пока из настежь растворённых дверей не до-нёсся плач.

— Чого стоишь, халюва?.. Одягай дитэй! — накинулась она на восьмилетнюю дочку Надю, привавшую к окну, а сама полезла на печь за матерью.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Восьмидесятилетняя баба Ганна, разбитая параличом, всё поняла, не боялась смерти, но не хотела умирать в чужой хате.

— Залыш мэнэ, Клаво, робы своё...

Клавдия накинула на высохшие материнские плечи старый кожушок с древним запахом пота, овчины и ещё чего-то родного и домашнего, сняла мать с печи и понесла к риге, стоявшей в дальнем конце огорода.

Клавдии стало жарко. Холод немного освежил её, но она задыхалась. Они уже шли по огороду, когда баба Ганна застонала. Клавдия оглянулась и увидела, что на хате загорелся угол крыши. Она опустила мать на землю и побежала назад.

Старуха не отводила глаз от пылавшей хаты. Крыша горела костром, при резких порывах ветра обнажались чёрные рёбра стропил. Баба Ганна услышала кашель, надрывный, изнуряющий кашель дочери. Из сада показалась Клавдия, облепленная детьми. Пятилетний Андрейка, ревя, топал сзади, судорожно зажав в кулаке край материнской юбки. Гришу и Лену Клавдия несла на руках. Надя семенила спереди. Оставив детей в риге, она перенесла туда и мать, кинулась спасать добро, да запоздала... Хата сгорела дотла. Клавдия ходила вокруг страшного, закопчённого остова печи, выковыривая из золы кое-что из утвари.

...Прошла ещё одна ночь. Вставало солнце. Озябшие дети, кое-как согреввшись, уснули. Бабка Ганна ворочалась, вздохала, но молчала. Клавдия разбирала тряпьё, вынесенное из хаты. То и дело она поднимала голову и прислушивалась. Со стороны Осиновки глухо погромыхивало: била наша артиллерия. Этот гром, подобный осеннему, она слушала уже пятый день. В нём было её спасение от холода, от голода, от смерти. Если бы не близкий гром, Клавдия не осталась бы в этом стылом сарае, попросилась бы к кому-нибудь перебедовать зиму.

— Тэпер дожывэмо, — шелестела она губами. Клавдия не знала, чем завтра накормить детей, как обогреть их. У неё не было ничего, кроме надежды, и эта надежда не давала ей свалиться.

Проснулся годовалый Гришенька, закутанный, как луковица, в десять одёжек. У него снова заплыли глаза, и он уже не открывал их. Клавдия промыла их травяным отваром, рецепт которого подсказали ей сердобольные бабы. Она водила перед Гришиным лицом пальцами, подносила и отнимала ложечку, совала ему чуть ли не под нос его любимого кота, но Гриша не тянул ручонок. Он ослеп. Он не видел, как плакала над ним Клавдия. А она боялась представить себе укоризненный взгляд Степана: не уберегла. Она верила в какое-то чудо, неотлучно колдовала над Гришой, пока дети не начинали реветь от голода.

Громыхание было всё ближе. Порой ей казалось, что она слышит отдельные орудийные выстрелы. Нет, теперь уже помирать нельзя! Если уж совсем невмоготу станет, обменяет она костюм Степана. Его сшили перед самой войной, этот бостоновый тёмно-синий костюм. Молчаливый Степан светлел лицом, когда надевал его. Да и она любовалась, не решаясь похвалить вслух. Клавдия так хотела сохранить костюм, обрадовать Степана, когда он вернётся. Они наживут другой, само собой, но она мечтала сохранить этот. Костюм сулил ей надежды на другие дни. Ну, хоть бы один светлый день, чтобы оторвать от себя цепь несчастий, цепь, которая всё ниже клонила её к земле.

И всё-таки придётся костюм снести. Он был последним сокровищем в её хозяйстве, за которое могли ещё дать что-нибудь из продуктов. Она бы и сегодня отнесла, да на кого бросишь детей? А заветный костюм лежал в уголке, завязанный в узелок, и ждал своего часа. Он, как скатерть-самобранка, мог стать не только картофелем или хлебом, но даже маслом. В сёлах, где немцы не квартировали, а бывали наездами, собирая дань, колхозники сумели кое-что припрятать. Там не очень голодали и даже могли оделить при случае. Не даром, конечно, а в обмен на хорошую вещь.

Кончался ноябрь. Наступала зима. Наших всё не было. Утренний морозец залезал во все щели риги. Надя с Андрейкой придумали новую игру: у кого дольше пар изо рта пойдёт. У Андрейки получалось лучше. Но однажды, проснувшись утром, он не захотел больше играть и даже не встал с кровати. У него обметало губы, разламывалась голова. Клавдия принялась городить посредине риги что-то вроде каменки: не околевать же с холоду. Надя помогала ей, носила с пожарища кирпичи. Когда печурка была готова, они с грехом пополам разожгли её. Дым забивался в рот, в нос, резал глаза. Дети чихали, баба Ганна задыхалась. Клавдия придвинула Андрейкину кровать прямо к нагретым кирпичам, чтобы хоть капелька тепла доставалась сыну.

А ему становилось всё хуже. На шее, чуть ниже уха, назревал здоровенный чирей. И чем больше рос он, тем больше клонилась набок Андрейкина голова, больно было её повернуть. Андрейка мычал и тыкал пальцем, если что-нибудь просил. Клавдия ждала, что вот-вот чирей прорвёт, и выздоровеет сын. Но его обезображенное лицо с каждым днём всё бледнело, болячка вздулась, покрылась глянцем. В ригу заглянула худая, проворная соседка Гапка.

— Мэду йому трэба,— решительно сказала она, ощупав лицо и шею Андрейки.

— Мэду? — лоб Клавдии покрылся испариной.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Она знала, что стакан соли стоит сто рублей, да и за такие деньги его трудно достать. А почём мёд, она даже не знала. Ей не верилось, что где-то на этой выжженной и разграбленной земле у кого-то есть ещё мёд... А, может, и есть у кого? Близко нет. А вот если податься к Ряженску, там можно поспрашивать: до войны те сёла славились гречихой. Только вот далековато. Обыденкой не сходишь, а домочадцев оставить не с кем.

— У тэбэ е що-нэбудь отдать?

— Е, — закивала головою Клавдия, посмотрев в угол, и в отчаянии добавила, — та як же я брошу дитэй?

— Побудуть дэнъ, — строго сказала Гапка и засобиралась уходить, а потом, сжалившись, добавила: — Иды, я пригляну за дитымы и бабою Ганной. Иды, а то не выживэ малэ.

Завернув в узелок костюм и хороший кожаный кошелёк, Клавдия сразу после полудня отправилась в дорогу. Когда она выходила, даже Андрейка перестал стонать. Он проводил её взглядом своих карих, запавших, тоскующих глаз. Этот взгляд, как попутный ветер, толкал её в спину.

...На третий день Клавдия возвращалась домой. Поравнявшись с крайней хатой своего села, она увидела солдатскую колонну, остановилась и больше не могла ступить и шагу. Колонна двигалась

медленно. Вдоль всей улицы села группами и поодиночке стояли селяне. Металась на радостях детвора. Клавдия видела, как Настя Остапчука, остановив пожилого солдата, ткнулась лицом в его шинель, и как заходили её плечи. А Клавдии так нельзя. У неё чахотка. А она ведь тоже ждала. И в эту минуту ей больше всего на свете хотелось притронуться хотя бы к краешку серой, пропитанной потом шинели. Но не решилась...

Рука Клавдии сама полезла в карман, где стоял стакан с мёдом. Клавдия ещё раздумывала, достать ли. Но рука потянулась сама... Клавдия вынула стакан, завёрнутый в беленькую чистенькую тряпочку, и протянула солдатам. Тощий, с каланчу ростом, заросший сизой щетиной боец взял стакан, благодарно кивнул, и её сокровище мигом исчезло в его бездонном кармане.

Мимо неё шли и шли усталые сосредоточенные солдаты. Она зорко вглядывалась в их лица: не покажется ли...

— Мамо! — откуда-то вывернулась Надя и, ткнувшись головой в Клавдин живот, заревела: — Андрейка...

Клавдия ойкнула, чуть-чуть подогнув ноги, будто по ним ударили, побежала. Некрасиво, тяжело бежала она шагов с полсотни. Потом остановилась, схватившись рукой за грудь, и стала медленно оседать на снег.

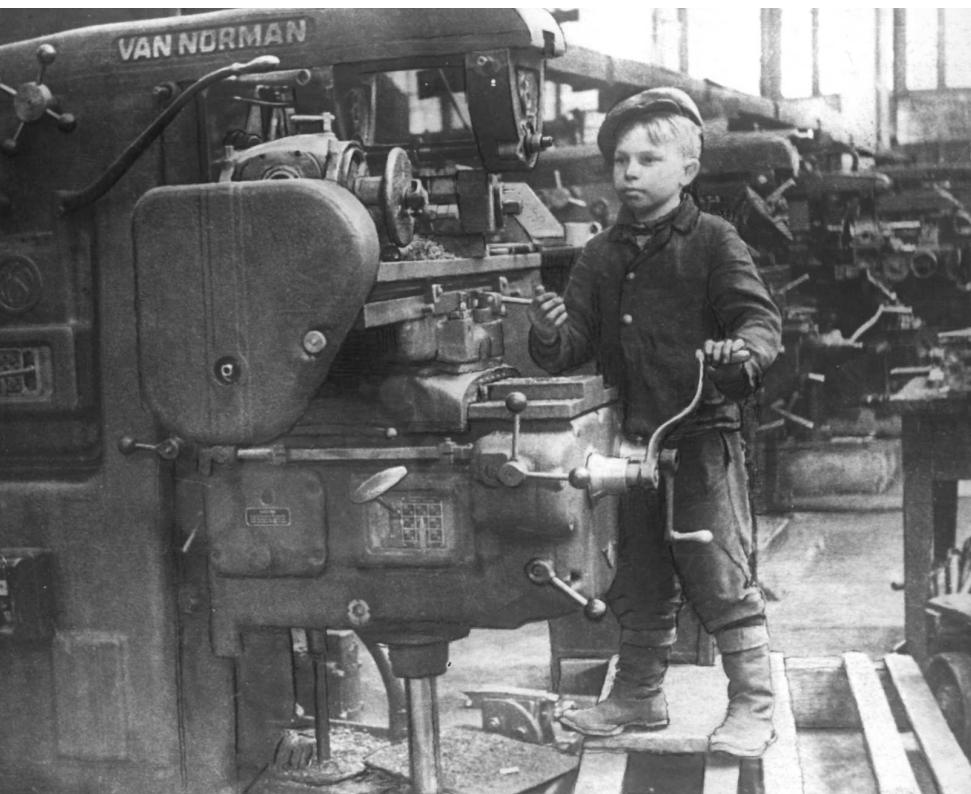
ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

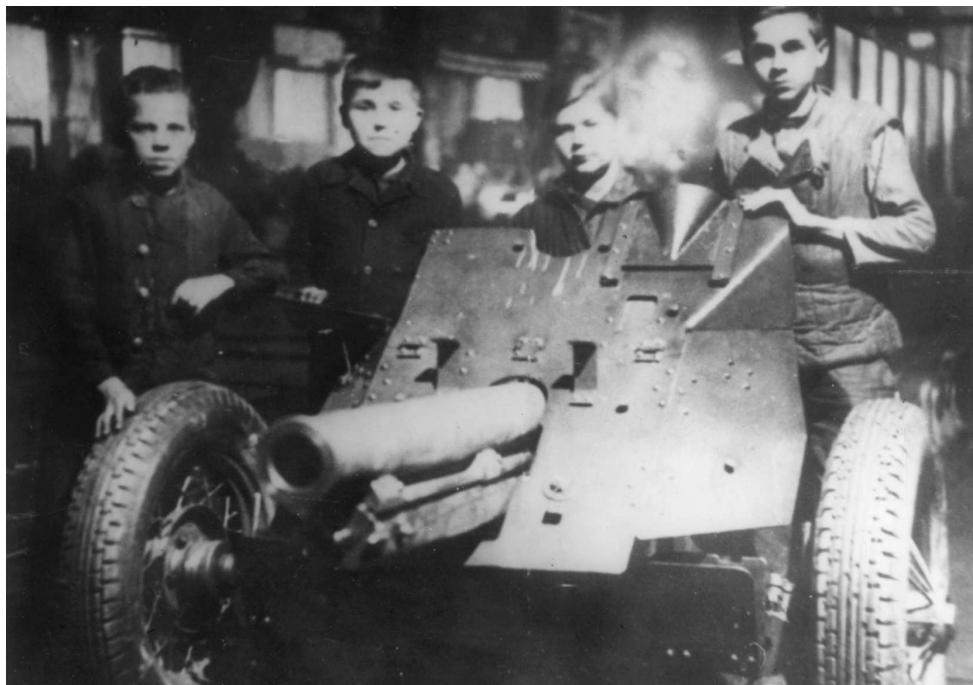
Горе, как ножом, полоснуло её по сердцу. Голова закружилась. Левая нога подвернулась, правая вытянулась вперёд вбок. Клавдия широко открыла рот, в горле захрипело. Вся она приклонилась к земле. В последний миг сознания она ощутила солоноватый, тяжёлый вкус крови, заполнившей рот.

Плачущая Надя ползала возле матери. Подошёл солдат, поднял девочку, передал подбежавшим крестьянкам, а сам наклонился над Клавдией. Потом медленно выпрямился и снял шапку. Проходившие солдаты тоже обнажали головы перед Клавдией, стывшей в земном поклоне.

Рассказ основан на фактах из биографии автора

Юный рабочий Молотовского завода №19 им. И.В. Сталина
Б. А. Кусакин возле станка.
(г. Молотов, Молотовская область. 1940-е гг.)
ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 1И. Д. 80. Л. 11 об.

Юные рабочие Молотовского завода № 172 им. В.М. Молотова
возле собранного с их помощью артиллерийского орудия
(г. Молотов, Молотовская область. 1940-е гг.)
ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 2Г.Д. 19. Л. 3.

Фаат Ахметгалиев

МОЙ БРАТ – РОВЕСНИК ПОБЕДЫ

Когда началась война, я был совсем маленьким и, конечно, помню мало что. Отец очень рано уходил на работу, я ещё спал. Возвращался он очень поздно, я уже спал. Поэтому в дни войны я его совсем мало видел.

Работал он на заводе имени Ф. Э. Дзержинского слесарем-сборщиком станков. Тогда завод именовался просто «почтовым ящиком» под номером таким-то. Выпускал взрыватели для артиллерийских снарядов. Завод работал круглосуточно и постоянно наращивал производство. А для этого нужны были станки. Ждать их было неоткуда, поэтому завод производил их сам. Был специальный станкостроительный цех, где и работал мой отец.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

За годы войны были выпущены сотни и сотни станков. Это помогло значительно увеличить выпуск боеприпасов. Ведь каждый третий артиллерийский снаряд в армии был оснащён взрывателями завода имени Ф.Э. Дзержинского. В этом есть заслуга и моего отца. За добросовестный труд он был отмечен правительственные наградами и почётными грамотами.

Мать моя в годы войны тоже трудилась для фронта. Она работала швеёй на фабрике «Пермодежда». Шила телогрейки и шинели для солдат Красной армии.

Родители занимались мною в основном в редкие выходные дни. Всё остальное время я проводил со своей бабушкой. Я её очень любил. Эту любовь я сохранил в себе и потом, когда стал взрослым человеком.

Конец войны запомнился тем, что когда по радио объявили о победе над фашистской Германией, все соседи высыпали на улицу и начали кричать:

— Победа! Победа!

А в мае, в конце месяца, родился в нашей семье ребёнок. Мой брат — ровесник Победы!

Юрий Болотов

ИЗ ЖИЗНИ ТЫЛОВОГО ГОРОДА

О том, что началась война, мама узнала от меня.

Наша улица с труднопроизносимым названием — Индустриализации, — по которой в этот воскресный день я с мамой шёл в цирк, считалась в Рабочем посёлке центральной. На полпути я побежал на угол скверика, где обычно продавали мороженое, но лотка на привычном месте не было. Вся площадка перед сквером была заполнена людьми. Запрокинув головы, они слушали радио. Я, позабыв о мороженом, вернулся к маме.

В цирке я тогда всё-таки побывал. Зимой 42-го он сгорел.

Первым из нашего дома повестку получил Георгий Абрамович Арамилев. Дядя Горя, как я его

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

называл. В последний свой вечер дома дядя Горя возился у крыльца с велосипедом: что-то подтягивал, смазывал, словно собирался идти с ним на войну. Закончив работу, кивнул мне:

— Садись.

Я бочком взгромоздился на раму.

Приехали мы на край аэродрома, где ещё сохранились редкие ёлочки. Внизу, у крутого спуска, где текла Егошиха, раздавались выстрелы: солдаты из Красных казарм вели учебные стрельбы. О чём дядя Горя думал тогда, знать не дано...

Арамилевы, мать, жена и сестра, получили от дяди Гори лишь одно письмо, написанное торопливой рукой: мол, скоро прибудем на место назначения. Дальнейшая его судьба уместилась в несколько строк пермской Книги Памяти: «Арамилев Георгий Абрамович, д. Арамили Ильинского р-на. Призван Мотовилихинским РВК. Рядовой 172-го стрелкового полка. Пропал без вести».

На плитах мемориала Мотовилихинского завода значится и его имя.

Два военных года я провёл в детском саду. Это время запомнилось двумя событиями.

Неподалёку, в школе № 48, находился госпиталь. Сюда и направили нашу «концертную бригаду». Поначалу госпитальная обстановка подействовала на нас угнетающе: непривычный запах,

забинтованные люди, доносящиеся из палат стоны... Мы невольно жались к воспитательнице Раисе Борисовне, как цыплята к наседке. Но, освоившись, стали декламировать стихи, петь незатейливые песни. Раненые улыбались, не жалея ладоней, хлопали.

О другом событии напоминает единственный снимок военных лет. В канун 25-летнего юбилея Красной армии работники завода из снега слепили рядом с нашим детсадом корабль. Двухпалубный, с иллюминаторами из цветного льда, с флагжками расцвечивания. На снимке — группа детсадовцев-«матросов». На головах, укутанных платками, бескозырки, в руках — деревянные ружья.

И сегодня узнаю некоторых: рядом со мной однофамилица Люба и Лёля Жебелева, на верхней «палубе» Виталик Думкин. С доцентом Пермского университета Виталием Думкиным наши пути пересекутся 35 лет спустя, когда я для газеты буду делать материал о его годичной командировке в Алжир.

А другой наш детсадовец, Женя Крыласов, став взрослым, сменил одну букву в фамилии. Сегодня Евгений Павлович Крылатов — известнейший композитор, автор многих популярных песен.

В годы войны я учился в школе № 49. Серафима Михайловна Губина, наша учительница, объявила, что в школе начался сбор подарков для фронта. Мои одноклассники приносили всё, что могло при-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

годиться бойцу: домашней вязки носки и перчатки, пачки махорки, бритвенные приборы... Я никак не мог определиться с подарком, и мне казалось, что Серафима Михайловна осуждающе смотрит на меня сквозь толстые стёкла очков.

Мама работала крановщицей в «горячем» 32-м цехе Мотовилихинского завода. Узнав, что меня заботит, она вместо того, чтобы поспать передочной сменой, несколько часов перебирала вещи в ящиках комода. Наконец вытащила бордовую пилотку, которую я носил до войны. Такие были во время гражданской войны в Испании у бойцов интернациональных бригад, потому их называли «испанками».

Засыпал я под стрёкот швейной машины. А утром на столе лежал кисет, сшитый мамой из моей «испанки». На нём сохранились вышитые на одной стороне звезда, на другой — серп и молот.

Хлебный магазин размещался в полуподвале жилого дома. Пока продавщица вырезала из моих карточек талоны и наклеивала их на бумажный лист, я буквально «поедал» глазами ряды буханок. От тёплого, обволакивающего хлебного духа ещё больше сосало под ложечкой.

Покинув детсад с его трёхразовой кормёжкой, я засыпал и просыпался с мыслями о еде. Утром, перед школой, съедал кусочек хлеба и выпивал стакан

слегка подслащённого сахарином кипятка. Вместо заварки — измельчённая, пережаренная морковь. Иногда кипяток окрашивали так называемым «фруктовым чаем». Он представлял собой смоляной черноты брикет, спрессованный из фруктовых отходов. Мы, дети, иногда жевали эту обжигающую горечью смесь, чтобы заглушить чувство голода. Помогал забыть на время о еде и твёрдый, как камень, подсолнечный жмых (он получался при отжиме масла). Его можно было долго держать за щекой.

По пути домой из школы я часто забегал к деду Александру, который работал на фабрике-кухне. В послевоенное время она была преобразована в ресторан «Горный хрусталь». Бывало, сижу в тесной будке-сторожке, жадно, почти не разжёгвая, ем припасённый для меня дедом чибрик — пирожок без начинки — и запиваю его горячим суфле. Этот тягучий, отдающий патокой напиток готовили на фабрике-кухне. Разомлев от тепла и еды, наблюдаю, как дед, свернув самокрутку, прикуривает. Прижав к нитяному труту кремень, он обломком плоского напильника высекает искру. Затем, подув на задымившийся трут, прикуривает цигарку. В годы всеобщего дефицита фраза «экономить на спичках» точно отражала вынужденную необходимость.

Однажды, когда я шёл от деда, мимо проторула лошадка с баком суфле на санях. На повороте

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

у поликлиники сани попали в глубокую ледяную колею, их занесло, и бак опрокинулся. Возница рассторянно ходил вокруг и смотрел, как колея заполняется супфле. Тотчас к месту происшествия сбежались люди из близких домов и стали котелками, ковшами, кастрюлями черпать исходящий паром напиток.

Ожидая маму после первой смены, сижу на лестнице, сбегающей к центральной проходной завода. Внизу, на путях, лязгнув, остановился состав. На платформах — искорёженные и сожжённые немецкие танки. В грозном боевом виде танки с крестами на боках я видел лишь в документальном фильме «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой». Теперь это была груда металломата, прибывшего на переплавку.

И немцев видел неэкранных. Мимо школы по утрам проходила колонна пленных. Они жили на Балмашной, откуда их вели к месту работы. Их руками был построен жилой квартал рядом с улицей Братьев Вагановых. Строительная площадка была обнесена забором с автоматчиками на вышках.

Возвращает меня к действительности рёв гудка. Через несколько минут из проходной хлынул рабочий люд. Мой взгляд остановился на пожилом рабочем: он, держась за перила, тормозил почти на каждой ступеньке. Видимо, каждый шаг давался ему с трудом. Поднявшись на площадку, он тяжело

опустился на скамью. Тут же боком стал заваливаться, затих. Женщины заохали, запричитали:

— Ему уже ничем не поможешь...

Порождением времени был «хитрый рынок». Сначала народ кучковался во дворе магазина №3, «третьего», как его обычно называли. Затем смеялся к соседним домам. И, наконец, задержался на пустыре перед заводским стадионом. Возвращаясь из школы, мы часто бродили по рынку, глазели на торговлю. Здесь можно было купить-продать хлеб и водку, домашнюю снедь и керосин для примусов и керогазов, американский колбасный фарш в красочных плоских жестянках... Нас же интересовали петушки на палочках и молочные ириски, явно не фабричного изготовления.

В первый день мира я оказался там же, где впервые услышал слово «война». Из громкоговорителя лилась бодрая музыка, раздавался торжественный голос Левитана. Здесь собрался народ чуть не всего Рабочего посёлка. Незнакомые люди обнимались, поздравляли друг друга. Пожилая женщина с бидоном и кружкой угощала военных бражкой:

— С победой, сынок!

Скверик заполнили сбежавшие из госпиталя ходячие раненые в байковых куртках и халатах, в щеголевато сложенных из газет шапочках, некоторые с костылями и тросточками.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Проникаясь атмосферой всеобщего ликования, я не осознавал, что в первый день мира заканчивалось моё военное детство.

Учащиеся ремесленного училища № 4 г. Молотова учатся делать перевязку раненому (г. Молотов, Молотовская область. 1942 г.)
ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 54. Л. 17.

Учащиеся средних школ г. Молотова на спортивном
состязании (г. Молотов, Молотовская область. 1943 г.)
ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 354. Д. 188. Л. 95.

Леонид Брагин

ОБЕЛИСК У ДОРОГИ

На старой карте Пермского края на севере Соликамского района можно найти деревню Родники. Здесь в мае 1936 года я родился в многогодной многодетной семье. Небольшая деревушка, всего семьдесят домов вместе с начальной школой, располагалась на взгорке. По обеим сторонам деревни текли маленькие речки с чистой прохладной водой, берущие начало из родников в тайге. Эта вода нас поила, давала живительную влагу огородам и домашним животным.

В речках шириной около двух метров к мальчишескому удовольствию водилась рыба. Мы мутнили воду, небольшие рыбёшки всплывали, и мы железной сеткой выкидывали их на берег.

Наверное, так бы и продолжалось наше беззаботное детство, если бы не война. В августе 1941 года моему отцу, Александру Ивановичу Брагину,

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

пришла повестка на фронт. Ему шёл сорок второй год.

Отца я помню смутно. Человек он был трудолюбивый неординарный. Недаром его назначили бригадиром в колхозе «Труженик». Вспоминается, как мама снаряжала меня отнести ему обед в поле. Положит в сумку бутылку молока, головку лука, каравай хлеба (у нас его называли «ярушником»), ещё кой-какую снедь. Пока я дойду до поля, обгрязу корку ярушника со всех сторон. Отец не ругался, только улыбался, сажал меня на тракторную сеялку, катал и показывал, как сыплется зерно в разрыхлённую землю.

И другой запомнившийся эпизод — отъезд отца на войну. В погожий августовский день родители запрягли лошадь, усадили в повозку нас, пятерых детей, и поехали в Соликамск на сборный пункт.

А в апреле 1942 года пришла похоронка. В избе, чтобы утешить нашу маму Татьяну Егоровну, собрались соседские бабы. Запричитали, заголосили. Мы с трёхлетней сестрой, ещё не понимая умом, что произошло, а лишь чувствуя, что случилось что-то страшное, непоправимое, от испуга забились под кровать.

Так началась наша сиротская жизнь. Осталось нас у мамы четыре брата и сестра. Самый старший к тому времени окончил в Соликамске ремесленное

училище и был направлен на Первый Березниковский калийный комбинат, где и проработал до выхода на пенсию более 50 лет.

Письма отца с фронта в семье не сохранились. Но, как говорили потом старшие братья, он почти в каждом письме наказывал: «Татьяна, учи детей!» И наша мама, великая труженица, как могла одевала, обувала нас и всё делала, чтобы мы старательно учились. Троє окончили техникум, двое получили высшее образование. И только второй по возрасту брат Василий окончил лишь четыре класса. Он помогал матери поднимать на ноги остальных. Работал в колхозе, делал мужскую работу: пахал, сеял, жал, ворошал мешки с зерном, возил брёвна из лесу.

И младшие по мере сил работали на полях, боронили землю, пололи посадки, сгребали сено в копны. Мы с сестрой собирали на полях подгнившую, промёрзшую картошку, искали на лугах съедобные растения: пистики, кислицу, пеканы. Всей семьёй собирали ягоды. В наших краях особенно много росло черники. Всё это давало прибавку к скучной еде. А ещё мы собирали головки клевера, ржаные и пшеничные колоски. Подсушенные цветки клевера мололи, а затем смешивали с мукою для выпечки хлеба. Вот такая была действительно полезная пищевая добавка! И всё равно мы, малые дети, вечно ходили голодные.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Ножом скобили стенки квашонки после того, как тесто из неё уходило на выпечку.

Голодными были и первые послевоенные годы.

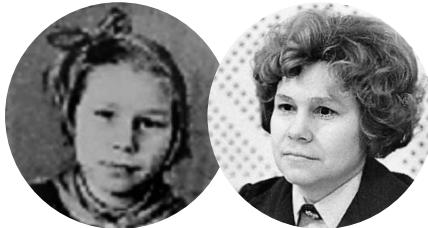
Мы разъехались из деревни, чтобы начать взрослую жизнь. Один из братьев-близнецов стал рабочим-химиком. Второй отслужил четыре года на флоте. Я поступил в Кизеловский горный техникум, сестра — в Чердынский лесотехнический.

...Мысль узнать подробности о гибели отца у меня зреала давно. В извещении о его смерти от 17 апреля 1942 года говорилось, что А.И. Брагин погиб, проявив геройство и мужество, и похоронен в восточной части деревни Суровки Юхновского района Смоленской области. Я написал в Смоленский военкомат. Моё письмо переслали в Калугу, так как Юхновский район перешёл в Калужскую область. Оттуда сообщили, что отец похоронен у деревни Долина в братской могиле, где покоятся прах почти 6 тысяч воинов.

И вот в июле 2012 года мы с сыном побывали на этой братской могиле. Здесь установлена скульптура солдата в плащ-палатке. В правой руке он держит каску. К памятнику мы положили цветы, а к мемориальным плитам я высыпал горсть земли, привезённой с могилы мамы. И взял ответную горсть, чтобы увезти её в Березники.

Из окрестностей Юхнова мы возвращались по территории Смоленской области. Не успели проехать на машине и получаса, как у самой дороги увидели обелиск, окружённый четырьмя могучими елями. Остановились. Оказалось, поблизости от этого места была деревня Суковка, теперь от неё не осталось и следа. Обелиск ухожен, лежат живые цветы. Значит, люди помнят тех, кто сложил здесь головы. На обелиске надпись, берущая за душу: «Здесь, в междуречье Угры и Рессы, в 1942 году, удерживая натиск фашистов, насмерть стояли воины 49-й армии. «Маленький Севастополь» называли тогда этот советский плацдарм за героизм и мужество его защитников. Поклонись этой земле, товарищ!»

Мы поклонились, сфотографировались на память. Я нарывал поблизости полевых цветов и положил их к обелиску.

Инга Бурдина

«ЖДИ МЕНЯ...»

Уверена, что первые строки моей статьи со-впадут с началом воспоминаний многих моих сверстников. Солнце. Голубое небо. И яркая свежая зелень, какая бывает у нас только в июне. Мы с мамой в сквере между оперным театром и почтамтом. Здесь много гуляющих. Такие же мамы с девочками. И не только с девочками, вон и мальчики в матрос-ках. В воздухе — многоголосый гул выходного дня.

И вдруг — металлический скрип из громкоговорителя. И первые слова: «Передаём правитель-ственное сообщение...» На разный манер и с разной интонацией стали слышны слова «война», «беда», «горе»...

Таким вспоминается первый из 1418 дней войны.

И ешё белый хлеб, который мы с мамой купи-ли тут же, в гастрономе, напротив громкоговорите-

ля, произнёсшего страшные слова. Вкус этого хлеба я вспоминала всю войну. И после войны. И даже сейчас, когда в магазинах десятки сортов белого хлеба, мне кажется, что вкуснее того, купленного в первый день войны, нет и не может быть.

Постепенно в городе налаживался ритм военного тыла. Появились хлебные карточки. Окна домов перечеркнули кресты бумажных полосок.

Но первого сентября 1941 года во всех школах города раздался звук колокольчика! Это был и мой школьный звонок. Самый первый в жизни, мне только что исполнилось семь лет. Я оказалась самой младшей в классе, как и потом, во всех классах и на всех курсах, где бы ни учились.

Что ещё приходит на память?

Партии, партии, партии, и на каждой — промокашка, на ней кусочек чёрного хлеба, а на нём — ма-а-аленькая горка сахарного песка. Наш скромный завтрак.

Мы «отрабатывали» его своими отметками (не помню, чтобы в нашем классе были двоечники), своими делами, октябрятскими, а потом и пионерскими, тимуровскими, своими концертами в госпиталях.

Я знаю, что все школьники старались помочь старшим, чем только могли. Знаю, потому что мама моя, Антонина Георгиевна Кузовникова, препода-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

ватель русского языка и литературы, с первого дня войны вместе со всеми своими учениками выезжала на полевые работы. Помню и свою первую поездку в колхоз с её шестиклассниками—семиклассниками. Плыли сначала по Каме до Частых, затем до села Фоки шли пешком по разбитой деревенской дороженьке, а лошадка везла телегу со всеми нашими вещами. Я, семилетка, учительницына дочка, тоже мужественно шагаю, пока вовсе в кровь не стираю ноги и кто-то не предлагает:

— А давайте её верхом на лошадь посадим!

И посадили. И так добрались до места.

А на другой день мы уже теребили лён, хорошенки такие голубенькие цветочки. Только руки болели после этого.

За четыре-то военных лета и четыре осени чего только ни пришлось освоить городским школьарам, чтобы помочь фронту! Помню третий год войны. Я уже третьеклассница, с мамой, с её классом поехать на уборочную не получится. Придётся меня одну дома оставить. А на кого? Ни бабушек, ни родственников, никого. А кто еду приготовит? А как спать одной? А кто домашнее задание проверит?.. Сама как-нибудь управляйся. И управилась!

Константин Симонов помог. Вышел в том году календарь, хоть на плохонькой бумаге с занозами, но вышел. Можно было на стенку повесить.

И как раз напротив страницы с сентябрём напечатали стихотворение «Жди меня».

*Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди.
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

И были эти строки для меня как молитва. Только встану с постели — к календарю: зачеркну ещё один день без мамы прожитый, прочитаю «Жди меня» и в школу. А потом музыкальная школа, рукодельный кружок... Много у нас тогда было кружков. Готовили девочек-умелиц к мирному времени.

И это время наступило. 9 мая как всегда ровно в шесть утра заговорила наша старенькая чёрная «тарелочка». И тут же мамины всхлипы:

— Война кончилась! Кончилась, понимаешь?!

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

И я поняла. Поняла уже не тем умом-разумом, как в первый день войны. И тогда мне стало действительно страшно за каждый из одной тысячи четырёхсот восемнадцати пережитых нами дней.

Струнный ансамбль ремесленного училища № 22
г. Молотова (г. Молотов, Молотовская область. 1944 г.)
ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 2Г. Д. 4. Л. 1.

Преподаватель и учащиеся ремесленного училища № 9
г. Молотова в одной из комнат общежития этого
учебного заведения (г. Молотов, Молотовская область. 1942 г.)
ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 518. Л. 20.

Павел Владыкин

И ГОРЕ, И СЧАСТЬЕ ОДНО НА ВСЕХ

У каждого человека память о его самых ранних годах эпизодична и избирательна. При этом счастливые эпизоды откладываятся в памяти не так крепко и не так ярко, как несчастливые (говорят же, счастье — это когда нет беды, когда жизнь спокойна).

Эпизоды «счастливых» воспоминаний зыбки, кратки и особенно дороги. Ускользающая память при некоторых усилиях воспроизводит картинки. Вот детский загородный лагерь для дошкольят под Красноярском. Ручная ворона, к ней тянутся все ребяташки. Но начался дождь, и все бегом-бегом в беседки. А вот залитый солнцем день. Мы с отцом, мамой и сестрой Нелей на пасеке. И белобородый

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

дед угощает нас брусками золотого сотового мёда. А потом север, Дудинка. Чёрная Полярка щенится. Дома кроме меня — никого. И я показываю в окно соседским детям всех щенков по мере их появления на свет. Сколько радости! А вот уже Енисейск. Наводнение. И какие-то дяди переводят нас, детей, по брёвнам. Из воды торчат скворечники на жердях.

Ещё картинка. Тоже в Красноярске. Наша семья отдыхает на острове посреди Енисея. Корзинка со снедью на разостланной скатёрке. Вдруг загудел самолёт. И отец говорит:

— Ложитесь!

Это были военные учения.

В детстве я всегда просыпался с улыбкой. Ещё бы! Впереди длинный день, полный замечательных дел и игр. А сегодня и вовсе особенный! Сегодня мне пять лет! Но Гитлер испортил мне день рождения: в этот день началась война.

На плоской горе Ерча в сибирском селе Тасеево, где мы жили, черно от народа. Провожали на войну отцов, мужей, братьев. Отца, оставшегося в Дудинке, на фронт не взяли по зрению.

И снова эпизоды, отрывки из жизни в войну, оставшиеся в памяти.

Вот я в учительской, пришёл на перемена к матери-учительнице. И пересказываю всем слово в слово только что услышанную сводку

Информбюро: в каких городах шли бои, сколько немецких танков, самолётов, пушек уничтожено.

Вот почтальон разносит по домам письма с фронта. У всех сжимаются сердца от ожидания и страха: каким будет письмо, треугольным или прямоугольным, в каком приходит похоронка?

Крепко запомнилась еда. Пища была очень скудная, жизнь полуголодная.

В детсаду первое время ещё были пирожки, и я сберегал порой один для мамы и сестры. В школе жуткое однообразие каш и «заваруха», мука, заваренная кипятком. Стойкий запах кислых щей из столовой. Хлеб глинистый, с колкими остатками злаков, с овсюгом. Картофельные очистки дожариваются на железной печке-буржуйке (однажды её труба упала мне на руку). И только в конце войны — хлеб «пеклеванный» и белый по праздникам.

Из дома исчезали вещи. Зелёный эмалированный таз мать обменяла на горох. Такая же участь постигла фаянсовую посуду. Куда-то ушла серебряная с золочением турецкая рюмка, хранящаяся в семье от предка, воевавшего в одной из четырнадцати русско-турецких войн (турки считают, что в семи войнах победили они, в семи — русские).

Неустанно трудились все. Мать, учительница, сама перекладывала кирпичную печь. Летом мы с сестрой помогали, как могли. Окучивали картошку

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

в поле за селом. От жары спасал прохладный клю-чик. Рядом с ним — недозрелая дикая смородина, которую всё же можно было есть. Иногда нам помогали дедушка и бабушка Канушины. Дед выстругал мне короткие лыжи, на которых можно было скатываться с Ерчи.

Однажды в Тасеево привезли под конвоем очень много мужчин, одетых в серое. «Власовцы!» — прокатилось по селу. Поселили их в клубе. Мы с ребятами видели, как их выводили на прогулку. Несколько кругов они прошли по площадке у клуба. Потом ихвели обратно. И конвоиры (среди них были и женщины) стали разряжать винтовки — только летели в снег патроны.

Затем прогнали куда-то дальше в Сибирь пленных немцев.

Бытоваля у нас семейная легенда. Однажды мой двоюродный брат-дошкольник шёл в магазин с хлебной карточкой. Весна, снега ещё не стаяли. К нему подходит школьник.

— Смотри, — говорит, — что у меня есть, — и показывает яркую, всю в чёрных точках божью коровку, очнувшуюся после зимней спячки. — Нравится? На что меняешь?

Братишке так понравился жучок, что он отдал за него хлебную карточку. Вернулся домой с красивой божьей коровкой в спичечном коробке вместо хлеба.

Потянулись в село Тасеево покалеченные воины: у кого руки нет, у кого ноги, у кого осколок в теле. Вместе с бойцом-конюхом, калмыком по национальности, прибыл с фронта мерин Серко. Они подвозили к школе бочки с квашеной капустой. У обоих были ранения. У Серко кровоточила незаживающая рана: осколок пробил шкру и застрял в боку. С этого фронтового коня и началось моё общение с лошадьми. Научился их запрягать, потом гонял с ребятами коней в ночное. А в двадцать лет, работая на целине прицепщиком на тракторе и штурвальным на комбайне, отгонял по степи вороного коня к саманному дому его хозяина, тракториста Файзуллы.

День Победы запомнился таким же ярким солнцем, как четыре года назад. Было большое стечние народа на сельской площади. Никто дома не остался, все вышли на улицу. Салют из охотничих ружей. В воздух летели газетные пыжи.

После победы жизнь стала сытнее. Появились дальневосточные крабы, сгущённое молоко в жестяных банках. Доставалось красной и чёрной икры, Завезли по ленд-лизу американский яичный порошок и американский же шоколад в больших плитках без обёрток, жёлтый жир, лярд. И одежда оттуда же. Мать долго носила цветастое крепдешиновое платье. Всё это приходило вместе с журналами «Аме-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

рика». Шли вперемешку во всю страницу портреты генералов Эйзенхауэра, Брэдли, американской певицы-негритянки Кэтрин Дэнхам и английского генерала Монтгомери. Эти журналы какое-то время хранились в семье. В «Америке» печатались поражающие воображение проекты, картинки будущих самолётов-лайнеров на двести-триста пассажиров (и это как-то незаметно стало явью). На улицах села появились элегантные, с плавными линиями грузовики-«шевроле» и тупоносые «студебеккеры».

Спокойнее, уютнее стало жить. И все сразу и вместе почувствовали себя счастливыми. Вот оно, счастье, которого не было четыре с лишним года, одно на всех! Так же как в военные дни и годы горе было одно на всех. И у каждого своё...

Учащиеся ремесленного училища № 9 г. Молотова играют в шахматы в одной из комнат общежития этого учебного заведения (г. Молотов, Молотовская область. 1942 г.)
ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 518. Л. 20.

Учащиеся ремесленного училища № 9 г. Молотова играют в шашки в одной из комнат общежития этого учебного заведения (г. Молотов, Молотовская область. 1942 г.)
ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 518. Л. 20.

Николай Гашев

ВОЙНА ГУЛЯЛА ПО РОССИИ

Война гуляет по России.
А мы такие молодые...

Д. Самойлов

Мне не было ещё и восьми, когда началась война. Мы с трёхлетним братом Борькой узнали об этом от мамы. Она работала почтальоном, разносила в толстой сумке на ремне письма и газеты. Мы с Борькой привыкли, что она, возвращаясь с работы, каждый раз приносила нам что-нибудь вкусненькое, свежую булочку с вареньем, кулёчек конфет, пирожное. Мы её всегда ждали. А иногда ждали-ждали да бежали встречать.

Жили мы тогда недалеко от деревообрабатывающего комбината «Красный Октябрь». Там, на окраине Перми (Молотова), была целая улица

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

насыпных домов. Снаружи дома вполне нормальные: окна, двери, покатая крыша, только стены не бревенчатые, а из широких плах, между которыми плотно набиты опилки. Тепло они удерживали очень плохо. Ночью, особенно в морозы, вода в умывальнике превращалась в лёд. Застывала вода и в вёдрах, которые приносили с вечера. В одном из таких домов-«морозильников», построенном собственноручно нашим дедом Василием Чудиновым, крестьянином из села Зюкай Карагайского района, мы и жили. Чтобы нас не заморозило, дед вынужден был по ночам растапливать подтопок, сложенный из кирпича, с чугунной плитой наверху. Когда плита раскалялась до красноты, в комнате становилось более или менее тепло.

В Зюкае у деда был прекрасный пятистенный дом, но местный комбед (комитет бедноты) решил раскулачить его, дескать больно уж богато живёт. Забрать и пятистенок под железной крышей, и коров, и тёлку, и овец, и кур, и гусей, не сосчитать сколько, и десятки ульев на пасеке. И швейную машину немецкой фирмы «Зингер». Эта фирма сделала его, простого крестьянина, доверенным лицом по распространению швейных машин. Деду кто-то из хороших людей шепнул вечером: «Тебя, Василий, включили в список. Завтра с милицией придут». Дед не стал дожидаться непрошеных гостей. Ночью велел жене

положить в мешок каравай хлеба, банку мёда, немного огурцов, помидоров, вылез в кухонное окно, переправился на плоскодонке через Обву и ушёл ночью через лес на станцию Менделеево. На первом же поезде уехал в Пермь. В городе никому дела не было до беглого кулака. Дед особо-то и не прятался. Устроился сторожем на кондитерскую фабрику.

Вот из насыпного дома деда мы с Борькой и отправились встречать маму. По-видимому, тогда ещё только прокладывали трамвайную линию мимо завода имени Дзержинского в сторону «Красного Октября». Во всяком случае, мы с Борькой брели по шпалам. Устали, сели отдыхать прямо на рельсы. Тут и нашла нас мама. Она худенькая, тоненькая в синем костюмчике (тогда почтовиков начали одевать в одинаковую форму), была необычно бледной:

— Беда, ребята! Война!

Мы не сразу поняли, почему мама так расстроена, говорит через слёзы. А она сильно переживала об отце. Он был осуждён, как мы знали, за то, что назвал контролёра в дачном поезде «паразитом». Слово оказалось оскорбительным для человека «при исполнении». Папку, эдакого интеллигента в очках, арестовали и осудили на год исправительных работ. Отбывал он наказание в Ераничах. Там была вырыта в земле огромная яма, в которую на ночь загоняли около тысячи вот таких мелких

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

«хулиганов», как наш отец. Утром их поднимали и отправляли на какой-нибудь завод или фабрику. До вечера они работали, а потом снова опускались в свою вонючую яму. Там они спали, ели, болели и умирали. Папке как самому грамотному заключённому начальство доверило по утрам составлять списки тех, кто не мог выйти на работу. Он мне говорил потом, что иногда скрывал и даже уменьшал число умерших: так узники получали лишние пайки, делили их между собой. Вот из-за папки мама и переехала с нами к своему отцу. Хотелось быть поближе к мужу, чтобы навещать его, поддерживать скучными передачами.

Здесь, на краю города, была и школа. Помню, что всё мне в этой школе нравилось. Помню даже первую оценку, которую мне поставила учительница, — зелёную чёрточку в тетради. Это означало «хорошо». Красная чёрточка — «отлично», чёрная — «посредственно».

Судя по всему, я был бы не самым последним учеником в классе, но долго учиться в этой школе мне не пришлось. Не было ни ботинок, ни валенок, ни пальто, и купить было не на что. Поэтому мама сказала, что этот год мне придётся посидеть дома. Помню, учительница давно велела нам приготовить десять палочек для арифметики. Я поленился, не сделал. А тут нашёл где-то деревяшку и выстру-

гал эти десять палочек. Не верилось, что я не буду учиться, тем более, что я успел подружиться с ребятами. После уроков мы не спешили расходиться по домам, а бегали по улице, устраивали шумные игры, гоняли мяч.

Однажды к нам подошёл парень в потрёпанной синей курточке, в кепчике, из-под которой выбивался белый чубчик. Мы думали, что он хочет поиграть с нами. Но парень спросил:

— Ребята, кто из вас знает, где тут военкомат?

Мы знали, что такое военкомат. У некоторых из нас отцы, старшие братья уже ушли на фронт. Но все они, как нам казалось, были старше этого паренька и сильнее его, и крепче.

— Зачем тебе военкомат?

— На фронт хочу. Восемнадцать стукнуло, чего ещё ждать?

Мы окружили паренька и вместе с ним дошли до военкомата. Он поднялся на крыльце и, обернувшись к нам, весело помахал рукой. В мою детскую память этот парень просто врезался. И долго-долго жил во мне, тревожил, беспокоил. Это беспокойство о нём, тревога, в конце концов, вылились в стихотворные строчки, когда я был уже студентом университета, третьекурсником. Принёс своё стихотворение в редакцию газеты «Молодая гвардия». Литературным консультантом там был Лев Давы-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

дычев, тоже недавний студент университета, в будущем знаменитый писатель, автор многих книг, изданных в Перми и столице. Он раз десять заставлял меня переделывать чуть не каждую строчку. А потом стихотворение «Наш парень» появилось в газете. Стихи были так себе, но искренние, это точно, и пришли они ко мне из моего очень раннего военного детства.

...Зимой отца освободили. Я первый увидел его в окошко. В шапке с ушами, завязанными на подбородке, в сером ватнике, в каких-то нелепых растоптанных валенках, с жёлтым фанерным чемоданом в руке он быстро пересек дворик.

— Папка приехал! — завопил я.

Когда он распахнул двери и в клубах морозного воздуха вбежал в дом, мы все кинулись к нему, но он остановил:

— Не подходите! Я весь во вшах!

Тут же, у порога, он снял с себя всю одежду. Дед выкинул её на мороз. Потом на кирпичном подтопке с раскалённой докрасна чугунной плитой вскипятил два ведра воды и прямо у порога в каком-то корыте вымыл отца с головы до ног.

Папку снова взяли в Верещагинский леспромхоз, на ту же должность — техруком. Вскоре мы все переехали в Верещагино, в дом 65 по улице Фрунзе, рядом с единственным тогда двухэтажным кир-

личным зданием, которое именовалось «Дом обороны». В нём формировались воинские подразделения, которые по железной дороге отправлялись на фронт. Я помню, как просторная площадь возле «Дома обороны» была уставлена зенитками. Видимо, в нём размещалась какая-то артиллерийская часть. Зенитки направляли в небо свои огромные стволы, словно хотели отразить воздушную атаку. Но выстрелов я не слышал: видимо, не стреляли. А вот миномёт стрелял. Причём я с крыши дома наблюдал, как миномётчик опускал в широкий ствол снаряд, затем отбегал в сторону, зажимая уши. Гром выстрела был такой, что в первый раз я чуть не свалился с крыши. С ужасным грохотом снаряд вылетал из миномётной трубы и, описав широкую дугу, опускался на другой стороне площади.

Потом, уже став взрослым, я описал эту миномётную стрельбу в повести о моём детстве «Просека на болоте». Рукопись послал в Красноярск Виктору Петровичу Астафьеву. Он написал: «Коля, ты не мог видеть снаряд, который вылетает из миномёта. Он же, снаряд, летит как пуля. Его можно почувствовать, когда он обрушится на тебя сверху, разорвётся».

Я, конечно, не стал спорить с человеком, который на фронте был тяжело ранен, может быть, даже вот такой вражеской миной. Вычеркнул это из своей повести. Но что-то же я видел, когда стреляли

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

из миномёта у «Дома обороны»... Или это моё детское воображение нарисовало в моей памяти высокую траекторию, по которой летела мина?

Если снаряд, вылетающий с грохотом из жерла миномётной трубы, я, испуганный пацан, действительно мог и не видеть, то взрыватель от этого снаряда — медную трубочку, похожую на нынешнюю шариковую ручку, — видел и держал не только в руках, а даже и в зубах. Мы с Борькой нашли этот взрыватель недалеко от колодца. Как он туда попал, я не знаю, но взрыватель нам понравился. Мы с Борькой заглядывали в его вытянутое горлышко, там внутри что-то белело. Мы попытались это беленькое выковырять. Я и в зубы брал горлышко, ворочал в ту и другую сторону, чтобы увидеть, что там внутри. В конце концов мы притащили эту трубочку домой. Я нашёл в отцовских инструментах шило, вставил в горлышко и стукнул сверху молотком.

Медная трубочка, как живая, на наших глазах начала толстеть, расширяться, потом с жутким жужжанием спрыгнула со стола на пол, и там, под столом, грязнул взрыв, во все стороны полетели куски меди, потянуло дымом. Когда мы заглянули под стол, там от одной из половиц был вырван огромный кусок, как будто кто-то в этом месте рубил заточенным топором.

Как нам с Борькой не выбило глаза, не оторвало пальцы?! Как этот взрыв не грязнул у меня в зубах, когда я пытался открутить взрыватель?!

Слепая удача ещё не раз нас выручала. Помню, у одного из бойцов, которые проходили подготовку в «Доме обороны», я выменял на калегу коробку спичек. Селитра понадобилась мне, чтобы зарядить поджиг — трубку, привязанную проволокой к деревянному макету пистолета. Селитру поджигали и ждали выстрела. Иногда, правда, поджиг стрелял не туда, куда его направляли, а назад — в грудь того, кто его держал. Ничего не поделаешь: мы жиливойной. Война гуляла по России.

Надежда Гашева

МИННОЕ ПОЛЕ

Есть такие предметы и явления, которые мы представляем себе очень ясно, хотя видеть их не приходилось. Я никогда не видела минных полей, да и как выглядит мина, толком не знаю. Но почему-то возникает передо мной ровное-ровное квадратное поле, шелестит сухая трава, а рядом ещё одно и ещё...

Я понимаю: минное поле может быть и на болоте, и в лесу, и под снегом. А всё видится ровное-ровное тревожное русское поле. Откуда это? Не знаю. Скажут при мне: «Минные поля», — и сразу внезапно, мучительно — таящие опасность и смерть ровные квадраты.

Отец ушёл на войну, когда мне не было и года. Позже я узнала, как говорят о военной профессии отца: «Сапёр ошибается один раз». Но мне не стало страшно — ведь он был уже с нами. Он был

ранен осколком мины, но не на минном поле, то была мина, выпущенная из миномёта. Отец вернулся, и, хотя война всё шла, жить нам стало намного легче. Капитанский аттестат отца, пока он был на фронте, мы получали, но мало что можно было купить на эти деньги — они не имели цены. А нас было шестеро: бабушка, дед, папина сестра-подросток, мы с братом и мама. Дед умер в 1942 году. Я его совсем не помню.

Я тоже чуть не умерла в больнице, меня забрали из неё, когда уже не оставалось надежды. Бабушка и мама выходили меня.

И вот мы с братом, оба худенькие до прозрачности, уже ходим в садик, и папа вернулся, и у нас есть огород, и война идёт к победному концу... Наш сосед вернулся победителем в чине майора, привёз много «трофеев». Они с отцом пили вино, спорили о чём-то, говорили о войне. Сосед хвастал и врал — наверное, нарочно, чтобы нас посмешить, — рассказывал, как он переправлялся через Шпрее и троих бойцов спас, одного зубами вытащил. Брат не верил, а я верила и слушала, открыв рот.

А мама не любила разговоров о войне. Я это поняла ещё тогда, в детстве. Глаза её темнели, лицо замыкалось. Я чувствовала: она знает много такого, о чём никогда не скажет.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Трудно и опасно говорить об этом, как обо всём очень личном. Но бывают в жизни каждого взрослого человека бессонные ночи. Я не сплю, слушаю ветер за окном, гляжу на тёмные окна домов. Мне кажется, я всё же что-то понимаю.

Военные ночи отца. Нет, нет, мне никогда не написать о них точно, да я и не возьмусь за это. Но только представить: делают проходы в минных полях (на рассвете атака). Отец худыми нервными руками берёт мину. Вот он держит её, достаёт взрыватель. Не один раз в жизни, не два... Это его работа. Сколько было таких ночей перед атакой?

А мама... Те же ночи для неё... Как вообще привыкнуть к тревоге за близкого человека, если его каждый день могут убить? Да разве только это?..

Нет, не напрасно видятся мнеочные тревожные, опасные поля.

Мы сидим за столом, праздничным, с белой скатертью. Чисто прибранная комната, солнце, воскресенье. Слушаем радио. Мужской уверенный голос начал песню.

*...Наша военная молодость,
Северо-Западный фронт...*

Отец прибавил громкость:
— О нашем фронте песня.

Сколько лет назад был этот фронт, а отец говорит «о нашем».

Я внезапно вспоминаю грустного Володьку. Ему не везло, он совсем раскис. «Возьми себя в руки, ты же мужчина», — а что ёщё я могла ему сказать? За окном был июль, голоса, смех. Володька вдруг сказал: «Знаешь, если бы отец не погиб, я был бы другим, наверное. Сильнее, твёрже. Мужчин должны воспитывать мужчины».

Песня кончается, и мой отец говорит:

— Там, на Северо-Западном, мне повезло. Летом, помню, было. Приказал своим сапёрам строить НП, а сам пошёл к приятелю-капитану. Подхожу, а в блиндаже народу тьма. Не захотелось в духоту лезть. Потом, — говорю, — зайду. И пошёл. Минут пятнадцать прошло — в блиндаж прямое попадание.

Мы молчим. У мамы темнеют глаза.

Было 9 мая 1965 года. Песни военных лет и новые песни о войне звучали с самого утра. На улице было очень тепло и празднично. Друзья пришли вскоре после завтрака. Мы на велосипедах отправились в лес. В лесу было тихо. Мы разожгли костёр, и сами, притихшие, долго глядели на почти бесцветное при солнце пламя. Потом нашли маленький родник в красной глине обрыва. Володька наполнил фляжку ключевой водой, и мы вернулись к костру.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Илья сказал:

— Мне всегда грустно девятого мая. Я очень ждал отца именно в этот день. И мама ждала.

Отец Ильи, как и Володькин, пропал без вести. Мы молча выпили ключевой воды.

Я ничего не могла сказать друзьям. Я боюсь неосторожно ступить на минное поле. Я и с мамой никогда не могу говорить о войне.

Я так и не решилась рассказать ей историю, которую услышала в больнице от нянечки. История эта долго преследовала меня кошмаром — ведь мне только что исполнилось семь лет — и осталась в памяти не рассказом, а картиной. В больничной палате горел тусклый, тосклиwyй свет. И свет этот тоже врезался в память, стал частью картины. Я ненавижу с той поры тусклое электричество больниц и общеjитских коридоров.

Нянька рассказывала о том, как привезли к ним в больницу трёх детей, подорвавшихся на мине. Где они отыскали мину, я не знаю, может, нянька и не говорила об этом. Знаю только, что на заводских дворах в ту пору много было всякого железного лома, покорёженной военной техники, и пацаны умудрялись пролезать в те дворы, таскать оттуда патроны, а то и гранаты и вот, видимо, мины. Мальчик погиб. Девочку покалечило. Я почему-то живо представила себе этого мальчика и не спала

ночью, всё думала о нём. Так он и остался в моей памяти — мальчик, которого я не видела, но жалела и плакала о нём и никогда никому о нём не говорила.

Спустя годы с четырёхлетней дочкой мы приехали на юг к моим друзьям. Каждый день ходили к морю по тенистой балочке — трое взрослых и четверо детей. Старший мальчик быстро опережал нас, а малыши — два шестилетних мальчугана и моя дочка — не решались отходить далеко, только гонялись за бабочками. Я не очень удивилась, увидев стабилизатор бомбы: знала, что в этих местах шли бои, видела на окраине деревни заросшие травой развалины — всё, что осталось от школы после прямого попадания бомбы. Но тут мой друг, отец мальчиков, рассказал, как весной этого года — шёл уже 1971-й — погибли двое ребят. После выпускного вечера они пошли погулять в балочку. Девочка и мальчик подорвались на мине, ржавевшей в земле тридцать лет.

Мы догнали наших детей, взяли их за руки. Горько и страшно было сознавать, что укрыть, уберечь их от новой войны мы не можем. И даже от той, давно прошедшей, — не всегда, не всех.

Антонина Гусева

Я ЛЮБЛЮ ЭТОТ ПРАЗДНИК

На календаре снова — слава богу! — 9 мая. Я люблю этот праздник. Хотя всё меньше и меньше остаётся тех, кто участвовал в войне. А также тех, кто в те годы был ребёнком. Для детей войны это были страшные, голодные и холодные годы. Память об этом не исчезла. Отчётливо помнится каждый день...

«Говорит и показывает Красная площадь...»

Но начну с другого значимого для меня события — парада Победы на Красной площади, очевидцем которого я стала в 1967 году. Вспоминаю, как за два дня до первомайского праздника мне вручили пропуск на Красную площадь за номером 02974.

Он давал мне право входа на главную площадь страны 1 мая, в День международной солидарности трудащихся. Первомайскую демонстрацию тогда решено было совместить с парадом Победы.

И вот я в столице. Утро было тёплым, светлым. Не могла скрыть своего волнения, внутри всё пело! Да и как могло быть иначе?!

Подхожу всё ближе и ближе к площади. Постовые проверяют документы. Людей пока мало, но уже движется военная техника. Громадные ракеты. Пушки. Танки. И так всё это торжественно «шагает» по улицам! Подхожу к своей трибуне. Вокруг начинают собираться другие зрители, хотя ещё только восемь часов утра. Ближе к десяти начинается оживление. Проходят курсанты. Перед нашей трибуной выстраиваются парадные пешие расчёты. Молодые красивые офицеры в белых перчатках. Рядом с ними — командиры в серо-голубых шинелях, начищенных до блеска ботинках. Все ждут команды.

10 часов. Раздаётся бой курантов на Спасской башне. Звучит команда линейным. Голос диктора проносится над Красной площадью настолько торжественно и красиво, что трудно сдерживать слёзы. На трибуне Мавзолея — генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежnev, руководство страны того времени. Здесь же космонавты Юрий Гагарин, Алексей Леонов и другие.

Раздаются новые команды. Всё приходит в движение. Звучат фанфары. Гремит бравурная музыка. Вот маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко вместе с командующим парадом совершают торжественный объезд войск. Участники парада проходят строевым шагом мимо правительенной трибуны. Потом нахимовцы, суворовцы. Выдвинулась боевая техника. Оборонный арсенал выглядит мощно, утверждающе.

...Два часа пролетели незаметно. На площадь вливаются колонны демонстрантов. Демонстрация закончилась. Спешу в метро. Надо позвонить домой маленькой дочке и маме. Как они там без меня?

Это было до войны

До войны мы жили в Березниках. Мой отец молодым парнем приехал строить город из Нижнего Новгорода, мама со своими братом и сестрой — из Елабуги. В квартире на улице Фрунзе, 15, где мы жили, было четыре комнаты. Одну из них занимала семья из Удмуртии. Вскоре эта семья и ёщё одни наши соседи куда-то исчезли. Время было такое: люди исчезали из-за доносов, их сажали в тюрьму даже за небольшое опоздание на работу или другие «неблагонадёжные» поступки... В июне 1937 года забрали и моего отца

Ивана Александровича. Судила его «тройка». Дали срок без права переписки.

Жили мы очень бедно. Главная еда — чечевица. Мама училась на рабфаке и оканчивала курсы мастеров. Много работала. В школу я пошла в 1938 году. Как-то учительница пения попросила меня спеть любимые песни. Я не заставила себя долго ждать.

— О, какой у тебя хороший голос! — отметила она.

Мне мои вокальные данные потом в войну здорово пригодились. Хотя, если честно, на голодный желудок петь было непросто.

В марте 1940-го маму уволили с работы за опоздание. Нас выселили из квартиры в течение 24 часов. Помню, как стояли на улице. Рядом — сундук, цветок в горшке, железная кровать и две табуретки. Жить нам, по сути, было негде. Решили уехать в Усолье.

А ЭТО В ВОЙНУ...

День начала войны помню очень хорошо. Мы с моей тётей Еленой Николаевной пошли в березниковскую столовую № 3. Столовую долго не открывали. Говорили, что в 16 часов по радио будет выступать Молотов, председатель Совета народных комиссаров

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

СССР. Когда двери открылись, все бросились в помещение слушать Молотова. Я подошла к буфету и стала разглядывать витрину. Бутерброд с красной икрой стоил 20 копеек. Я подсчитала в уме, сколько же мы можем купить бутербродов. Но буфет не работал, а на следующий день мы сюда уже не пришли...

Жизнь в городе мгновенно изменилась. Приехали много эвакуированных. «Акающий» московский говор, благородная простота ленинградцев перемешались с суровой твёрдостью уральской речи. В квартиры по решению горисполкома вселялись приезжие. С ними березниковцы делились тёплыми вещами, посудой.

Мама устроилась работать на местную швейную фабрику мотористкой. Но спустя год у неё случился инфаркт, и её положили в больницу.

Взрослым по карточкам выдавали по 400 граммов хлеба в день, столько же — детям. Многие голодали. Люди обменивали в деревне на продукты вещи: одежду, скатерти, самовары, чайники.

В каждой школе учеников, начиная с десятилетнего возраста, отправляли на два-три месяца в деревню работать на полях. Труд в колхозе был тяжёлым. Тайком выкопать турнепс или взять колоски пшеницы без разрешения никто не рисковал.

Одежонка и обувь были никудышными. Особенно тяжело было осенью.

В школе проводились пионерские сборы. Работали тимуровские команды. А какая сильная была самодеятельность! Эвакуированная из Киева учительница Мария Гердт отвечала за концерты в госпиталях. Мы часто там бывали. Раненые не отпускали нас без подарков. Обязательно угощали сахаром, давали хлеб. Впрочем, некоторые местные дети не ощущали той бедности и безысходности, как эвакуированные. Так, Валентин Лобанов (кстати, будущий директор Березниковского титано-магниевого завода) где-то доставал жмых и приносил одноклассникам. А Коля Щукин всегда отдавал свой обед и кусочек хлеба кому-нибудь из девчонок.

Осенью 1944 года пять человек из школы, включая меня, вступили в комсомол. После этого мероприятия нас покормили в столовой. Обед был хороший, и хлеба дали несколько кусочков. Я принесла их маме в больницу. После уроков из Усолья я возвращалась в Березники, навещала маму и снова домой. И так в течение двух месяцев, пока сама не свалилась от голода...

Я была активной участницей самодеятельности. На районном смотре мы с девочками танцевали «Яблочко» и пели песню о Сталине: «Сталин — наша слава боевая. Stalin — нашей юности полёт. С песнями, борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идёт». Чтобы я могла выступать на сцене, мама сшила мне из

нижнего белья кофточку. Премию за выступление нам тогда не дали, но на сцену вышел какой-то мужчина и вручил мне талон на ботинки. Я их выкупила, белые, мягкие, из лосиной кожи. Носила их очень долго.

«Уралочка»

Об этих и других эпизодах своего детства много лет спустя я рассказала великому композитору Араму Хачатуряну. Вот как это было. 30-го декабря 1969 года в Пермском театре оперы и балета имени П. И. Чайковского состоялась премьера спектакля «Спартак». Музыку к балету написал народный артист СССР, доктор искусствоведения, композитор с мировым именем Арам Ильич Хачатурян.

Композитора многое связывало с Пермью: в годы войны он был здесь в эвакуации. В декабре 1942 года балетная труппа знаменитого Кировского театра поставила на сцене нашего театра его новый балет «Гаянэ».

...И вот я спешу к Араму Ильичу. От волнения забыла варежки, а на улице морозище. Захожу в здание, поднимаюсь на второй этаж. Мне открывает дверь высокий, несколько тучный человек в чёрном шёлковом костюме. Я в своём пальтеце и белой заячьей ушанке стою перед ним в растерянности. И слышу:

— Вы как настоящая уралочка!

— Так я и есть настоящая уралочка! — немногого осмелиев, отвечаю я.

Диалог этот предваряло наше телефонное знакомство, когда я договаривалась о встрече композитора с журналистами (в то время я работала директором пермского Дома журналистов и редактором еженедельника «Пермская панорама»). Пришлось рассказать о себе: что я из Березников и что во время войны школьницей, выступая в госпиталях перед ранеными, пела его известнейшую тогда песню «Уралочка».

Встреча в Домжуре прошла очень интересно. Журналисты засыпали Хачатуриана вопросами, больше всего интересовались его жизнью у нас в годы войны. Он вспоминал о Перми тепло, рассказывал, что в 1942 году жил на пятом этаже в гостинице «Центральная», написал там около семисот страниц партитуры «Гаянэ». И знаменитый «Танец с саблями» написал именно тогда, в гостиничной комнатушке, где с трудом помещались пианино, стол и табуретка. Сел за работу в три часа дня, в два часа ночи закончил, до утра переписал ноты на отдельные партитуры, утром уже репетировали.

Мы много говорили о том, как трудно жилось во время войны. И как высоко ценились тогда людское участие и поддержка.

Галина Дубникова

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Из раннего детства в памяти ярче всего — как мы с мамой идём из садика!

Вот один такой вечер. Ещё не очень поздно, но глубокой осенью да в непогоду темнеет рано. Скорее всего, это суббота, потому что в садике я жила по шесть дней в неделю. Заветный момент: идём с мамой домой! Хотя какой он, наш новый дом? Кладовка в три квадратных метра в двухэтажном восьмиквартирном доме, куда нас с мамой привезли с железнодорожного вокзала Пермь I в 1941 году.

По маминым рассказам, поскольку в годовалом возрасте, разумеется, в моей памяти это следов не оставило, мы пережили двойную эвакуацию. Из Минска, где только что получили хорошую квартиру, в хорошем доме, в хорошем месте, после первой бомбёжки и попадания бомбы в этот дом вынуждены были бежать в лес, а потом искать спасения у ма-

миного брата в Сталинграде. Спасти не удалось, пришлось бежать дальше и дальше, в неизвестную точку на карте, про которую мама ни сном, ни духом не ведала, — город Молотов. Долго ехали в промерзающей теплушке. Высадили маму на берегу Камы с двумя поклажами — за спиной мешок, на руках в тёплом одеяле я. Сплю. На щёки снежинки падают, а может, и мамины слёзы. Подошёл возчик, который собирал приезжих, отвозил туда, где определяли им место жительства. Этот человек стал её успокаивать: чего, мол, плачешь, посмотри, какой малыш у тебя сопит. Уберегла же! И здесь тебе помогут.

Это не мои воспоминания, но порой мне кажется, я хорошо представляю, как оказались мы в Молотове в предзимье 41-го. На лавочке, на самом берегу Камы. Может, поэтому всю жизнь она к себе притягивает?..

Возвращаюсь, однако, к тому, что и на самом деле помню. Мы идём из садика! Прошли страшное место — здание тюрьмы, в котором сидят нехорошие люди, подходим к нашей улице. На углу квартала стоит столб с раскаивающейся на ветру тарелкой фонаря. А внизу... Под ногами блестит глина! Если разбежаться, то можно по ней катиться, а можно даже войти в лужу, в которой плавает-отражается фонарная лампочка, и от этого сама луга светится. Весело и немножко боязно, ведь кругом вода! Мама кричит:

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

— Что за ребёнок! Простынешь, ноги промочишь. Выходи немедленно!

И что-то ешё. Я же не думаю о том, что ей нужно нести полные вёдра воды с неблизкой колонки, отмывать меня и от глины, которая налипала везде и всюду, и от недельной садиковской жизни.

Кухня большая, в ней печка и большая плита, на которой и грели воду. Мама мыла меня в корыте, закутывала в одеяло и несла на нашу кровать в нашем «пенале». Кровать узкая, я прижимаюсь к маме, мы ещё немного разговариваем, и начинаются сказки во сне. А в них все мои друзья по садику и Ася тоже. Когда меня ставили перед ней, она кусала меня за локти. Только во сне она не кусалась, а просто рассказывала про свой город Ленинград. Будто сама помнила. Ясное дело, ей мама рассказывала. И мне ужасно хотелось в тот город, хотя и во сне.

Наш чай или завтрак, или обед по воскресеньям проходил в нашей «комнате». В ней порог служил столом, на котором мы с мамой умещались вдвоём. Табурет, покрытый клеёнкой, превращался в стол.

Посреди комнаты — на длинном проводе лампочка. Она меня пугала, потому что, когда становилось темно и её включали, раздавалась: точно такая же появлялась за окном. Мне было интересно, как так она туда перебралась, но мама от-

вечала одно и то же: это отражение, как в зеркале. Я не понимала, что значит само слово «отражение», хотя везде и всюду сталкивалась с ним. Да хотя бы в тех же любимых лужах, куда меня просто затягивало. А если ёщё в солнечный день, когда в луже небо с облаками отражалось! В самом деле, не могли ведь облака в лужу упасть! Они так высоко, а тут — вот, в самой луже! И я могу по ним шлётать!

Садик наш, как говорили тогда, «элитный»: в него ходили дети сотрудников НКВД. Что это за НКВД такое, понятия не имела. Мама работала бухгалтером в той самой тюрьме, мимо которой обычно шли, и которой я боялась, а мама почему-то говорила, что там и хорошие люди есть. Как те тёти, которые сшили мне пальто из шинели (на вырост и очень неудобное, в нём бегать было неловко).

Мой обычный путь из садика проходит под мамино ворчание:

— И когда ты будешь идти спокойно, за ручку, как все дети?

Зачем за ручку? Ведь столько загадочного за каждым поворотом, за каждым домом! И хоть краешком глаза да хочется заглянуть, а что там? Вот из таких перебежек и состоит мой путь. А если на земле да в солнечных бликах сияет осколок стекла! Да ёщё зелёный! Это настоящая драгоценность,

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

которую можно долго рассматривать в солнечных лучах. Как в нём всё переливается, сверкает, играет! Скорее спрятать его в кармашек, чтобы поиграть дома, ведь никаких игрушек у меня нет. Ни кукол, ни зверушек мягких. Что это такое, мягкие игрушки? Представить себе не могла. Садиковские не запомнились почему-то.

Ещё дорога домой состояла из подробного рассказа о том, что происходило в садике. И все песни, какие мы там выучили, непременно исполнялись тут же, от бодрых военных («У меня есть шашка на ремне, поскаку я ловко на коне») до лирических («По солнышку, по солнышку дорожкой луговой иду по мягкой травушке я летнею порой. И любо мне, и весело смотреть по сторонам, голубеньким и беленьким я радуюсь цветам»).

Мама слушает и улыбается. А одну песню почему-то попросила больше не петь. Зима, идём это мы, и я ору на всю улицу: «Мама, мама, мама! Каждая случилась драма! Вчера была я девушкой, сегодня уж я дама!» Смотрю, мама даже не улыбнулась, только попросила меня песню эту забыть. Зато сзади раздался смех. Какой-то дяденька на костылях шёл и хохотал вовсю. Вообще-то, я видела много дяденек, то на костылях, а то на каких-то дощечках с колёсиками. Они в госпиталях лежали, их с фронта сюда привозили. Эту информацию я уже

усвоила. Тот дядя, видимо, тоже из госпиталя. Он нас догнал, похвалил меня, сказал маме, что у него есть такая же дочка, только вот не знает, где она сейчас. Он очень хотел взять меня на руки, да на костылях неудобно. Вот и пойми взрослых: то я молодец, а то больше не пой.

Или другой момент, как стёклышко из калейдоскопа моего самого раннего ясного детства. Мама по дороге сказала, что знакомая тётя мне (!) передала привет. Спрашиваю, какого он цвета и куда его мама положила. Она только расхохоталась. Тут я прямо-таки бежала домой, без всяких разворотов-заворотов, мама еле за мной поспевала. Едва пришли в нашу кладовку, как мама отправилась на общую кухню готовить еду, а я давай вытягивать мешки из-под кровати, где он и каков, этот самый привет? Можно только представить мамино удивление, когда она вернулась: я сижу на полу в ворохе барахла, реву и, разводя руками, обиженно выговариваю:

— Привета не нашла...

Но особенно запомнился мой самый счастливый детский день. До мельчайших подробностей.

Почему-то мама пришла за мной в садик с утра. Все уже говорили о дне победы. Видимо, решила я, это день, в который все поют: «День по-петь». Конечно, мама и раньше говорила, что вот мы

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

врагов, фашистов, победим, и тогда все вернутся домой. И мы тоже вернемся в Минск, в новую хорошую квартиру. Ну вот, этот день пришёл, всех фашистов победили — значит и мы сейчас пойдём собирать вещи и уедем.

Но мы прямым ходом отправились в Красный сад, это позже он стал садом имени Горького. Сколько удовольствия мне было подарено в этот день! Мама купила пирожок, потом петушка на палочке, потом вкусную водичку, которая за язык щипала. Потом на чём-то меня покатала. Потом мы прошлись по всяким тропинкам и дорожкам, как в лесу. И, наконец, очутились в настоящей сказке — в летнем театре, на представлении о Емелюшке, который лежал на печи.

Мне хотелось прыгать, вертеться, кричать на весь белый свет. На одной площадке какие-то ребяtkи пели и танцевали. Я смотрела-смотрела да как рвану в самый круг хоровода и давай выделять всё, что другие дети. Вот уж где растворилась в общем веселье! После этой гастроли мамина рука зажала мою ладошку покрепче и ни на секунду не выпускала.

Потом мы пошли на берег Камы. Сели на лавочку, смотрели на катера, на плоты, на берег весь в брёвнах. Пока я наконец не заснула на маминых коленях.

А вечером, уже совсем поздним вечером, когда мама купала меня в корыте, раздались громкие выстрелы, в небо рванулись цветные фонтаны, это был салют. Я помню, что сначала испугалась, когда бабахнуло: вдруг это снова пришла война! Но меня успокоили: Победу так отмечали!

...Это был самый счастливый день моего раннего детства, потому что потом ничего, о чём мечталось, не случилось: ни возвращения в Минск, ни хореографического училища, куда очень советовали отдать меня наши временные соседи, артисты Кировского театра из Ленинграда, ни... Случилась жестокая болезнь, которая распорядилась по-своему всей моей дальнейшей жизнью. Совсем другой, но оттого не менее интересной. А закваска из самых ранних лет осталась на всю жизнь: яркий калейдоскоп из моего счастливого детства в эвакуации, другого же я не знала.

Данир Закиров

ВРЕМЯ ЛИХОЛЕТЬЯ

Когда началась война, в нашу деревню из Москвы приехали мои двоюродные братья: была угроза оккупации столицы.

Отца помню только по рассказам матери. Его взяли на фронт на третий день войны в числе первых призывников из нашей деревни. Отец был к этому готов: он отслужил в армии, где был пулемётчиком. Дома осталась молодая жена с тремя малолетними детьми. Провожали отца на фронт до соседней деревни. Я ехал с ним на повозке. Когда расставались, мы долго плакали...

Позже на фронт было призвано всё мужское население деревни. Вернулся один мужик без руки. Он и руководил колхозом.

Огромную, непосильную тяжесть вынесли на своих плечах жители сёл. При нехватке техники и рабочих рук они обеспечивали фронт и тыл хлебом,

продуктами, военную промышленность — сырьём. Пахали на быках, коровах. Иногда тянули плуг и сами люди. Место мужчин и в сельском хозяйстве, и в промышленности заняли женщины и подростки.

В апреле 1942 года ЦК ВКП (б) принял постановление об обязательном для колхозников минимуме трудодней. Нагрузка на каждого сельского труженика фактически увеличилась в три-четыре раза. У наших матерей совсем не осталось времени для ухода за детьми. И часто за работу они получали только ничем не обеспеченные трудодни.

Наша мать работала в колхозе, можно сказать, за троих. Что бы ей ни поручали, всё она выполняла. Однажды бригадир Масхуд заставил её пасти табун лошадей, то есть ездить верхом. Мне в то время было семь лет, я с возмущением заступился за мать и сам пошёл пасти лошадей. Но без привычки я не мог долго сидеть на лошади без седла. Лошади разбежались. Пришлось мне пешком их собирать...

Повидали мы всякое. В тяжёлые времена в людях проявляется не только доброе начало, но и низкое, жестокое. Осенью 1942 года, когда мама была на работе, воры на глазах у нас, двух маленьких детей, вынесли из дома всё нажитое, в том числе вещи брата отца, привезённые из Москвы на хранение. Сначала затрещали окна. Мы с сестрой испугались, думали, что лезут «черти». Но появился

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

мужчина. Он вынул окно и проник в дом. Никто из соседей этого не видел. Только гуси подняли галдёж. Мужик набил мешок одеждой, не спеша съел пироги, оставленные нам, запил молоком...

На этом наши беды не кончились. Заболела и померла кормилица семьи, корова. Начались голодные месяцы. Кормились своим огородом. На 25 сотках выращивали картофель. Его хватало только до весны, поскольку за счёт картошки мы одевались, обувались и платили налоги. С нетерпением ожидали весны, схода снега, чтобы искать оставшийся в земле мёрзлый картофель. Ждали появления первой зелени. Я, пятилетний мальчишка, тоже кормил семью как мог: собирая щавель, крапиву, колоски в поле, заготавливая траву для нашей немногочисленной живности. С замиранием сердца мы ожидали созревания ржи, а затем молодой картошки. Это были самые лучшие месяцы года, когда можно было наесться досыта. Многие пухли, умирали с голода. На моих глазах так умер мой друг-ровесник.

Мама наша выдержала всё, выстояла, сберегла нас.

Какая была радость 9 мая 1945 года! Появилась надежда на лучшую жизнь, ждали фронтовиков домой. Но отец не вернулся с войны. Государство дало нам пенсию за погибшего отца — 56 рублей. Жили впроголодь.

Я стремился получить среднее образование, поступил в восьмой класс районной средней школы в двенадцати километрах от нашей деревни. Затем уехал в город Зеленодольск, поступил в ремесленное училище. В училище одевали, кормили, давали хорошие специальности. Выпускникам можно было ехать на Сталинградский тракторный завод. Но мне было необходимо вернуться в родную деревню. Поступил здесь работать токарем в МТС, решил отремонтировать отцовский дом, который пришёл в полную негодность.

За помощью обратился к властям. Попросил делянку, чтобы заготовить лесоматериал. Бюрократов было немало всегда. Мне отказали. Я расстроился, но не растерялся. Написал письмо как сын погибшего фронтовика председателю Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову. Ответ из Москвы пришёл быстро. Бросив все дела, председатель райплана приехал в нашу деревню, нашёл меня и сказал в сердцах:

— Даю тебе делянку! Только отстань от меня и не жалуйся больше.

Отцовский дом я отремонтировал, но влез в большие долги. И пришлось мне искать счастья в других краях. Уехал в город Кизел.

Поработав на шахте несколько лет, окончив школу рабочей молодежи, я поступил в горный ин-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

ститут, окончил его. Трудился на ряде руководящих должностей в угольной промышленности. Получил звания Заслуженного шахтёра РФ и Почётного энергетика РФ. Стал доктором технических наук, профессором.

Вспоминая военное и послевоенное лихолетье, могу свидетельствовать: героическая самоотдача нашего народа, мужчин, женщин, рано повзрослевших подростков, помогла победить коварного врага, а затем восстановить разрушенные города и сёла, заложить основу дальнейшего успешного развития страны.

Члены фронтовой бригады ремесленного училища № 8
г. Молотова (г. Молотов, Молотовская область. 1943 г.)
ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 312. Л. 11.

Учащиеся ремесленного училища № 3 г. Молотова
на занятии по строевой подготовке
(г. Молотов, Молотовская область. 1943 г.)
ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 312. Л. 14.

Альмира Зебзеева

А ЭТО НЕ ТЕЛЕГРАММА, А ПОХОРОНКА...

В квартире было три комнаты. До войны две из них занимала наша семья: мама, папа и мы с Юркой. К тому времени, когда отца перевели из города Чусового в Пермь (тогда Молотов), трёхлетний брат уже несколько смирился с тем, что кроме него у мамы есть я, и не канючил: «Ма-а, бось её в мою яму!» — что означало: «Брось её в помойную яму».

Года два-три спустя такая перспектива мне уже не грозила. И ссорились с братом мы только тогда, когда отец уезжал в командировку, — из-за того, кому спать с мамой. Но она эти ссоры умело гасила, устраивая рядом обоих. Однако когда папу собирали на фронт, мы, маленькие дураки, радовались, что уютное место рядом с мамой освобождается не на неделю, как обычно, а, кажется, на подольше. Отец

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

уехал в свою последнюю командировку. Бессрочную. Насовсем.

В город хлынул поток эвакуированных. Размешали их всюду, где только можно, теснили всех. Называлось это «уплотнение» и «подселение». Нам оставили только одну комнату, а однажды, помню, чужие люди жили и в ней тоже. Народу в квартире перебывало множество. Ничего не закрывалось, всё наружу, будто наизнанку. Взрослые какие-то в памяти остались, а вот маленькие — нет. Но ведь были они, дети! Иначе с кем же это мне попало-то первый раз в жизни? С этим кем-то, таким же трёх-четырёхлетним, мы придумали игру: надо было незаметно забежать в угловую комнату, отщипнуть крошку от лежащего на столе хлеба и выскочить. Мы, конечно, играли, но ведь таились, страшились до трепыхания сердчишек: выходит, понимание, что делаем неладно, уже было. И — по очереди! И — снова! Раз — незаметно, два — незаметно. Наконец, заметили. И всыпали: не бери чужого!

Что уж за игра такая? Голодными вроде не были.

Не были... Тогда почему так подробно помнится всё, что ели? Почему даже запахи в памяти живут? Особенно стоеч запах варёной капусты. Например, обеденное меню в детской больнице, куда однажды угодила: на первое щи, на второе тушёная

Альмира Зебзееева. А это не телеграмма, а похоронка...

капуста, и компот тоже с капустой, потому что его почему-то разливали плохо промытым суповым половником.

Детсад, лагеря, школьные столовые. На казённой еде спаслись и выросли. Мама вспоминала, как, отправляя нас первый раз в лагерь в Полазну (мне — четыре, Юрке — семь), передала вдогонку пирожок-манник. Тётка-воспитатель долго ходила с этим пирогом по пароходику, выясняя, кому его следует отдать. Мы знали, что нам, но оба почему-то притались, промолчали. Очень уж, видно, пришиблены были первой большой разлукой с домом. А потом — один раз в длинное-предлунное лето — мама к нам приехала. И я вынесла ей в кармашке трусиков (она нам шила такие трусишки, отделанные беечкой, с карманчиком на пузе) угощение — печеньюшку от полдника. Как она всю жизнь потом эту печеньюшку вспоминала!..

Там же, в летних спасительных ссылках, нас непременно прививали от очередной детской разрыси. Укол в попу — и сразу же тебе утешительный финик в рот. Интересно, откуда взялись эти финики.

Вообще-то мы тогда ели всё, что росло под ногами. Обсасывали сладкие цветки «кашки» — белого клевера. Жевали, кривясь и жмурясь, кислую заячью капусту. А конский щавель! И ещё «калачики» отыскивали в каких-то подзаборных цветах, похо-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

жих на мальву: надо было развернуть зелёнькую обёртку, там таилось крохотное колёсико странного вкуса. Как только не травились? Может, маленьким людям ещё присуще звериное чутье? Одному мальчишке, правда, оно изменило: наелся-таки волчьих ягод, его увезли из лагеря в город, а спасли или нет — не знаю.

В родительские дни, когда к другим приезжали, а к тебе нет, в обед утягивала корку чёрного хлеба и сосала её, делая вид, что это шоколадная конфета, которую тебе якобы тоже привезли или передали. И чего было врать-то?

В первом классе (это 1944-й год) на большой перемене разносили завтрак — полкусочка хлеба, сверху ложка сахарного песку. Кружка чаю из котла, который волокут следом. Как-то раз я вызвалась отнести эти завтраки однокласснице, проболевшей три дня. Три кусочка, посыпанных песком, сложила в бочок школьной сумки друг на дружку. Тащилась долго, в конец посёлка. Выгребали размокший хлеб ложкой.

В школьной столовке лучшее лакомство — чибрики. Чибрик — это такой пирог ни с чем, похожий на подошву тапка, жаренный в каком-то сомнительном масле (вспомнила: в комбижире!). Не встречалось эдакое кулинарное изделие потом уж больше никогда.

Альмира Зебзееева. А это не телеграмма, а похоронка...

Мы были сданы в государственные учреждения, потому что мама работала. Устроили её в школьную столовую мыть да убирать. Специальности у неё не было никакой, но руки — золотые, ум — быстрый, характер — общительный, натура, как сейчас сказали бы, — обучаемая и позитивная. После садика я торчала в школе, пока не кончится её рабочий день. Кончался он поздно: в школе было три смены, сюда перевели всех, кто прежде учился в новой школе на улице Боровой. Там разместился госпиталь. А наша школа была одноэтажная, деревянная, на Шоссейке — улице Шоссейной в посёлке за перекидным мостом. Самым замечательным местом там была библиотека. Я перечитала в ней всё, что можно и нельзя.

Читать научилась, сидя напротив брата, который готовил уроки, поэтому некоторое время и позднее пыталась держать книги «вверх тормашками», вниз головой. А в шесть лет, вволю наболтавшись в школьных коридорах, упросила маму записать меня в первый класс.

Учительница Сара Григорьевна, эвакуированная из Одессы, сказала:

— Ну, пусть посидит. Надоест — вернётся в детсад.

И посадила на последнюю парту. Но после первой четверти пересадила за парту перед учительским столом.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Сара Григорьевна нас любила. Хвалила щедро, каждому на тетрадку наклеивала картинку — у меня на одной тетрадке был Чапаев на коне. И по-детски огорчалась, если у нас что-то не получалось. От меня она требовала: «Читай по-первоклассному!» — это значило «читай по слогам». У меня по слогам не получалось: зачем же целое-то делить? И уж вовсе не по силам было управляться с чистописанием. В тетрадке с Чапаевым я такое наворотила! Сара Григорьевна до того была расстроена этой мазнёй, так возмущённо тряслась перед моим носом тетрадкой, что и порвала её нечаянно. С Чапаевым! До сих пор жалко.

Эвакуированная Мариинка привезла в Молотов образцы высокого искусства, подарила городу хореографическое училище, обозначила исключительную культурную планку. Вот и мне кто-то из эвакуированных ленинградцев тоже ненароком эту планку обозначил. В доме откуда-то взялись (какими судьбами довезли их до Молотова?) два огромных (теперь знаю — формата ин-фолио) дерево-люционных альбома. Я пристраивала тяжеленный фолиант поперёк старенькой кушетки и становилась коленками на пол: только так можно было его листать. Один был сrepidукциями Репина (почему-то в памяти особенно надолго застрили «Отойди от меня, сатано» и «Не ждали»), другой — с фотографиями

Альмира Зебзееева. А это не телеграмма, а похоронка...

фиями Веры Фёдоровны Комиссаржевской (Ибсен, Нора, Бравич — не имена, а песня). Бог знает, куда потом делись эти чудные издания, но для меня они определённо успели стать тем, чем стал для города Кировский театр.

Девятого мая мы почти всю ночь — никто из взрослых даже не подумал хвататься! — торчали на мосту, под которым стояли эшелоны. Долго ждали салюта. И ведь дождались!

На школьном празднике в честь победы самым мощным действом был литературно-музыкальный монтаж. Это такой сплав всех жанров: на фоне хора и в его сопровождении выступают чтецы и певцы, гимнасты строят «пирамиды», танцоры пляшут в присядку, а всё вместе — апофеоз искреннего и пронзительного патриотизма. Нашим 1944-м годом начиналось «гимназическое десятилетие» — эпоха раздельного обучения, и только что ввели школьную форму. Мама для участия в литмонтаже из своей юбки сшила мне платье, а из наволочки — белый фартук.

Как же она умела найти выход из любого положения! И всегда старалась нас порадовать. Какую ёлку она нам ставила в Новый год! Огромную, до потолка, жизненное пространство сокращалось напрочь! Зато мы твёрдо знали: такой нет ни у кого.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

А игрушек-то поначалу не было, так она взяла моё старенькое одеялко и унесла его на барахолку. Продала одеяло и купила несколько стеклянных шаров и плоских зверей из картона, оклеенного серебристой бумагой. Но для нашей здоровенной ёлки этого очень мало. И вот, вечером мы усаживаемся вокруг стола, на который мама выложила бумагу, вату, заваренный крахмал, проволоку, нитки, банки с водой... В банках она развела жгуче-бордовый марганец, пронзительно-жёлтый акрихин и ослепительно-яркую зелёнку. Из ваты скатывали колобок, пришпандоривали к нему петельку из ниток, черешочек из проволоки, обмакивали в крахмальный клейстер, а потом, чуть подсохнет, разрисовывали его в «яблоко» или «грушу» и приделывали зелёные бумажные листики. Потрясающие получались уродцы, но мы на это фруктовое пиршество не могли налюбоваться. А ещё kleили километры гирлянд из бумажных акрихиново-марганцовых петелек.

Вот так же вокруг стола сидела вся наша квартира, когда мама читала вслух «Роман-газету» с «Радугой» Ванды Василевской. Обливались слезами, жалея героиню, которую с ребёнком на руках гнали фашисты по снегу босиком ...

И так же плакала вся наша квартира, когда пришла похоронка.

Альмира Зебзееева. А это не телеграмма, а похоронка...

Отец уехал в марте 1942-го. Письма шли из Аткарска — города в Саратовской области. Там он учился на политрука. Осенью письма приходить перестали.

И вот снова весна. На улице уже тает вовсю, а мне всё ещё не разрешают сбросить опостылевшее, враз ставшее тесным и тяжёлым зимнее пальтишко. Ни просьбы, ни рёв не помогли. Спускаюсь по лестнице, вся в соплях и горе. И вдруг — ух ты! — почтальонка, в нашу квартиру. А в руках у неё не треугольничек, а тоненький конверт. С вмиг прохожим лицом опережаю её, вопя:

— Нам телеграмма! Телеграмма!

Откуда про телеграмму-то взяла — непонятно.

А это была похоронка. Уже очень взрослой я рассмотрела ту полуистлевшую бумажку. Господи, она же пришла весной сорок четвёртого! Выходит, никаких известий об отце не было целых полтора года. Как же мама жила-то с этим...

Тогда же, очень взрослой, я расшифровывала письма отца. Почему расшифровывала? Потому что написаны они в основном карандашом, за 70 лет карандашные записи выцвели и полустёрлись, особенно на сгибах. А ещё потому, что писал отец без абзацев и знаков препинания. Я читала эти письма и открывала для себя то, чего раньше за-

метить не удосужилась. Вот, например. Он пишет: доволен, «что вы хорошо живёте, ни в чём не нуждаетесь» — значит, мама так и писала. А на фотографии той поры она — щёки запали, краше в гроб кладут, такая худущая. Он пишет: «Не спеша устраиваться на работу... мне легче, когда знаю, что ребята присмотрены...» — а мы уже давно не видим маму с утра до позднего вечера. Он пишет, что кормят хорошо, а в последнем письме вдруг просит сухарей прислать, только не говорить об этом никому, а то, мол, скажут: «На фронте ещё не был, а только требует посылки». И вспоминает, как дома за обедом «чинился», а вот теперь встает из-за стола и «чёрт знает бы что съел». Ещё его пытаются, оказывается, отозвать на паровозную работу, а специалисты-железнодорожники имеют броню, но «между нами говоря, мне этого не хочется, учился 4 месяца, нужно же оправдать, что мне дали, показать на практике». И всё чаще в этих письмах — о том, как уже тяжело без «практического дела», которого ждут со дня на день («может, завтра, а может, послезавтра», «хочется принять самое настояще участие в бою с немецкими бандитами»). И вот уже они на Волге, совсем близко к фронту («почти видно и слышно», «думаю, что скоро непосредственно буду участвовать в боях»), а потом тишина...

Альмира Зебзеева. А это не телеграмма, а похоронка...

В похоронке написано, что отец погиб в ноябре, а в справке из архива, которую я получила по запросу много позже, указано 29 сентября. И сказано в этой справке, что он «похоронен в могиле № 37, 1000 м северо-восточнее д. Орловка Городищенского р-на Стalingрадской (ныне Волгоградской) области».

Сейчас от города, от знаменитого тракторного завода, до села Орловка — 15—20 минут на автобусе, практически это пригород. Здесь проходил рубеж, за который дрались до последнего патрона. У немцев было вдвое больше самолётов и вчетверо — танков. 26 августа 1942 года они начали тут всё бомбить и утюжить. От села ничего не осталось. В этом огне сгорали новые и новые дивизионы, артбатальоны, стрелковые подразделения. 3 сентября в бои вступила 115-я Особая стрелковая бригада, где политруком служил отец. 29 сентября была самая страшная бомбёжка.

Невозможно представить, какая была мясорубка, что творилось тогда на этой земле, на этой улице, где сейчас стоят крепкие дома, цветёт сирень... Сразу, как только вышибли немцев, какой-то взрослый инвалид нашёл лошадь, созвал ребятишек, и они собирали останки бойцов в степи. А уже потом сюда свозили и останки погибших из разных окрестных захоронений, в том числе и из того, отцовского, № 37. Сейчас стоит посреди села очень

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

достойный мемориальный комплекс: высокий обелиск под берёзами и ряды «каменных страниц» — табличек с фамилиями погибших. Фамилий больше 3600, что ни год — добавляется новая страница. Вот и после моих поисков добавилась ещё одна: на ней возвращённые к памяти имена, и третья сверху — «Сычёв Г. Д.».

Говорят, плохо, когда близкие уходят неоплаченными. Ребёнком я, конечно, не понимала размеров потери и не переживала так, как мама (отцовские письма все в разводах: это же её слезы!). А вот теперь, над свежей табличкой, оплакала его по-настоящему. Увезла горсть сталинградской земли на мамину могилу, и на душе стало светло: они вместе.

...Поначалу мне показалась очень сомнительной идея воспоминаний о войне тех, кому в войну было-то всего-ничего. А потом я с идеей этой как-то свыклась. В конце концов, всё имеет свою ценность. Воспоминания о раннем детстве, пришедшем на войну, — ещё одно свидетельство её жестокости к каждой конкретной семье, к каждой человеческой жизни. Это и свидетельство того, как в нужде и тяготах оберегали нас от бед наши мужественные молодые мамы, тогда как мы-то оставались просто детьми, со своими детскими радостями и глупостями.

Это возможность ещё раз поклониться им вслед.

Учащиеся ремесленного училища № 1 г. Молотова учатся приемам
штыкового боя (г. Молотов, Молотовская область. 1943 г.)
ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 312. Л. 16 об.

Хор ремесленного училища и 3-й струнный оркестр
ремесленного училища № 22 (г. Пермь)
ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 2-Г. Д. 5. Л. 1.

Борис Злобин

ЧУСОВСКИЕ ШПИНГАЛЕТЫ

Я родился в посёлке Чусовском в год, когда его переименовали в город. Своего жилья семья не имела. Снимали то комнату, то баньку в чём-то огороде. Меня чуть не с ясельного возраста устроили в детский сад, я пребывал в нём неделями.

Из самых ранних воспоминаний: в белой рубашке, в чёрных штанишках по колено с лямкой через плечо и в малышковой белой панамке я разгуливаю по большой поляне за околицей посёлка Чунжино. Меня потеряли, а я цветочки собираю среди высокого разнотравья. Невдалеке зелёные бойцы ходят шеренгами и тыкают друг в друга длинными белыми палками: видно, в войну играют. Слово «война» я уже знал.

Отца с первых дней войны мобилизовали в армию. Он был уже опытным воином, участвовал в боях на озере Хасан, был награждён боевым орде-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

ном Красной Звезды. Я с большим почтением разглядывал в центре ордена фигурку бойца в шинели с винтовкой наперевес в окружении пяти красных лучей, отливающих рубиновым цветом. На фронтах Великой Отечественной отец воевал полтора года. Был ранен, отлежался в госпитале и вернулся в город Чусовой к прежней работе машинистом электровоза. Стал водить тяжёлые составы до станции Балезино, где заканчивалась электрифицированная дорога. Там поездная бригада отдыхала и формировалась встречный состав.

Из поездок папа привозил незамысловатые подарки: какую-нибудь погремушку и пряники. Доставал их из походного сундука, обитого железом. В глазах стоит: вот он, в кожаной тужурке, уходит в очередную поездку подпрыгивающей походкой — следствие ранения, — в руке покачивается незаменимый сундучок с горбатой крышкой...

Помню, румяным зимним утром выбежала из калитки на шум очередного состава, громыхающего под горой. Солнце, огромное красное, только-только поднялось над противоположной горой, над частоколом дремуче-зелёных елей; оно ещё не высветило синие снега межгорья с избами, горстями рассыпанными на склонах горы. Взору предстала длинная цепь танков на платформах, едущих сквозь снежные вихри. Белых танков, то ли заиндевелых,

то ли специально окрашенных для маскировки. Мне понятно: танки едут на фронт! И ведёт воинский состав папа. Шла суровая зима сорок третьего года.

На конечном пункте Балезино папа жил посторонним у вдовы погибшего на фронте товарища. Она мыкалась с четырьмя малолетними детьми. Павел Дмитриевич близко к сердцу принял её горести. Пожалел, потом полюбил, стал мужем и отчимом. А я стал безотцовщиной. Житейская история.

Много позже, когда мне исполнилось четырнадцать, я набрался храбрости нагрянуть в гости к отцу. А почему бы и нет?

— Поезжай, — сказала мама.

Я в Кусье-Александровском. Папа и тётя Сима встретили меня приветливо. Отец даже прослезился. Детей было уже шестеро. В том году зима была морозная, многоснежная. И мы, братья и сёстры, все каникулы дружно и весело катались на лыжах с тамошних красивых гор. Две недели пролетели как один день. Больше мы не виделись.

Моя мама Агриппина Николаевна всю войну работала в мартеновском цехе Чусовского металлургического завода. Как поётся в песне, «дни и ночи у мартеновских печей не смыкала наша Родина очей». Это моя мама-родина по восемь, а то и по двенадцать часов вкалывала то в первую, то во вторую, то в третью смену. В толстойвойлоч-

ной робе, в валенках с калошами орудовала совковой лопатой. Промешивала и подавала с холодного шихтового двора к пламенным печам тяжёлую жирную шихту.

Зато сыночек неделями жил сытеньким и ухоженным в детском саду завода. До семилетнего возраста кормили там нас, детей заводчан, вкусно и разнообразно: супчик, каша с маслом, хлебушек, компот или кисель.

В игровом зале было много игрушек, подаренных заводчанами. Мы рисовали самолёты, танки, разучивали песни и танцы. Новогоднюю ёлку наряжали самодельными бусами, фигурами зверушек. Помню сказку о золотой рыбке, красивую девочку в жёлтом платьице из крашенной акрихином марли. Стражник держал в руке серебряную алебарду. Мне достался гостинец — разноцветное драже. Лучшего праздника я не видывал.

Маме как стахановке выделили комнату в шлакоблочном доме как раз напротив клуба металлургов — заработанное счастье. Этот клуб, тогда ещё деревянный, стоял на улице Ленина. Там пятилетним пацаном в какой-то постановке я увидел почти взаправду горящий костёр и былинных русских воинов.

За клубом простирался стадион с ажурной вышкой для прыжков с парашютом, а вблизи

от неё — чудища двух немецких танков, «тигра» и «пантеры». Их привезли для переплавки в доменных печах, но два оставили для показа чусовлянам. Ребятишки излазили их вдоль и поперёк. Зимой на стадионе, превращённом в каток, в больших ватагах конькобежцев сновал и я на «снегурках», а затем на «дутышах», привязанных к валенкам верёвками.

Мир был многоцветен и ярок. Славный город Чусовой был так далеко от фронта, что в нём начами сиял электрический свет. Вдобавок заводское небо то и дело подсвечивали всполохи от доменных плавок. Тишину нарушали вздохи бессемеровских и мартеновских печей, прокатных станов и блюмингов, свистки и лязг маневровых поездов, грохот железнодорожных составов. Эти всполохи и натруженное дыхание завода воспринимались заводчанами как колыбельная. Горожане научились сквозь сны выслушивать почасовые гудки завода и вставать по гудку, как по будильнику.

Война напоминала о себе калеками на костылях да частыми похоронными процессиями с оркестром, проходящими по главной улице. Военный госпиталь располагался в саду Дома железнодорожников.

Мама, когда я хворал и сидел дома, радowała меня гостинцами: принесёт с работы то кашу в ямке, вырезанной в полбуханке ржаного хлеба,

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

то груду золотистой от старости солёной кильки в обёрточной бумаге. Ярким вкусовым праздником мог стать ломтик чёрного хлеба, намазанный подсолнечным запастистым маслом и присыпанный солью. Вспоминаю большую удачу: как-то зимой мы с мамой выстояли с полуночи долгую очередь в магазине и принесли домой ведёрко овсяной болтушки. Сварили из неё кисель. И вот он остывает на столе. Толстую корку разрывает трещинка, и уже можно отхлебнуть горячего сытного варева! Нет-нет, мы с мамой не бедствовали, не голодали. Мы не «воровали» колосков с уже скатой и убранной нивы, не выкапывали по весне прошлогодних клубней картофеля. Про эти ужасы мне впоследствии рассказывала жена, прожившая военные годы в деревне Курманаево под Кунгуром.

У ребятишек нашего двора имелось прозвище — «шпингалеты». Наверное, потому, что мы все как на подбор были юркими худышками и всячески веселились. Мы хотели над шутками о немцах, которые вместо масла едят какой-то маргарин. Во всё горло распевали про них озорные частушки.

Уже будучи взрослым я где-то прочитал, что даже бельгийцы в войну страдали во время оккупации страны немцами: из магазинов исчезло парное мясо! С той поры в столовых и кафе я долго испытывал лёгкое замешательство, когда мои сотрудники

не доедали кушанья в своих тарелках и оставляли обкусанные ломтики хлеба.

О победе я узнал в детсадовской столовой. К нам вышла директриса:

— Дети! Сегодня объявили по радио о полной победе над фашистской Германией! Мы победили — ура!

Все закричали: «Ур-ра-а-а!» Соскочили со стульев, забыв о еде. И очень веселились. Директриса, воспитательницы и повара стояли у стены шеренгой и, глядя на наше буйство, дружно плакали, сморкались в платочки и улыбались.

В честь победы маме в качестве премии вручили подарок для сыночка — американский костюмчик: брюки из шёлковой голубой ткани со многими карманами и синюю курточку на молнии и с красными рукавами, эдакий ленд-лизовский «секонд-хенд». Я носил его так долго, что буквально вырос из него.

Позже маму наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Эту награду я тайком от матери нацепил на свой пиджачок и унёс в школу — похвастаться перед сверстниками-первоклассниками да там её и поселял.

Ирина Карасик

РАНЕНОЕ ДЕТСТВО

(печатается в сокращении)

Сегодня мы, последние свидетели войны, относим себя к старшему поколению россиян, а тогда, более 70 лет назад, были детьми. Война не делала для детей исключений. Она обрушилась на них со всей своей жестокостью. Вместе со взрослыми дети голодали, мёрзли, страдали, умирали. И это самая страшная жестокость войны — страдающие, гибущие дети.

Здесь ничего не придумано. И если что-то освещено не совсем правильно, то лишь потому, что так события войны понимала маленькая девочка, которая многого не знала и не могла знать.

Мама, я убила Гитлера!

Мне три с половиной года. Мы живем на ХТЗ. Так я слышала от взрослых, не понимая смысла этого сокращённого названия — Харьковский тракторный завод.

Всё связано с войной. Не стало пирожных с кремовыми башенками, потому что война. Мама ходит молчаливая, с потемневшим лицом, не улыбается, потому что война. Бабушка ворчит и стонет: «Что с нами будет?» — потому что война. Все окна нашего дома заклеены белыми, расходящимися в разные стороны полосками бумаги, потому что война. А вечером мама ещё плотно завешивает окно одеялом и только после этого включает свет. Иногда лампочка под потолком неожиданно гаснет, и тогда мама велит моей старшей сестре Шуре принести коптилку — маленькую бутылочку с растительным маслом, куда вставлен фитиль из толстых ниток.

Все только и говорят: немцы, фашисты. Гитлер — самый главный фашист и поэтому самый страшный. Как выглядел он и другие фашисты, все дети в нашем доме знали из газет. Мы с сестрой рассматривали газетные карикатуры и очень радовались, что немцы такие уродины — маленькие, на тонких кривых ножках. Мы были убеждены, что они

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

и в жизни именно такие, как нарисованы в газете: таких мы обязательно победим! Впоследствии, увидев пленных немцев, я была поражена, что они выглядят, как обычные люди.

...Сестра куда-то убежала, и я рассматриваю газету одна. Гитлера узнаю сразу по чёрным усикам и отвратительному заострённому носу. Под рукой оказался карандаш, и я начинаю сначала медленно, а потом всё быстрее водить им по тому, что называется лицом Гитлера. Мне радостно думать, что я делаю Гитлеру больно. И чтобы ему стало ещё больнее, я изо всей силы тычу остриём карандаша в ненавистную физиономию, пока на том месте, где она была, не сделалась дырка.

В комнату входит мама, и я, ликуя, кричу:
— Мама, посмотри, я убила Гитлера! Его больше нет!

Хочу в свою кроватку!

Завыла сирена воздушной тревоги, и все мы укрылись в погребе во дворе. Погребов было много, у каждой семьи свой. До войны в них хранили продукты, теперь люди пережидали здесьочные налёты. В погребе темно и прохладно. Папа поднялся на несколько ступенек, приподнял крышку погреба и с тревогой вслушивается: в какой части города бомбят?

Мне виден кусочек тёмного неба, перечерченного подвижными длинными светлыми полосами. Это прожекторы. Они ищут немецкие самолёты, прилетевшие бомбить наш город. Звуки глухих разрывов доносятся и до нас. Прожекторы то сходятся совсем близко, перекрещиваясь, то расходятся вновь. Позже такое же небо я увидела в Сталинграде.

ХТЗ эвакуировался в Сталинград. Мы уезжали, а папа пока оставался. Эвакуацию помню смутно: шум, гам, плач, много людей, нагромождения узлов. Но трудное даже для взрослых слово «эвакуация» я в свои неполные четыре года произносила без запинки, и в моём детском лексиконе оно было столь же привычным, как для сегодняшних малышей слова «телевизор» или «компьютер»...

Я хочу спать, и меня пытаются уложить среди каких-то узлов и тюков. Но я знаю, что спать полагается не на полу вагона, а в кроватке и поднимаю рёв:

— Хочу в свою беленькую кроватку!

Это требование, видимо, было настолько нелепым в суполовке, неразберихе, среди всеобщего горя и слёз, страха перед возможной бомбёжкой и неизвестностью, что вконец переполнило чашу маминого терпения. И моя добрейшая из всех мама, всегда такая ласковая и самоотверженная, не выдержав и тоже плача, кричит:

— Не надрывай хоть ты мне душу! — и в сердцах шлётает, шлётает меня, отчего мой рёв «хочу в свою кроватку!» слышен уже на весь белый свет. Больная бабушка горестно восклицает:

— Чего ты хочешь от ребёнка?

Я, наверное, потому так запомнила этот эпизод, что не знаю больше случая, когда бы мама или отец хоть пальцем тронули меня.

В Сталинграде. Сестра

Путь в Сталинград был сопряжён с опасностью попасть под бомбёжку. Со слов мамы знаю, что такой опасности мы подвергались несколько раз.

В Сталинграде мы живём в Бекетовке, в сырой баракной комнате, по стенам которой бегают белёсые «сороконожки». У меня на лице образовались какие-то непонятные коросты. От сырости ли, от голода? Здесь нас нашёл папа.

Мама приходит домой вечером, усталая, неразговорчивая. Отца мы почти не видим, он пропадает на заводе. Бабушка совсем перестала ходить, целые дни стонет в постели. Весь наш дом держится на сестре. В Сталинграде ей исполнилось двенадцать лет. Она была опорой для родителей в полном смысле этого слова. Сестра успевала всюду. Отоваривала продовольственные карточки, убирала в комнате,

бегала за обедом в столовую. Помню, как рассказывала она побледневшей маме: в толпу у столовой попала бомба. И что там было после этого. Страшно становилось от мысли, что сестра могла оказаться в той толпе.

Моя безопасность во время бомбёжек целиком лежала на сестре. Едва начинался налёт, она хватала меня за руку, и мы, оставив в комнате уже не встававшую бабушку (что было делать!), мчались в «щели» — узкие, вырытые довольно глубоко в земле укрытия, что-то вроде глубоких канав. В них мы и пережидали бомбёжки вместе с другими обитателями заводских бараков. В основном там были дети и старики, взрослые находились в цехах тракторного завода. Из щели мы наблюдали однажды воздушный бой.

В ясном небе кружились, гонялись друг за другом два маленьких, словно игрушечных, самолёта. Потом один задымил и стал падать. Бой проходил далеко, и совершенно невозможно было определить, чей самолет сбит. Но и дети, и взрослые ни минуты не сомневались: сбит фашистский.

Однажды подвой сирены мчались мы с сестрой в укрытие. Я споткнулась и упала на острый камень. Ощущения боли уже не помню. Но себя, орущую, помню хорошо и особенно отчётливо, как

сестра, подхватив меня на руки, на бегу торопливо и бодро говорит:

— Ничего, ничего, сейчас пройдёт!

Она говорит так, успокаивая меня и себя, хотя кровь льёт из глубокой раны на коленке ручьём. Главное — добежать до щели. И моя сестра, сама ребёнок, мчится во весь дух со мной, орущей у неё на руках, а кругом уже всё грохочет и сотрясается. Не помню, когда и как зажила моя коленка, кто её лечил. Но, судя по длинному и довольно широкому шраму, который остался у меня с той поры, рана была большая и болезненная. Это даёт мне иногда повод грустно пошутить: я тоже была ранена в Сталинграде.

Снова эвакуация

Немцы приближались к городу, и мы опять собирались в путь. Это была очень тяжёлая эвакуация. Вокруг рвалось, гремело, горело. Под этот грохот, вой, разрывы мы переправлялись на другой берег Волги. Было привычно страшно. Иную жизнь уже трудно было вообразить.

До переправы добрались на подводе. Оставив нас с сестрой и бабушку на берегу, родители понесли вещи на баржу. Пока шли за нами обратно, баржа отчалила. Помню, как заплакала, закричала мама:

«Вещи, вещи!» Мы остались почти без ничего, с жалким скарбом, который родители не успели перенести на баржу.

На другом берегу Волги предстоял дальний путь до какой-то станции, где должен был формироваться в тыл железнодорожный состав. Шли в основном пешком, изредка удавалось подсесть на какую-нибудь попутную подводу. Мы шли не одни. Огромный людской поток двигался куда-то в сторону от Волги. Женщины вели и несли детей, бросали нажитые вещи, которые уже не было сил нести с собой. Что угодно можно было тогда подобрать на дороге. Но люди, усталые, отупевшие от бомбёжек и горя, равнодушно проходили мимо этого добра. Как-то мимо проехал грузовик с ранеными. Они полулежали на больших подушках. Мама закричала отцу:

— Смотри, наши подушки!

Она потом долго радовалась, что подушки не пропали на той барже и пригодились раненым.

Отец с мамой несли бабушку на руках. Они как-то по-особому складывали руки, образуя из них сиденье. Бабушка, кряхтя и стеная, усаживалась и обхватывала отца и маму за плечи. Так они несли её многие километры, время от времени давая себе отдых. Сестра вела меня. Однажды мы сбились с пути и забрели на какое-то кладбище. Казалось,

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

ему не будет конца. Уже наступила ночь, а мы шли и шли между могил, стараясь выбраться на дорогу, пока я не сказала:

— Мама, у меня уже совсем не идут ножки!

Тогда родители сделали привал, и мы буквально повалились на чью-то могилу, сами полу-мёртвые от усталости.

Сколько дней мы так шли, чем питались и как добрались до станции — не знаю.

Мы едем на Урал. Я стою напротив открытой двери вагона и с удивлением смотрю на горы, деревья. Деревьев очень много, а горы, как мне кажется с высоты моего маленького роста, упираются прямо в небо. Мы едем в товарном вагоне, где много людей. Они сидят и лежат. Бабушки с нами уже нет. Её взяли в санитарный состав, который направляется в тот же город, что и мы. Уже там, на месте, среди больничной тишины и покоя она умерла.

Потом мы оказываемся в большой, совершенно пустой комнате. В ней нет даже стола, а окно чуть ли не на полу. Какая-то старуха с сердито поджатыми губами приносит подушку в цветастой наволочке, и мы, подстелив под себя пальто, укладываемся спать на полу, что мною воспринимается уже как нечто совершенно обычное.

Через какое-то время в комнате появились стол и скамейка. Сестра уже ходит в школу, в чет-

вёртый класс, и хотя у неё нет ни одного учебника, она «круглая» отличница, как с гордостью говорит мама. Тетрадки сестра шьёт себе сама из бумаги, которую ей приносит с работы папа: одна сторона у листа светлая, другая коричневая. Сестра аккуратно разлиновывает эти тетрадки и пишет в них очень старательно, каждую почеркушку аккуратно стирает резинкой. Она хорошо училась и после, когда мы переехали из города на Вагонку. Так назывался рабочий посёлок Уралвагонзавода, из цехов которого прямо на фронт отправлялись в ту пору танки. Здесь работали отец и мама.

«Есть на севере хороший городок!»

Я всегда была уверена, что это именно про наш городок все тогда пели:

*Есть на севере хороший городок,
Он в лесах суровых северных залёг.
Эх, русская метелица там кружит и поёт,
Там моя подруженька, душенька, живёт!
Письмоносец ей в окошко постучит,
Письмецо моё заветное вручит:*

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

---

*«Принимайте весточку с дальней стороны,
С поля битвы жаркого, с мировой войны!»*

После ужасов эвакуации из разрушенного в прах Сталинграда, через обезумевшую от огня и крови Волгу мы оказались в небольшом городке под Свердловском. В чём были, как говорила мама. Ни вещей, ни постели, ни посуды. Слава богу, сами живы.

Город был старый, деревянный, демидовский. На улицах непролазная грязь, дощатые тротуары. Это потом он разросся, отстроился после войны. А в ту пору этот город принял тысячи обездоленных, бежавших от войны людей. Он назывался Нижний Тагил.

Новый район, возникший в годы первых сталинских пятилеток при большом вагоностроительном заводе, ставшем теперь танковым, располагался километрах в десяти от старого города. Мы поселились в деревянном двухэтажном доме на окраине посёлка. Печное отопление, на общей кухне кран с холодной водой, промерзший зимой деревянный туалет.

Но как это было необыкновенно — оказаться в незнакомой комнате, где окна не заклеены крест-накрест бумагой, не занавешены старым одеялом, а вечером под потолком — вот чудо-то! —

горит и не гаснет тусклая лампочка. Никакой тебе коптилки, настоящий электрический свет! На улице дождь бесконечный и грязь по колено, но зато как тихо! Ни воя сирены, ни гула самолётов, ни взрывов, ни буханья пушек.

Завод помог обустроиться. Нам выдали две железные кровати с продавленными сетками, три табуретки и стол. И мы стали жить, постепенно обзаводясь железными тарелками, кружками, ложками, но прежде всего — железной «буржуйкой».

Кукла

Игрушек у меня не было. Каким-то чудом доставили мы до Урала красно-зелёного гремучего попугая, жёлтую уточку с голубыми глазами, качку, которую я любила, и маленький чёрный мячик. Попугая и уточку мама обменяла на что-то на рынке, а мячик я храню у себя до сих пор, как самую дорогую семейную реликвию. Маленький чёрный мячик, запомнивший тепло моих трёхлетних ладошек, единственный свидетель всей моей жизни.

Иметь куклу было пределом всех желаний. Куклы мы шили себе сами из тряпочек, вырезали из бумаги. Но самая хорошая кукла получалась из пальто. Если свернуть туго своё старенькое пальтишко, перевязать его пояском и сверху этот свёрток обвяз-

зать косынкой, можно играть в дочки-матери.

Но однажды мне приснилось, что у меня есть кукла, большая, с закрывающимися глазами. Я крепко прижимала её к себе, баюкала, укутывала в мамин платок. Ощущение счастья, которое я тогда пережила во сне, помнится до сих пор. Как и горечь, когда, проснувшись, я поняла, что куклы у меня нет, а я крепко прижимаю к себе нашего кота Мурзика. Я и сейчас не могу спокойно пройти мимо, чтобы не остановиться у отдела в магазине, где продаются куклы. Смотрю на них и думаю: вот оно, мое несостоявшееся детское счастье.

Вкус хлеба

Тепло нам даёт железная «буржуйка», мы любим сидеть возле неё на поленьях. Сестра умеет растапливать печку сама, но дрова приходится экономить.

С хлебом похуже, его всегда не хватает. За хлебом мы с сестрой ходим вместе. В магазине тёмные коричневые буханки ловко разрезают огромным, вделанным прямо в прилавок ножом и бросают на круглые алюминиевые тарелки весов. Всегда хочется, чтобы был довесок: тогда кажется, что хлеба нам дали больше, чем другим. Довесок, если он не очень большой, можно даже съесть, и мама не заметит,

что он был. Есть хлеб, особенно на морозе, по дороге домой — большое наслаждение. Он необыкновенно пахнет, а корочка замечательно хрустит. Не знаю, почему сейчас не умеют выпекать такой хлеб.

...Я дома одна. В тарелке под газетой — хлеб, целые полбуханки. Если кусочек отщипнуть, пожалуй, не будет заметно. Я отщипываю кусочек за кусочком и стараюсь убедить себя, что хлеба ещё много. Сейчас отщипну ещё разок — и всё. И ещё самый последний разок. Когда возвращается мама, от половины буханки едва ли остается третья. Мама садится на кровать и тихо плачет. Не оттого, что почти весь хлеб съеден, а оттого, что маленькая дочь так голодна, что способна одна съесть половину хлебной буханки, если не всю.

Я уже ходила в школу, когда отменили хлебные карточки. Отец встал рано утром, чуть ли не в пять часов, и пошёл занимать очередь за хлебом. Оностоял за ним долго, но я никогда не забуду его счастливого лица, когда он принёс домой хлеб, купленный не по карточкам.

Запретные яблоки

Я не люблю яблоки. Именно потому, что в детстве смотрела на них глазами голодной девочки. Хотелось потрогать пальцами их глянцевый бочок,

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

вдохнуть незнакомый запах, отведать на вкус. Но... это были запретные яблоки.

Как они попадали к Давыдихе, я не знаю. Кажется, её муж заведовал какой-то продуктовой базой. И как звали Давыдиху, я тоже не знаю. Возможно, она была Давыдова или Давыдовна. Отец и мама между собой ещё называли её «спекулянткой».

— Придётся опять перехватить у спекулянтки до получки, — вздыхая, говорила мама. И, словно сама себе возражая, спрашивала: — А что делать?

Папа хмуро отмалчивался.

Давыдиха считала, что помогает нашей семье. Мама «перехватывала» у неё денег до получки, занимала хлеб или несколько стаканов муки. А иногда в воскресенье шла вместо Давыдихи на рынок и продавала яблоки. За это Давыдиха давала маме деньги или немного продуктов. Сходив два-три раза на рынок, мама приносила домой 15-20 рублей, что в то время было подспорьем для таких обездоленныхвойной семей, как наша. Мы даже в первые годы после войны не знали, что значит спать на белых простынях и настоящих первых подушках. У мамы было одно платье, вместо зимнего пальто — ватник, на ногах — мужские ботинки. Мы с сестрой были побогаче, так как имели по два платья: одно для школы, другое для лета. А у меня был ещё и сарафанчик на широких бретельках.

Так что приходилось маме идти вместо Да-выдихи на рынок и продавать яблоки. Мама приносила яблоки в ведре и прятала подальше от моих вездесущих глаз. Сразу скажу, что ни одного из этих яблок мне не удалось даже подержать в руках.

Но однажды я пришла к маме на рынок. День был холодный, осенний, и мама, видимо, продрогла в своих старых ботинках и изношенном платке. Она стояла под навесом, постукивая ботинком о ботинок, а на прилавке перед ней двумя горками лежали яблоки.

Они и сейчас у меня перед глазами — величиной с кулак, бело-розовые, как бы в лёгкую крапинку. Я старалась и не могла не смотреть на них. Понимая, что это не наши яблоки, я в душе надеялась на чудо, что мама возьмёт верхнее с горки яблоко и протянет мне.

Но у мамы сделалось такое несчастное лицо, что я каким-то чутьём поняла: моё присутствие мучит маму, надо уйти. С тех пор я равнодушна к яблокам, ем их неохотно и мало.

Город детства

Он есть у каждого. Где-то в дальних глубинах моего сердца живёт тёплая память о маленьком уральском городке, приютившем сотни людей, оставшихся в годы войны без своего дома. Здесь ча-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

сто шли дожди, дул холодный ветер, низко нависало серое небо. Но я никогда не вспоминаю город таким. Город моего детства всегда вспоминается мне в золотистом цвете.

...Я почти физически ощущаю мягкую теплоту летнего июньского вечера. Сдан последний школьный экзамен. И мы всем классом высыпали на просторный, широкий, ещё не до конца застроенный проспект.

Мы уже сняли школьную форму, надели скромные ситцевые платьища. Мы безмерно счастливы: окончена школа, впереди институт, новая неизведанная жизнь. Какая она? Мы верим: прекрасная. И поэтому веселы, беззаботны, полны самых светлых надежд. Мы наслаждаемся тёплым летним вечером, небом без единого облачка в жёлтых лучах заката. И невозможно уже представить себе, что оно может быть другим: чёрным от дыма, исчёрканным косыми лучами прожекторов. Я вижу его таким только во сне.

Военные сны ещё иногда преследуют меня. В город пришли немцы. Мы убегаем от них, прячемся в каких-то подвалах, развалинах, а они уже близко, ищут меня и сестру. Ищут, чтобы убить.

Страх сжимает сердце, хочется закричать, позвать на помощь — нет сил. Мама будит меня, и радость широкой волной захлестывает душу. Это сон! Войны давно нет! Какое счастье!

Оздоровительная площадка для пионеров и школьников
(с. Юсьва. 07.1943 г.)

ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 2-Г. Д. 49. Л. 1.

Участники художественной самодеятельности. 1942 г.
ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 2-3. Д. 68. Л. 1.

Галина Колобова

«ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ!»

(печатается в сокращении)

Я никогда не была в Одессе. Мои двоюродные сёстры Зина и Дуся жили там. Они много раз приглашали меня погостить. Увы, не пришлось! Зато я родилась и выросла в доме, который стоял на улице с прекрасным южным названием — Одесская. Одесской не повезло. Дома снесены. А много лет назад — в прошлом веке — она была многолюдна: двадцать с лишним дворов, целая рабочая слободка. Глубинка Мотовилихи.

...Вспоминается яркий июньский день 1941 года. Я и мои подружки, Геля Смолина, Лия Трегубова и Маня Зенкова были в нашем саду Свердлова на детском празднике. На танцплощадке гремел оркестр. Музыканты свои, заводские. Праздник

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

был, как говорится, в полном разгаре. Мы сидели на скамейках летней эстрады и ждали представления кукольного театра. Гелька убежала за мороженым и долго не возвращалась. На сцену вышел дядька в костюме клоуна и уныло объявил, что представление задерживается или совсем не состоится из-за какого-то важного сообщения по радио. Прибежала, запыхавшись, Гелька и затараторила:

— Бежим скорее за ворота. Там уже полно народа. Чего-то ждут...

Мы помчались к выходу. Весь народ устроился за ворота. Там, около столба, на котором висел репродуктор, уже толпились люди. Массивное металлическое радио походило на рупор. Сначала из него раздался негромкий скрип, скрежет. Затем послышался мужской голос.

При слове «война» толпа охнула! Все словно онемели. А из радио неслись слова «немцы», «бомбили», «вероломно». Но они на нас тогда, откровенно говоря, не произвели особого впечатления. Мы убежали на Вышку собирать землянику. Так закончился наш несостоявшийся праздник...

Только позже мы поняли, почувствовали и осознали умом и сердцем, что означает это зловещее слово «война».

Первый военный учебный год начался для нашего второго «Б» переездом на новое место. В на-

шёй каменной школе разместился военный госпиталь. Наши два начальных класса, Анны Ивановны и Серафимы Ивановны, перевели в татарскую школу, двухэтажное деревянное здание в Козьем переулке. Так называлась маленькая узкая улочка недалеко от родной школы. Нам отвели первый этаж. Учились в две смены. На втором этаже учились татарские ребята. Жили мы с ними дружно. По пустякам не ссорились.

В город начали прибывать эвакуированные. В нашем доме всю войну жили приезжие. В квартире дяди Мити поселилась молодая женщина с сыном Женей. Она эвакуировалась вместе с заводом из Мытищ. В нашей семье жила Александра Александровна Рымникова. Она работала супфёром в драматическом театре. Её театр разместился в красном кирпичном здании у Мотовилихинского пруда. К нам в класс пришли две новенькие девочки из Ленинграда, Инна Бронштейн и Белла Гросман.

Многие мотовилихинские педагоги уступили свои рабочие места эвакуированным учителям, а сами пошли работать на завод. Моя мама-учительница стала контролёром ОТК, проверяла снаряды. Это была очень ответственная работа. Нельзя было пропустить ни малейшей заусеницы на снаряде. За брак могли и посадить. Очень сильное освещение сказалось на её зрении, и маме пришлось перейти

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

в другой цех на подсобные работы. Вся наша родня в годы войны работала на заводе. Даже мой четырнадцатилетний брат Виктор вместе с дядей Платоном трудился там. Старший брат поступил в фабрично-заводское училище № 3.

В госпитали города начали привозить раненых. Мы, школьники, стали собирать книги, чтобы организовать библиотеки для раненых бойцов. Я перетаскала из дома в госпиталь почти половину книг. Мама не ругала за это, а только приветствовала моё усердие.

Шефствовали мы над двумя госпиталями: на Висиме и в Рабочем посёлке. В госпитале мы помогали медсёстрам разносить градусники по палатам, раскладывать на каталки лекарства, бинты, вату... В палатах, где бойцы шли на поправку, но ещё не могли вставать, мы читали им книги, журналы, газеты, писали под их диктовку письма родным.

Часто выступали с концертами. Я, к примеру, очень любила выступать с декламацией, читала стихи Симонова, Твардовского, Когана. Стихотворение Симонова «Жди меня» знали наизусть почти все фронтовики. А песни «Огонёк» («На позицию девушка провожала бойца...»), «Уралочка» («Моя подружка дальняя») или «Синенький скромный платочек» знали все: они постоянно звучали по радио.

Как-то в наш госпиталь поступил тяжелораненый танкист. Он был без ног и без рук. Обрубок. Всё лицо обгорело, ни носа, ни рта. Один глаз немножко видел. Он слышал, но говорить не мог, только мычал. По документам он был из какого-то района нашей области. Когда его подлечили, и он мог уже двигать обрубками рук, вертеть головой, сообщили жене. Она приехала. Бросилась к нему. Стала обнимать, целовать то, что осталось от лица. Он мычал, громко стонал. Вертел головой, словно хотел что-то сказать. Эта история, чуть не закончившаяся трагически, была напечатана в нашей газете «Звезда». Там говорилось: «...Вскоре вернулся настоящий муж. Он тоже был танкист. В бою был ранен, доставлен в полевой госпиталь, там и пропала его шинель с документами. Очевидно, в попыхах какая-то сестричка прикрыла ею тело обгоревшего, вновь поступившего бойца... Короче, наш герой, подлечившись, с новыми своими документами приехал на побывку домой. Не успел он дойти до своей избы, как досужие деревенские кумушки сообщили ему, что у неё уже есть мужик. Жены не было дома. Зайдя в избу, хозяин увидел, что кто-то лежит на кровати, укрывшись с головой, и хранил, постанывая. Схватил он топор и уже было занёс, но в это время вбежала жена. Сдёрнула одеяло с лежащего. Муж понял всё...»

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Помню, решили мы к Новому году собрать посылку для танкистов-уральцев. Принесли бумагу и химические карандаши, папиросы и табак, носовые платки, перевязочный материал. Девочки связали тёплые шарфы, шерстяные носки, варежки. Я решила сшить кисет, наполнить его табаком. С куревом тогда было туго, а дядька Платон выращивал в огороде самосад. Сушил листья табака, резал их, получалась махорка.

В мамином сундуке от всего добра осталась атласная белоснежная пелерина с красивыми кружевами — память о её гимназических годах. Я отрезала снизу кусочек материи: авось мама не заметит. Сшила кисет. Розочку на нём вышила. Выпросила у дяди махорки. Отнесла свой подарок в школу. Махорку, конечно, взяли, но пересыпали в тёмный мешочек. А про мой вожатая сказала:

— Его только принцу посыпать!

— А что, боец хуже принца? — спросила я сквозь слёзы.

— Чудачка! Твой беленький кисет враз в чёрный превратится. Твой мы в музее оставим, — и похвалила меня за старание и добрые намерения.

А самой главной нашей помощью фронту была работа в колхозах. С мая до июля мы ездили на прополку овощей, а с августа по сентябрь — на уборку урожая. Иногда и октябрь приходилось прихватывать. И так все военные годы.

Вспоминается моя первая трудовая поездка в колхоз. Собрали нас, школьников, на речном вокзале. За старшую была учительница математики Агния Георгиевна Юзефович. Погрузили нас на пароход. Привезли в Ильинский район, развезли по разным колхозам. Разместили в избах колхозников. Вера Шумайлова, Ира Поносова и я стали жить у тёти Клаши. Клавдия Степановна, наша хозяйка, была бригадиром женской бригады. За глаза мы прозвали её «тётя Клаша — каша наша».

«Каша наша» была серьёзной женщиной, порой сердитой особенно на работе, а дома — доброй и смешливой. Будила она нас рано, в половине шестого. На столе уже дымилась каша, гороховая, тыквенная либо овсяная. Ещё была каша-размазня: пшеничную муку заваривали крутым кипятком прямо из самовара. Каши сдабривались подсолнечным или льняным маслом. Стояли три стакана с козьим молоком и по кусочку хлеба.

В хозяйстве выращивали овощи: свёклу, морковь, репу, капусту, картошку, калегу и турнепс, похожий на толстую длинную редьку. На вкус — сладкая сочная репа. Калега была круглая, с детскую голову, тоже сладкая и сочная. Турнепсом и калегой кормили скот. Коровы и козы от такой пищи давали густое сладкое молоко. Надои были высокие.

Делянка, которую нам нужно было прополоть,

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

порой тянулась до горизонта. Ползаешь, бывало, на коленках, пот заливает глаза, в лицо лезут оводы. Одной рукой их отгоняешь, другой вытягиваешь сорняк. А сорняки вреднущие! Земля сухая, в ней овощи и осот крепко сидят. Листья у него колючие. Корень тонкий, длинный. Думаешь, вот сейчас конец, вытяну его весь. А корень — раз — и оборвётся! Через несколько дней на этом же месте снова зелёный куст торчит. Начинай всё сначала. И так изо дня в день, весь май и июнь. Уставали страшно. Потом привыкли. Окрепли на свежем воздухе. Да и каши тёти Клаши помогали.

В июле мы разъезжались на каникулы. Кто по домам, кто по деревням к родственникам, а кто и в пионерлагерь. Маме завком выделял путёвку для меня. Мою маму Марию Павловну Сапегину знали и уважали как учителя: ещё в 30-х годах она вела курсы по ликвидации безграмотности среди заводчан.

В августе школьники возвращались с каникул, снова начиналась работа в колхозах. Если урожай бывал богатым, нам за работу давали овощи. Так что когда мы возвращались, родителям приходилось нас встречать. Пароход прибывал поздно, трамваи уже не ходили. Меня всегда встречала мама с братьями, и мы тащились через весь город в свою родную Мотовилиху.

Первый военный год наша семья перенесла довольно сносно, хотя уже жили по карточкам. Были ещё старые запасы крупы, сахара, муки. Была своя картошка, кое-какие овощи с огорода. Мама из заводской столовой изредка в баночке приносила картофельное пюре с котлеткой. Братья мои, как говорила бабушка, были хорошо пристроены: Виктор работал на заводе и жил у тёти Ани и дяди Платона, Юрий был на полном обеспечении в ремесленном училище.

А вот сорок второй и сорок третий годы стали нелёгкими. Приходилось ночами стоять в очереди за хлебом. Писали на ладошке номера очереди. Сменяли друг друга. Уходили погреться домой. Мама в воскресные дни ездила по деревням. Обменивали всё, что можно было обменять, на картошку и муку. Мамин большой сундук, когда-то полный всякого добра, опустел. Особенно тяжело было зимой и ранней весной, когда кончались запасы, а хлебные карточки были отоварены за два месяца вперёд. Порой питались картофельной кожурой и похлёбкой из мороженой капусты.

В завкоме не забывали нашу семью. Иногда маме выдавали талоны в бесплатную столовую. В другой раз мы получали по баночке американской тушёнки или сало-лярд, которое таяло мгновенно во рту. А ещё был розовый сыр, удивительно сыт-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

ный! Помнится до сих пор. Но тогда всё время хотелось есть...

Американские друзья «подкидывали» нам не только продукты, но и одежду, «секонд-хенд», как сказали бы сейчас. Мне довелось поносить платье из тяжёлой шёлковой ткани: передняя часть красная, а спина до подола чёрного цвета. Ещё помню бушлат с капюшоном, носила его вместо пальтишка. Раздёргнешь замочек, и капюшон превращается в воротник. Для нас это было в диковинку.

Последний год войны мы встретили в своей родной кирпичной школе. Госпиталь закрылся. Пятый класс, новые учебники. Новые предметы: физика, химия, алгебра, геометрия. Новые учителя. Немецкий язык преподавала Мария Константиновна, историю — её сын Владимир Николаевич, литературу — Ангелина Викторовна, нелюбимую мной математику — уже знакомая нам Агния Георгиевна. Я её просто боялась. Стоя у доски, буквально тряслась. Из-за этой проклятой математики мне пришлось просидеть в пятом классе два года...

Все чувствовали приближение победы. Голос Левитана по радио постепенно приобрёл окраску торжественную, лиющуюся. Я иногда думала: какой же это человек? Наверное, высокого роста, богатырского сложения?.. Разве могла я тогда подумать, что увижу этого великого диктора? Смогу даже взять

у него интервью, которое будет опубликовано в одной из грузинских газет? Оказался он небольшого роста, чуть полноватый, в очках с толстыми стёклами. И удивительно простой добрый человек! Такое счастье выпало мне потом...

А пока мы все жили ожиданием конца войны. Учились уже раздельно, без мальчишек. Занимались в разных классах. Выпускали стенгазету, посещали кружки. Жизнь наша школьная шла своим чередом.

Помню, был пасмурный майский день. Накрапывал дождь. Мы сидели с девчонками на парадном крыльце нашего дома. Играли в куклы. Хотя мы к тому времени считали себя взрослыми барышнями, но поиграть с куклами любили. Зое Сыропятовой отец купил большую красивую куклу, и мы примеряли на неё наряды.

Вдруг из ворот дома Ведерниковых выбежал дядя Вася и начал что-то кричать. Он один из всех ушедших на фронт с нашей улицы вернулся домой. Весь израненный. Грудь в орденах. После контузии плохо говорил. Смотрим, и из других домов стали выходить соседи. Улица быстро наполнилась народом. Выбежал наш дядька Платон и крикнул нам:

— Девки, вы что сидите, ведь победа! Плясать надо, петь!

Мы просто обалдели. Начали смеяться, прыгать, кричать, носиться по улице. Из дальних домов

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

шли семьи Соколовых, Меньшиковых, Ердяковых. Приплёлся даже дряхлый старик Карнаев. Люди обнимались, целовались. Многие женщины плакали. Со всех прилегающих улиц, со всех сторон люди стекались к Соликамскому тракту и шли к центру Мотовилихи, к площади 1905 года.

Не помню, как мы очутились около клуба Свердлова. Уже играл оркестр, слышались отовсюду крики «ура». Пионеры шагали под барабанную дробь. Гудел завод.

Вечером на Вышку с завода завезли пушки. Началась пальба. Небо озарилось разноцветными огнями. Стоял такой гул, будто сама матушка Земля радовалась! Всю ночь никто не спал. В саду Свердлова плясали под гармошку. Город в военное время был погружён в темноту, а тут море огня, света!

Радость била через край! Делили её с «печалью пополам» в семьях, где родные не вернулись с фронта. Ходили на кладбище. Поминали и тех, кто умер от ран уже на родине...

Наступили послевоенные будни. Эти годы тоже были нелёгкими. Половина страны лежала в руинах. Нужно было восстанавливать города. В магазинах появились продукты, но у нас не было денег. Половина маминой зарплаты уходила на облигации государственного займа. Алименты от отца мы не получали. Да и не интересовались, где он.

Галина Колобова. «Лишь бы не было войны!»

— Ничего, переживём, — подбадривала нас мама, — не то пережили! — И добавляла: — Лишь бы не было войны...

Я закончила семь классов и перешла в школу рабочей молодёжи. Вечером училась, а днём сидела за няньку. Потом поступила в библиотечный техникум. Перевелась на заочное отделение и пошла работать. Поступила в артель «Красный обувщик» на улице 1905 года. Выучилась на заготовщицу, шила заготовки «спортивок», сапог, модных туфель. Рядом с нашим цехом был раскроечный. Там работала комсомолка-стахановка Тамара Галанина, её фотография висела на доске почёта. Я как редактор артельной стенгазеты «За отличный труд» написала о ней заметку. Потом отправила её в областную газету «Молодая гвардия». С этой заметки начался мой путь в журналистику. Впереди была долгая, интересная и трудная жизнь.

И сейчас, когда нелегко, я часто вспоминаю мамину поговорку и подбадриваю себя: «Ничего, переживём и это. Лишь бы не было войны».

Нина Кузнецова

ЭТИ ГОРЬКИЕ ПРИМЕТЫ

В последние годы, когда я и мои ровесники стали выглядеть явно пожилыми людьми, нас во время празднования годовщин Победы школьники порой прямо на улице радостно поздравляют, благодарят за боевую доблесть, за самоотверженный труд в годы Отечественной войны, дарят цветы как ветеранам.

Меня это всегда веселит, хотя понимаю, что для нынешних детей все пожилые, все пенсионеры выглядят участниками тех далёких событий уже потому, что жили в те грозные годы. Да что там школьники! Иногда и районная или городская администрация присыпает поздравления с 9 Мая и отмечает наш «добрый труд в годы войны». Ну что ж, торопливость, дежурный подход всегда вызывает усмешку.

Нет, детям, родившимся перед самой войной, не пришлось ни воевать, ни стоять у станков.

Всё это досталось нашим ещё молодым тогда родителям и ребятам-подросткам. Но всё же... Конечно, малыши, живущие в глубоком тылу, не осознавали всей серьёзности обстановки начала сороковых, но спустя годы, познав мирную жизнь, вырастив своих детей и внуков, наблюдая их детство, мы видим, как многое были лишены, в какие скучные и тревожные краски война окрасила наше детство.

Мы так же, как нынешние дети, ходили в детские сады, учились в школах, пели и плясали в Новый год и другие праздники, но многое было иначе. Сейчас понимаем, как бились за нашу жизнь и наше здоровье родители. Государство стремилось убедить, защитить своих маленьких граждан, я всё это хорошо помню.

Родителей, трудившихся на железной дороге, до глубокой ночи не было дома. Забирала меня из детсада родственница, которая жила с нами, тётя Олимпиада.

Наш детский сад размещался в двухэтажном деревянном доме с печным отоплением. Не помню, чтобы там было холодно, неуютно. Красивая тётя-воспитательница. Новый год с мандаринкой в подарке. Складные деревянные кроватки. Однаковые гладкие головки у мальчиков и у девочек: тиф был реальной угрозой, всех стригли наголо.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

За этим следили очень строго, как и за чистотой рук. Тем не менее дети всё равно были ослаблены и болели: корь, отит, ветрянка, скарлатина, «свинка»-паротит не миновали многих из нас.

Главный витамин — рыбий жир по столовой ложке каждый день. Он был строго обязателен для всех, давали его всю войну. Дети как могли сопротивлялись этой невкусной, как сейчас сказали бы, «пищевой добавке». Особенно мальчишки. Девочки морщились, плакали, но пили.

Отврашал от садика его вечный жуткий запах, запах промёрзшей квашеной, но варёной капусты. Запах проникал далеко за пределы детсада. В обед на первое — капуста с водой (щи), на второе — капуста без воды и масла, на третье — вода без капусты, то есть морковный чай. Сладкого ничего не помню. А белый батон я впервые увидела уже после войны.

Не было молока, яиц. Была каша, но какая! Коричневого цвета, очень жидккая. Коричневая, потому что манную крупу или муку предварительно обжаривали. Почему, до сих пор не знаю. Но она считалась лакомством.

Ко всему примешивался запах посуды. Она была не стеклянная, не фаянсовая, её материал был замешан на клею, при нагревании издавал резкий химический запах.

Однажды нас вывели на прогулку в город, и мы увидели военнопленных в зеленоватых шинелях, в помятых пилотках-шлемах. Мы разглядывали их, а они — нас. А как-то видели пленных генералов. Их было несколько. Шли они по мостовой. Сбоку и сзади этой группы — конвоиры. Мы уже понимали тогда: это те, с кем идёт война.

Однажды рано утром я услышала мужские рыдания. Отец... Что-то плохое случилось. Узнала, что убили дядю, младшего отцовского брата Аркадия. Что это большое горе, я уже понимала.

Ну, а войну с бомбами, воем самолётов, смертями и победами я впервые увидела в кино. Фильм назывался «Она защищает Родину». В кино мы начали ходить очень рано. Смотрели всё подряд. Больше всего было фильмов о войне. Порой отрывки из них, их образы мне снились. И казалось, что война — навсегда, что жизнь — это и есть война, что могут и сюда прилететь бомбить самолёты. Дома ночью занавешивали окна. К нам стучали, если где-то проглядывал свет.

Война вселяла страх в детские души — вот вывод уже повзрослевшего человека. Не было детской беззаботности.

А день победы запомнился тихим-тихим, очень тёплым и почему-то звенящим. Царили удивление, тихая радость, спокойствие. Тётя Липа радостно говорила мне, наклоняясь и глядя в глаза:

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

— Конец войне! Победа, победа! Наш папка скоро приедет. — Папкой она звала своего мужа Николая.

В городе стали появляться мужчины в форме, вернувшиеся с фронта. Среди них было много покалеченных людей, на костылях, без ноги, без руки.

Приметы тех лет сохранились в памяти на всю жизнь...

Участники художественной самодеятельности. 1942 г.
ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 2-3. Д. 68. Л. 2.

Первый солнечный день
ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 313. Л. 3.

Виктор Ларионов

БУХАНКА

Было это в конце войны в селе Курашим. Я шёл после уроков домой. Жили мы на улице Набережной, но все называли её Зарека: «Куда пошёл?» — «Да в Зареку». Дом наш стоял под горкой на берегу реки Курашимки. Берега её соединял деревянный мост, почти как на картине Е. Волкова «Ранний снег». Летом эту речку можно было перейти вброд. В ней кишело, особенно в нерест, великое множество мелкой рыбёшки, которую называли «мулява». Ребятишки ловили её бутылками. Вечером мы чистили эту мелюзгу, клали на сковородку, заливали яйцом и ставили на таганок. К приходу родителей с работы ужин для всей семьи был готов.

Однажды после школы, бросив учебники с тетрадками на лавку, переодевшись в залатанные штаны и рубаху, я вернулся на улицу. Погода стояла не сентябрьская, будто вернулось лето.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Светило солнце и всё — склон горы с пожухлой травой, старые тополя, ивы на берегу реки, дома, заборы вокруг огородов — виделось по-особому отчётливо.

Я забежал на мост, встал на коленки, посмотрел в щель между брёвнами. В воде сновали стайками мулявки. Всё так и настраивало на рыбалку. Одному рыбачить не хотелось, решил пойти к другу, жившему у самой горы.

Когда я выходил из дома, видел, как мост переезжала воинская бричка. Солдаты из войсковой части, стоящей в нашем селе, выращивали для своей столовой овощи. Обычно к полудню работающим в поле возили обед.

На небольшом подъёме на дороге рядом с выбоиной я увидел что-то похожее на камень. Подошёл ближе, рассмотрел и глазам своим не поверил: на земле лежала буханка чёрного хлеба. Я поднял её, понюхал — хлеб! Поразмыслив, понял, откуда она.

Держа буханку в руках, я стоял и не знал, что с нею делать дальше. Бричку уже не догонишь. Нести домой — там никого нет. Идти к другу что-то не решался. Переполненный непонятным волнением побежал к тёте Саше, самой старшей сестре мамы. Она работала уборщицей и ночной сторожихой в промаркети «Экипажник», где делали телеги, колёса к ним, сани.

Я пришёл к тёте, держа в вытянутых руках буханку.

— Где взял?! — последовал вопрос.

Я рассказал, что буханка лежала на берегу выше переезда.

— Пойдём. Покажи, — сурово сказала тётя.

Мы сходили на берег.

Потом зашли к нам в дом. Тётя Саша положила буханку на самую верхнюю полку шкафа и наказала:

— Не трогай. Придут родители, сам им всё расскажешь.

Весь день меня не покидало чувство непонятной радости, как будто на уроках я получал только отличные отметки, и меня за это хвалили. Остаток дня я играл с ребятами, но мне не игралось: не терпелось скорей показать свою находку родителям.

Первой пришла мама. Я ходил за нею по пятам. Она заметила это и спросила:

— Ты не болен?

Я не выдержал, подвёл её к шкафу, показал буханку хлеба. Мама удивилась:

— Откуда это? Что, из города кто-то приехал?

Бывало, что к нам приезжали родственники из Мотовилихи и иногда привозили гостинцы. Пришлось всё повторить и так же, как тёти Сашу, вести маму на берег.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Вскоре пришёл папа. Мама перед ужином рассказала ему о моей находке. Он только хмыкнул и сел за стол. Буханку мама положила возле него. Пришла тётя Саша. Вернулась с работы на ферме вторая сестра Катя. И тоже очень удивилась.

И тогда отец взял буханку, стал резать. По куску положил маме, себе, Кате, тёте Саше и мне. За столом что-то ещё говорили, подтрунивали надо мной. А я уплетал за обе щеки необычайно вкусный хлеб, первый — в возрасте семи лет — солдатский хлеб.

Врач детдома т. Иванцова предохраняет детей от заболеваний
ПермГАСПИ. Ф.1458. Оп. 9. Д. 313. Л. 4.
ПермГАСПИ. Ф.1458. Оп. 9. Д. 313. Л. 5.

Анатолий Лосев

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Моё предвоенное детство было весёлым и суетным. Нам, детям, мне, сестре и младшему брату, надо было поспевать за частыми переездами родителей по городам Белоруссии. В Белоруссию судьба привела отца после тяжелейших окопных боёв в годы первой мировой войны, маму — по законам царившего повсеместно хаоса.

В Белоруссии мой отец Александр Петрович получил хорошую армейскую профессию, до служился до звания командира танкового полка. А мама Елена Константиновна, как нитка за иголкой, всюду следовала за ним.

Надо сказать, быт семей военных тогда был хорошо организован. Создавались танцевальные и песенные ансамбли, соревновавшиеся между собой за места в смотрах. Моя мама, красивая полячка с хорошим голосом, была очень заметна в белорус-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

ском военном ансамбле. Ей многие пытались подражать, в том числе и моя сестра Тамара. Её детский голос наполнял всю нашу квартиру. А мне отводилась роль отцовского наследника, умеющего говорить и рассуждать исключительно о танках. Все стулья и табуретки в доме я превратил в строительный материал для создания боевых машин. Эти машины метко стреляли по врагам.

Но вот танковый полк отца перебросили на границу с Ираном. В страну безжалостно палящего солнца и непонятных ожиданий переехала вся наша семья. Тогда скорую войну никто не ждал. Но она пришла, как чума: внезапно, со страшным переполохом и нашей неготовностью к жестоким переменам. Мама вспоминала, как по тревоге были подняты военные, как срочно грузили на платформы танки, машины и другую технику для отправки обратно в Россию.

А что было делать гражданскому населению? Семьи военных в тот момент на родине не ждали. Остаться в чужой стране? Опасно. Тогда мать с двумя такими же, как она, жёнами военных и кучей детей решает ехать в Казахстан. Почему туда? Подсказала карта: это близко. Сомнения были напрасны, народ там был добрым и чутким. Приняли беженцев радушно, как своих. В переполненной Алма-Ате военкомат нашёл всем жильё, где мы и провели первые

два года войны в тягостном ожидании вестей от воюющих мужчин.

Позже папа рассказывал, как его полк с ходу принял тяжёлые танковые бои под Ельней. С нашей стороны это был быстро сколоченный резервный фронт, приостановивший натиск фашистских полчищ. Там же наши санитары и врачи чудом спасли отца от последствий сильного ранения. На лечение отца переправили в Свердловск. И оттуда он письмом позвал нас всех к себе.

Можете себе представить, какой восторг вызвало это у мамы и у детей, истосковавшихся по отцовской любви и ласке. Ведь это значило, что он жив! Он ждёт нас, и мы скоро его увидим. Это ли не победа!

Но до победы надо было ещё дождаться. Из Свердловска отец написал рапорт в Москву с просьбой отправить его на фронт. Но куда там! Маршал Тимошенко был против: «Ты своё, Александр Петрович, отвоевал полностью, дай повоевать другим. А опыт твой нам ещё пригодится». И отцу снова доверили танковый полк, но уже учебный. Полк должен был в самые короткие сроки стать настоящей кузницей военных кадров.

Целыми днями отца не было дома: всё время учёба, тренировки на полигонах, стрельбы, разборы занятий. И лишь поздно вечером возвращение к семье на короткий отдых и сон.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Запомнилось одно яркое событие в жизни полка. За успешное форсирование Днепра одному ученику отца было присвоено звание Героя Советского Союза. Кроме награды командование представило ему десятидневный отпуск с правом посещения воспитавшего его подразделения. Представьте себе, какой переполох вызвало это в жизни будущих танкистов. Отец с гордостью водил героя по всем подразделениям полка, внушал служивым: мол, учитесь, ребята, и вас ждёт такой же успех, надо только любить своё дело, свою боевую профессию.

Осенью 1943 года отец помог местной власти отремонтировать единственную в районе начальную школу. Вскоре туда в первый класс пришёл и я. Но продолжить учёбу смог лишь после смерти папы. Его большое сердце не выдержало нагрузок. После прощального салюта над его могилой товарищи по службе договорились о помочи моей маме и устройстве меня в Казанское суворовское военное училище. Произошло это за год до победы, которую все мы так долго ждали.

Дневной отдых детей

ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 313. Л. 7.

ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 313. Л. 8.

Гораций Мишарин

Я ТРУДИЛСЯ С ТРИНАДЦАТИ ЛЕТ

Трудовую деятельность я начал в тринадцать лет, после окончания пятого класса. В октябре 1941 года меня приняли учеником слесаря на маленькую фабрику «Техжирпрома», где делали продукцию для нужд фронта. А с марта 1943 года по сентябрь 1944 я работал на заводе слесарем. Завод авиационных приборов был эвакуирован в город Молотов из Ленинграда и занимал территорию авиационного техникума.

Хочется особо рассказать о ленинградцах, с которыми я встретился на заводе.

В цех меня привёл мастер Николай Викторович Фомин, 1912 года рождения. Ходил он бочком. Всегда в фуражке, сдвинутой на левую сторону. На будущем моём рабочем месте он мне вручил спир-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

товку и детали, которые нужно было спаять. Показал, как паять, и благословил на доблестный труд. За нашей работой смотрели распредмастера. Симпатичные девушки Р. Почепко и В. Иванова тоже были из Ленинграда. Они относились к нам, как к младшим братьям.

Многие часы длилась наша рабочая смена. Помню, что иногда мы по несколько дней не выходили из цеха. Ходить по заводу категорически запрещалось. Питались в столовой, преимущественно кашами. Спали за термическими печами на чём придётся.

Начальником нашего цеха был высокоэрудированный интеллигентный человек двухметрового роста (как мне тогда казалось) Эдуард Михайлович Эдельсон. К нам, подросткам, он относился, как к своим детям. Постоянно следил, чтобы у нас было достаточное количество талонов на питание, при каждой возможности давал нам ордера для приобретения обуви, правда, на деревянном ходу. По таким ордерам выдавали и отрезы материи на костюмы.

В 1943 году, когда наши войска прорвали блокаду Ленинграда, Эдельсон пригласил рабочих к себе в кабинет, поставил на стол бутылку коньяка. Было всеобщее ликовение и большой трудовой энтузиазм. Я тогда выполнил норму на 1200 процентов. Удостоился «Молнии» и плаката во всю ширину стены.

Директором завода в то время был Васильев, главным инженером — Иоффе, председателем завкома — Рузин, комсоргом ЦК была Валентина Чернышова.

В октябре 1944 года я в составе специальной бригады был командирован в город Мелитополь, освобождённый от фашистов. Ехали в товарных вагонах. Везли оборудование для восстановления города. Проезжая ещё недавно оккупированные фашистами территории, воочию убедились, какое это бедствие. Города и сёла лежали в руинах. На всём пути не видели ни одной уцелевшей железнодорожной станции или полустанка. Кругом были сожжённые вагоны, целыми составами, военная техника, превращённая в груды металла.

Под Харьковом наш эшелон бомбили прорвавшиеся немецкие самолёты. Их быстро отогнали наши истребители, эшелон не пострадал. Крупные города — Харьков, Днепропетровск, Запорожье — были разрушены, стояли только оставы сгоревших зданий. Когда-то зелёный Мелитополь не стал исключением.

Я работал на восстановлении этого города, в частности, ремесленного училища №3, которое впоследствии окончил. Учили там токарному и кузнецкому делу. Практику проходили в цехах без окон и дверей. Проёмы-то оконные и дверные были, но

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

закрыть их было нечем. Зима 1944/45 года была ветреная и морозная. На токарных станках работали без рукавиц, ребята обмораживали руки о холодный металл. Я тоже обморозил обе руки. А летом, в жару, приобрёл малярию. Но с победой всё зарубцевалось, залечилось. Залечила свои раны и страна.

Лидия Мишланова

ДЕТСТВО. ВОЕННОЕ, ОБЫКНОВЕННОЕ

До пяти лет я была абсолютно счастлива и беззаботна. И не сразу поняла, что произошло, почему всё вдруг переменилось.

Летним воскресным утром после завтрака на меня надели беленькое платье, беленькую панамку и вывели за калитку к парадному крыльцу. Обычно безлюдная наша улица, солнечная и зелёная, неожиданно стала заполняться народом. По двое, по трое, не спеша, шли празднично одетые люди. Многие останавливались возле нас, здоровались с мамой, улыбаясь, спрашивали, как меня зовут. Тут же интересовались друг у друга:

— Вы не знаете, по какому поводу собрание?

И шли дальше к городскому садику.

Вскоре и мама туда ушла, оставив меня с няней.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Спустя какое-то время улица снова наполнилась народом, идущим обратно. Но почему-то теперь не было на лицах ни радости, ни улыбок. И никто не остановился, не заговорил со мной, как раньше.

А во мне всё ещё жило ощущение праздника.

— Мам! — бросилась я к маме. — А праздник?

— Какой праздник! Война! Идите с няней домой, мне на работу надо.

С этого утра, 22 июня 1941 года, мы стали жить в тревоге и надежде. Я очень любила папу и очень ждала его домой. Но он, военный хирург, вместо отпуска сразу же попал на передовую. Чтобы мой папа вернулся, надо было победить врага.

Мы жили вдали от фронта, от больших городов и железнодорожных станций. Здесь не падали бомбы и не гремели выстрелы. Здесь даже не было ни одного завода и ни одного госпиталя. А в детский дом, куда привезли слабеньких малышей из Ленинграда, нас, местных детей, не пускали: наверно, боялись, что занесём инфекцию.

И всё моё «геройство» в Великую Отечественную войну состояло в том, что я первая «перед лицом», собранных мамой с нашей улицы ребятишек, подставляла спину для укола. Так, показательно, во избежание рёва и писка, мама, медицинская сестра, начинала массовые прививки против дифтерии.

В первом классе молодой военрук Виктор Иванович (он без ноги вернулся с фронта и прыгал на костылях) учил нас бросать невзаправдашние гранаты и надевать противогаз. Я едва не задохнулась: противогаз был старый, видно, непригодный, а, может, я была такая неумеха и трусиха. Надо было ещё научиться ходить на лыжах. Мама повела меня в мастерскую за базаром, там делали широкие охотничьи лыжи для фронта. Знакомый стариочек взял бракованную лыжу, расщепил её пополам. Получились две узенькие лыжки, он обрезал их, потёр шкуркой... Так я и каталась на этих уродцах, пока не выросла.

Наш район поставлял хлеб фронту. Об этом писала газета «Красная жатва» и каждый раз помещала сводку о полевых работах или сдаче зерна государству. Школьники тоже помогали фронту: сдавали тёплые вещи для бойцов, собирали золу для удобрения полей, а старшие учились водить трактора и работали на уборке урожая.

Мимо нас по шоссейной дороге грузовые машины-полуприцепы увозили мешки с зерном на станцию. Мы понимали: хлеб нужен защитникам. Нам для них ничего не было жалко, хотя самой главной нашей бедой был голод.

Весной 1945 года мы особенно ждали победу! С дня на день, со дня на день, вот-вот объявят, вот-вот...

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

А случилось всё как-то буднично. Я шла из школы, и вдруг мальчишка с другой стороны улицы закричал:

— Победа! Сказали! Победа!

Но почему-то никто не выскоцил из домов, улица осталась пустынной. Я потом поняла: уставшие за войну, еле ноги волочившие старушки, вроде моей няни, тихо радовались и плакали каждая в своём углу. А все другие были на работе.

Вечером пришла мама и стала собираться в дом культуры на торжественное собрание.

— Мама! — просилась я. — Возьми меня с собой!

— Нет уж! Кончится поздно. Да и опасно...

— Почему опасно? Что там будет?

— А вдруг фейерверк устроят!

— Что-что?

— Ну, не знаю, вдруг бочки с порохом будут взрывать.

Это уж было совсем невероятно. Я, конечно, тут же побежала на улицу и рассказала девчонкам про фейерверк. И мы стайкой пошли к дому культуры. Но это было далеко! Через овраг, разделявший наш городок на две части, в сумерках идти побоялись, а другая дорога вела вдоль длинного-предлднного забора, им окружён был будущий парк. И вот мы шли, шли... В общем, не дошли, повернули

обратно. Стало совсем темно. Мы поняли, что время позднее и никакого фейерверка не будет, а от мам попадёт.

В первое послевоенное лето я вела дневник. Там есть строчки: «Мы сорвали первый огурец» и «Начинают приезжать бойцы с фронта». Там есть даже сообщение о солнечном затмении 9 августа. Но почему-то ни слова не написала я о концерте, который мы, несколько девчонок, посвятили великой победе.

Его придумала моя мама, когда кончились занятия в школе. Только ей некогда было заниматься с нами, и мы всё делали сами. Сочинили программу: танцы, сценки, стихи. Одна из подруг, Люда, сказала, что она станцует гопак, у неё есть венок с разноцветными лентами. Римма с Ниной повторят матросский танец, они уже выступали с ним у своей мамы в детсаду на утреннике. А на мою долю досталось участие в танце трёх пороссят. Было много споров, из чего делать маски. Оказалось, не из чего, только из газет и тесёмочек. Рисовали, вырезали, клеили, примеривали. Репетировали под собственную «музыку», то есть под «ля-ля».

И вот наступил день концерта. Посредине нашего заросшего травой двора на стульях, табуретках и прямо на земле расположились зрители. Неожиданно для нас пришли не только дети, но и пожилые

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

соседки, ближние и дальние. И так мы вдруг распereживались! Римма начала не с той ноги. Я забыла, куда во время танца поворачиваться, меня Люда за платье дёрнула. И в довершение всего в самый разгар танца у меня разорвалась маска! Я думала, это провал окончательный.

Но зрители так не думали. Они веселились от души, мальчишки от хохота по траве катались. И наградили нас такими дружными аплодисментами, что мы и впрямь почувствовали себя артистами. Настоящих артистов мы видели только в кино, ведь телевидения тогда не было.

Да, наше детство вместило в себя жизнь от начала Великой Отечественной войны до её окончания, до победы. И этим оно уже необыкновенно. Но лично моё детство было военным, но обыкновенным, как у всех вокруг. Так я и назвала книжку, которую написала уже совсем-совсем взрослой.

Мы занимаемся физкультурой по утрам
ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 313. Л. 11.

Какие вкусные свежие булочки!
ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 313. Л. 14.

Иван Нагаев

ВОЙНА ПРОШЛА И ПО ДЕТСКИМ СЕРДЦАМ

Ещё вчера жили спокойно и весело. Нам, братьям-близнецам, предстояло пойти в первый класс, и родители подготовили нам завидные по тем временам чёрные лаковые ботиночки. На этом настоял отец, совсем недавно вернувшийся с финской войны, а мама, мастерица швейного дела, украсила наши рубашки «под матроски»...

Как ни прошлось по памяти, будто жёстким наждаком, истёкшее время, но вычистить из неё самые тяжёлые детские переживания и ему оказалось не под силу. Да и стоит ли об этом жалеть? Ведь те суровые годы заложили в сердцах и особые отметины стойкости: выжили, одолели, вынесли все невзгоды, возмужали. Может, слишком рано повзрослели, зато в послевоенные годы

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

с удвоенной-утроенной энергией и волей принялись помогать старшим.

Так чем же нам, мальчишкам из большого села Глядянское, райцентра на Курганщине, запомнился тот неповторимый отрезок жизни? Тем, что из этой жизни почти сразу же исчезло надёжное и доброе окружение заботливых отцов, старших братьев, которые чуть ли не в одночасье и поголовно были призваны на войну. Из нашей большой родни дома остались одни женщины, четыре сестры с детьми-дошкольниками. И вынуждены они были впрягаться в тяжёлую мужскую работу. Младшая из них, тётя Нюра, сразу же пошла на колхозные курсы трактористок. Наша мама Зоя — на работу швеёй в промкомбинат, где женщины целыми днями шили ватники, шапки-ушанки для бойцов. Тут же тачали солдатскую обувку мужики весьма солидного возраста.

Тётя Нюра ещё и курсы не окончила, а её трактор уже чуть не каждый день выезжал пахать на колхозное поле. Мы тогда своей семьёй приютились в деревушке под боком у бабушки-колхозницы и могли своими глазами видеть, как наша тётя Нюра осваивала неженскую профессию. Ох, и доставалась же ей эта пахота! И ведь не жаловалась. Затемно вернётся в дом и сразу, едва поужинав, опрокидывается в сон. А мы, ребятки, замечали, как у неё руки

во сне вздрагивают, будто что-то крутят. Спрашивали наутро:

— Что во сне видела?

— Так ведь как только друг-то мой заглохнет, заводить вручную надо. Надорвётся, прежде чем он заурчит.

Пока она в поле надсаживается, за дочкой её бабушка Аня присматривает. На неё же возложены огород и скотинка.

А как вот это может выветриться из памяти? С первыми петухами собираются бабы, вооружённые косами, граблями. Для пущей важности выстраиваются в отряд и почти всегда с песней, бойко вышагивают за речку на заготовку кормов. Нередко это воинство прихватывало с собой и незрелое ещё потомство, хотя бы для грабельной зачистки свежевыкошенного луга. И нам это доставляло радость: как же, вот и мы полезны! Да и на душистых стожках вволю накувыркаемся...

Нашу маму где-то через год отмобилизовали в неближнюю деревню Раскатиху, где была открыта большая пекарня. Там выпекали хлеб для госпиталей и больниц. Пекарня эта сослужила нам хорошую службу. Как-то мы с братом-близнецом всерьёз заболели, кажется, воспалением лёгких. Домашние лечили, чем придётся, но выздоровление шло плохо. Сообщили маме. Она приехала да с полудюжиной

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

ржаных караваев, которые ей выделил цех. С этих аппетитных караваев мы пошли на поправку.

Ещё вспоминается жарко нагретая печка-буржуйка, на округлые бока которой мы «наклеивали» резаные пятаки картошки. И на обгон срывали их, обжигаясь, проглатывали этот чудо-деликатес.

Одним летом (кажется, году в 44-м) нас с Анатолием отправили в пионерский лагерь. К лагерю подступал сосновый бор, рядышком озеро в кувшинках. В столовой кормили так, как мы давно не едали, даже сладости давали. Но нас потянуло домой, и мы кинулись в лес, надеясь, что чутьё выведет на дорогу. Увы, в лагере сразу подняли тревогу и нас скоренько отловили, конечно. Лагерь этот вспоминаю редкой в военное лихो сытостью и весёлой ребячьей радостью.

В летнюю пору в деревне справиться с голодухой удавалось благодаря огородам. Ох уж, сколько и наших силёнок было вложено в полив его, в прополку! Из леса приносили грибы и ягоды. Не всегда эти дары леса насыщали растущий организм. Хорошо, что деревня стояла на озере и у небольшой речки, а дальше был Тобол. Ребятня ловила рыбу удочками и небольшими неводками. Это заметно поддерживало семейный стол.

Впрочем, военное-то детство тем и отличается от обычного, что все, кто в тылу, живут не только

своей тыловой жизнью, как бы ни была она трудна. Вот и мы переживали не за себя, а за тех, кто там, в огненном пекле. Как там наши близкие, живы ли, целы ли, скоро ли прогонят захватчиков? Всей деревней, от малого до старого, чутко ловили каждое сообщение о делах на фронте. Тяжело переживали потери. О героической гибели нашего двоюродного брата Коли горевала вся Глядянка. Все знали его и любили. Он был единственным киномехаником в клубе и регулярно привозил кино из Кургана, показывал по два-три сеанса. Так было и перед самой войной, когда он привёз ленту «Чапаев» и крутил её несколько раз при полном зале. Не удивительно, что известие о гибели всеобщего любимца до слёз тронуло всех глядянцев. Вся деревня переживала эту потерю.

Вороша ныне всё, что пережито в то лихолетье, ловлю себя на странной мысли: с годами люди, мне кажется, становились спокойнее, острые тревоги улеглись, хотя душевые травмы от потерь никуда не делись. Задаюсь вопросом, почему? Не потому ли, что к концу войны у людей появилась уверенность: самое страшное — позади, враг вот-вот будет разгромлен. Подтверждением этой мысли стало и пришедшее со всеми ещё громыхавшей войны письмо от отца, куда он вложил тёмно-матовую фотографию вождя с надписью: «И. Сталин — с ним мы

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

победим!» До полной капитуляции фашистов ещё оставалось около полугода, но чувство победы уже воодушевляло не только солдат, но и всех нас.

Ольга Перминова

ПРИВЕТ, БАРАДУН!

Моё военное и послевоенное детство прошло на далёком Алтае, в городе Барнауле. В 1938 году отца перевели сюда на работу, в Алтайское управление мясной промышленности.

Хорошо помню начало войны. Мне было четыре с половиной года, мы возвращались из пригородной Алтайки. День был чудесный, и утром на вокзале и в вагоне все были весёлыми: много пели, смеялись. Вечером же, когда мы шли в толпе, всё изменилось, потемнело, лица людей стали очень серьёзными. Тогда-то я услышала слово «война».

Помню, как мы собирали отца на призывной пункт. Мама укладывала его вещевой мешок, я вертелась тут же и норовила сунуть в него то свой чулок, то игрушку. Папа был непривычно грустным: ещё бы, он оставлял маму (инвалида по зрению), пожилую сестру, подростка-сына и меня, малолетку. Но через

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

несколько дней он вернулся, его комиссовали из-за очень плохого зрения. А вскоре пришла бронь, и папа занялся снабжением фронта продовольствием.

Началась наша военная жизнь. Вечером занимались окна одеялами, сидели за столом вокруг керосиновой лампы, слушали радио. Над диваном висела большая географическая карта. На ней папа и брат Вова флагками отмечали продвижение наших и немецких войск. Вова научил меня показывать Москву и Барнаул, я называла его «Барадун».

У наших соседей Мягковых, родительских друзей, дядя Коля ушёл на фронт. Его жена, тётя Груша, стала надомницей: целыми днями строчила на швейной машинке солдатские рукавицы с двумя пальцами — большим и указательным. Когда мы с Римкой, её дочкой, моей ровесницей, спросили, почему она шьет такие смешные рукавицы, она, не отрываясь от работы, бросила:

— Чтобы красноармейцу было удобно стрелять.

Наша улица называлась Лыжный проезд. По ней, направляясь в лес, шли лыжники в маскировочных халатах.

Вокруг было много детворы. Первые уроки ребячего общежития я получила в своей уличной компании: лежачего не бьют; все за одного; стыдно быть ябедой-бедой и жадиной-говядиной.

Дети были предоставлены сами себе. Зимой мы катались на санках, летом пропадали на мелководной речке Барнаулке. Но игры наши изменились. Мальчики теперь играли в войну, а мы, девчонки, — в Гитлера. На земле чертился большой-большой круг, и кто-нибудь говорил:

— Гитлеру дают вот столько хлеба. — Рядом рисовали малюсенький кружочек: — А вот столько дают красноармейцам.

Дальше фантазировали, кто как мог.

Хлеба не хватало. Я вообще не помню, как выглядел хлеб, не помню, чтобы он свободно лежал на столе или где-то в хлебнице. Старшие дети выкупали хлеб по карточкам в магазинах вместо взрослых. Я тоже просила разрешить мне это делать. Наконец, когда немного подросла, разрешили.

В очереди за мной стоял взрослый парень. Он всё время как-то подталкивал меня. В общем, когда я подошла к прилавку, карточек в кармане сарафана не было. Как же я плакала! А мама всё повторяла:

— Хорошо, что до конца месяца всего три дня.

В городе появилось много маленьких рынков, где продавали всякую мелочь: овощи с огорода, самодельные конфеты и т. д. Предметом моих мечтаний были именно эти конфеты. Они были в виде подушечек и почему-то плавали в чашке с водой. Как я ни просила маму, она мне их никогда не поку-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

пала. И вот однажды случай, казалось бы, представился. Мальчики подговорили меня пойти на конный двор, к складу. Они подкопали лаз, из которого посыпалась крупная тёмная соль. Мы набрали её и побежали на наш «пятый» рынок продавать. Меня посадили на какой-то ящик, дали стакан, а сами спрятались за углом. Стали подходить люди. И вдруг я вижу: мчится моя мама. Она быстро прикрыла мою торговлю и долго объясняла мне, насколько это мероприятие незаконно и как мог бы пострадать мой отец. Тогда я впервые услышала слово «тюрьма». Часто я слышала и другое слово — «хлопотать». Мне представлялось, что где-то на большом-большом поле собирается огромная толпа людей, которая поднимает руки вверх и одновременно начинает хлопать в ладоши.

В городе был и главный рынок, на котором можно было купить многое. Именно там мама купила мне две подержанные книги — «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусьями» Сельмы Лагерлёф и «Рассказы о Ленине» А. Кононова. В первую книгу я просто влюбилась и приставала ко всем, чтобы мне её прочитали. Во второй книге мне нравился рассказ «Красные ягоды». В нём говорилось о том, как перед революцией Ленин скрывался в семье финского рабочего, как сыновья этого рабочего ходили с ним за брусникой, и Ленин научился по-фински называть

красные ягоды «пунатэн пунаны». Ленин в этом рассказе был не такой, как на портрете, а простой и домашний. На рынке покупали и исписанные открытки. Когда надо было идти к кому-нибудь на день рождения, старый текст открытки заклеивали, а сверху писали своё поздравление.

В Барнауле появились эвакуированные. У Римки в трёхстенке — постройке, примыкающей к дому, поселилась семья из Ленинграда. Одну комнату в нашем доме заняла семья Борисенко с Украины: Катя-армянка, её золовка, тётя Шура, и два мальчишки — Вовка, мой ровесник, и Эдька четырёх лет. Из их вещей помню только патефон с единственной пластинкой «Ария Владимира из оперы Направника «Дубровский». Мы крутили пластинку так часто, что вскоре я знала эту арию наизусть. Ленинградка, которую поселили в соседнем доме, была очень худенькой, говорили, что у неё дистрофия. Вскоре эта женщина умерла. Чтобы сколотить ей гроб, выломали широкие доски из перегородки конюшни.

Нередко детей в нашем доме кормили всех вместе. Я очень любила грибной суп, который варила тётя Шура (они привезли мешочек сухих грибов). Мама, конечно, тоже готовила что могла. Вечерами в печке-голландке пекли парёники из свёклы с нашего огорода. Вообще, чего только мы, дети, не ели: и жмых, и ягоды чёрного паслёна, и щавель,

и какие-то травки. От такой еды у меня часто была аллергия: глаза превращались в щёлочки, губы раздувались, тело покрывалось красными «лепёхами». Врач сказал, что у меня неправильный обмен веществ, не хватает витамина С, а этот витамин есть в зелёном луке. И всякий раз, когда возникала аллергия, я бежала в огород и, плача, ела лук. Болела я довольно часто. Зимой простужалась, болели ухо, горло. Обмораживала щёки, нос. Весной на руках были страшные «цыпки» от пускания по снеговым ручьям корабликов из коры.

Из-за того, что мы были предоставлены сами себе, часто случались всяческие травмы. Мне однажды в игре попало по уху, острые лапта прошла в сантиметре от глаза и виска. Ничего, обошлось. Но о другом кошмаре невозможно забыть. Случилось это на Барнаулке. Один берег её был высоким, песчаным, в нём было прорыто много пещер. Взрослые брали из этих пещер песок для хозяйственных нужд, а дети придумывали там всяческие игры. Однажды во время такой игры я решила зарыться поглубже. Вдруг вся огромная масса песка обрушилась на меня, заживо похоронив. До сих пор ощущаю эту невозможную тяжесть. Хорошо, что вблизи женщины полоскали бельё, они всё видели. Меня откопали, зарёванную отвели к Римке, под рукомойником долго вымывали песок из моей чёлки. Маме ничего не сказали.

В 1943 году Сталин разрешил открыть церкви. Недалеко от нас была церковь, которую использовали под склад. Все, кто мог, её восстанавливали. Мы, ребята, конечно, были тут. Слушали разговоры взрослых, смотрели, как отмывают стены и выносят мусор. Фрески, видимо, после забеливания мелом нисколько не попортились. Об этом восхищённо говорили в толпе. И вот, наконец, наступил день поднятия креста. На толстенных канатах, без всяких механизмов его с трудом поднимали на купол церкви мужчины. Иногда он съезжал вниз, и толпа издавала испуганное «ах!» Вся наша ватага, конечно, присутствовала на этом событии.

Когда начались службы, моя религиозная тётя Поля стала водить меня в церковь, научила молиться. Я с любопытством рассматривала фрески, слушала красивое пение, вглядывалась в лица людей. В церкви были в основном женщины. Многие молились со слезами на глазах, становились на колени перед иконами. После службы выходили просветлёнными, задумчивыми. Церковь утешала, дарила надежду, соединяла.

Мама бывала в церкви крайне редко. Но однажды, в свой день ангела, вернулась оттуда весёлая с незнакомой женщиной. И вот что рассказала:

— Молюсь и вдруг слышу: «Даша!» Огляды-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

ваюсь, а это Дуня, моя подружка из Россоши. Просто удивительно, что мы встретились так далеко от дома. Мы же обе Евдокии и в день своего ангела пришли в храм...

В 1944 году я пошла в школу. 14-я начальная, бывшая церковно-приходская была рядом с нашим домом, девчонки и мальчишки учились вместе.

Тогда стали вводить форму. Из маминого тёмно-синего шерстяного платья тетя Поля сшила платье для меня, а из своей чёрной юбки — фартук. Нашёлся в их с мамой закромах и красивый воротничок из кремового шёлка с перламутровой пуговицкой и плиссированной по краю. Все были чрезвычайно довольны.

Целый год в школе изучали букварь. А я уже читала как взрослая поэтому мне на уроках чтения разрешали читать свои книги. Но зато как я мучилась на уроках чистописания! Руки мои постоянно были в чернилах. Кляксы из чернильницы-непроливаши капали в тетрадь, перо скрипело и цеплялось за бумагу. Особенно упорно сопротивлялась мне буква «в». Хвостик, который шёл вверх, был то слишком пузатым, то очень тощим. Слёзы из глаз множили кляксы. Дома я ревела во весь голос, но мама была неумолима и заставляла несколько раз переписывать домашнее задание, пока у меня не получалось что-то приличное.

Отопление в школе было печное. Один раз мы угoreли, и нас пораньше отпустили домой. В перемену все выходили в коридор, он же зал. Здесь у нас проходили линейки, общие собрания. В большую перемену девочки, взявшись за руки, ходили по кругу и пели песни, в основном военные.

В школе нам часто делали уколы, всегда под лопатку. Так нас спасали от всяких инфекций и серьёзных заболеваний. После укола ныла脊на, но я stoически выдерживала эту процедуру. А вот казашка Лиза Шмакова панически боялась уколов, и её две учительницы тащили в кабинет директора, где временно располагались медики.

В Новый год в центре зала поставили большую сосну, ёлки в пригородном лесу не росли. По домам собирали ёлочные игрушки. Много было и самодельных украшений: бумажных цепей, хлопушек, снежинок. Мы восхищённо рассматривали всё это великолепие, водили хоровод, рассказывали стихи и пели песни. В конце праздника нам выдавали подарки. Тут уж постарались наши мамы. У нас в доме собирались женщины, которые принесли, кто что мог и стряпали целый день. Вова из серой обёрточной бумаги kleил пакеты, на которых рисовал нарядную ёлочку.

Прибекав домой, я с восторгом рассказывала брату, что было в подарке:

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

— Булочка с маком! Булочка с вареньем! Булочка ни с чем!

Видимо, такой восторг я при этом источала, что брат превратил мой рассказ в игру, которая затянулась на несколько дней. Снова и снова он спрашивал меня:

— Ну, расскажи, что было в подарке?

Сначала я исправно отвечала, но потом возмутилась и стала сердито бурчать:

— Я уже тебе говорила!

Надо сказать, что брат, который был старше меня на десять лет, очень скрасил моё детство. Добрый, умный, развитой и начитанный юноша, он был ещё и большим фантазёром, вносил много игры в наши отношения.

Собрав мои игрушки, он показывал мне кукольный театр, но не простой, а марионеточный. Привязывал нитки к игрушкам, расставлял мои маленькие стульчики, как в настоящем театре. Всё это сопровождалось текстом: «Вот сидит папа (это был мой мишка). Он читает газету».

Иногда он рассказывал мне сказки собственного сочинения, которые обязательно иллюстрировал своими рисунками:

— Жила-была одна маленькая девочка. — Рисовалась девочка. — Однажды она пошла в лес. — Рисовались деревья, грибочки, пеньки.

В сказке всегда была мораль. Когда оказывалось, что девочка не такая уж примерная и совершаёт не очень благовидные поступки, я возмущённо прекращала сказку: очень уж эта девочка напоминала меня. Водились, ох, водились за мной грешки!

Страшным бедствием в городе был педикулёр. Это и понятно. Население жило в основном в домах неблагоустроенных, без водопровода и канализации. На весь город была одна общественная баня. В огромных очередях люди стояли часами.

В школе выбирали «санитаров». Они носили белую повязку с красным крестом на рукаве и очень важничали: иногда расплетали косички, выворачивали наизнанку наши рубашонки. Я всегда жалела одноклассников, которые после осмотра плакали, да и сама волновалась: вдруг найдут? Это считалось стыдным.

И вот, наконец, наступил день Победы. Радость, с которой её встречали, не описать словами. Папа взял меня с собой, мы пошли на главную площадь, где собралось много народа. В воздух подняли большой шар, на котором было написано огромными буквами одно слово — «Победа!». К моему любимому папе подбегали женщины, обнимали и целовали его.

Через какое-то время в городе появились пленные японцы. Ходили они всегда строем. На ногах у них были матерчатые ботинки на деревянной

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

подошве. Мне казалось, что все они похожи друг на друга — улыбчивые, с раскосыми глазами.

В 1948 году мы переехали в Пермь. Папа уехал раньше, Вова уже был студентом и остался сдавать сессию. Мы с мамой отважно пустились в путь вдвоём. Дорогая моя, слабенькая мама! Как ей досталось в той поездке! Дело в том, что, благополучно доехав до Новосибирска, мы должны были закомпостировать билеты, чтобы ехать дальше. А билетов не было. Десять (десять!) дней мы прожили на вокзале, на полу в общем зале. За время, пока мы там сидели, у нас украли медный чайник, с которым мама ходила за кипятком. Она очень горевала. Каждый день рано утром, услышав зычный голос «дезинфекция!», мы просыпались. Со всеми пожитками мы должны были на время этой дезинфекции выйти из зала и ждать, когда можно будет зайти туда снова.

Наконец поехали! В Перми, тогда это был город Молотов, нас встречал папа. Шёл сильный дождь, было непривычно холодно. В Барнауле была суровая зима, но зато жаркое, почти без дождей лето. Мы ехали на трамвае по улице Ленина. По сторонам стояли старые, покосившиеся домики, без нарядных ставен, как в Барнауле. В общем, город мне очень не понравился. Но зато в продуктовых магазинах было всё: колбасы, икра, копчёная рыба, масло, белый хлеб, конфеты, всего в избытке. Кон-

сервированные крабы высились на витрине штабелями. Продавалось даже варенье из лепестков роз. Некоторые слова я узнала впервые: «батон», «маргарин», «комбижир». Говорили, что Сталин решил подкормить уральцев за большой вклад в победу. На Алтае магазины были пустыми.

Нас поселили в двухквартирном доме, построенном пленными немцами. Рядом они строили большой гараж для лесхоза. Нас от стройки отделял хилый забор, и я могла спокойно наблюдать за немцами. Один из них был, видимо, главным, скорее всего, офицером. Он держался надменно и иногда что-то говорил командным голосом. Однажды он поманил меня к себе пальцем и на ломаном русском языке попросил купить хлеба. Вытащил деньги, и меня поразило, что они выглядели как только что проглаженные утюгом. Я помчалась в магазин. Он принял хлеб, сдачу и улыбнулся:

— Данке, медхен.

Папа записал меня в 22-ю женскую школу. Первого сентября я пошла в 5 «г» класс. Нам начали преподавать немецкий язык. Во дворе школы тоже работали пленные немцы. И вот мы решили поговорить с ними, хотя по-немецки знали только несколько фраз. Подбежали к одному молодому немцу, который отдыхал на приступке, и самая смелая из нас девчонка Аля Давыдова спросила:

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

— Was machen sie? (Что вы делаете?)

Немец удивлённо пожал плечами и ответил:

— Ich sitze. (Я сижу.)

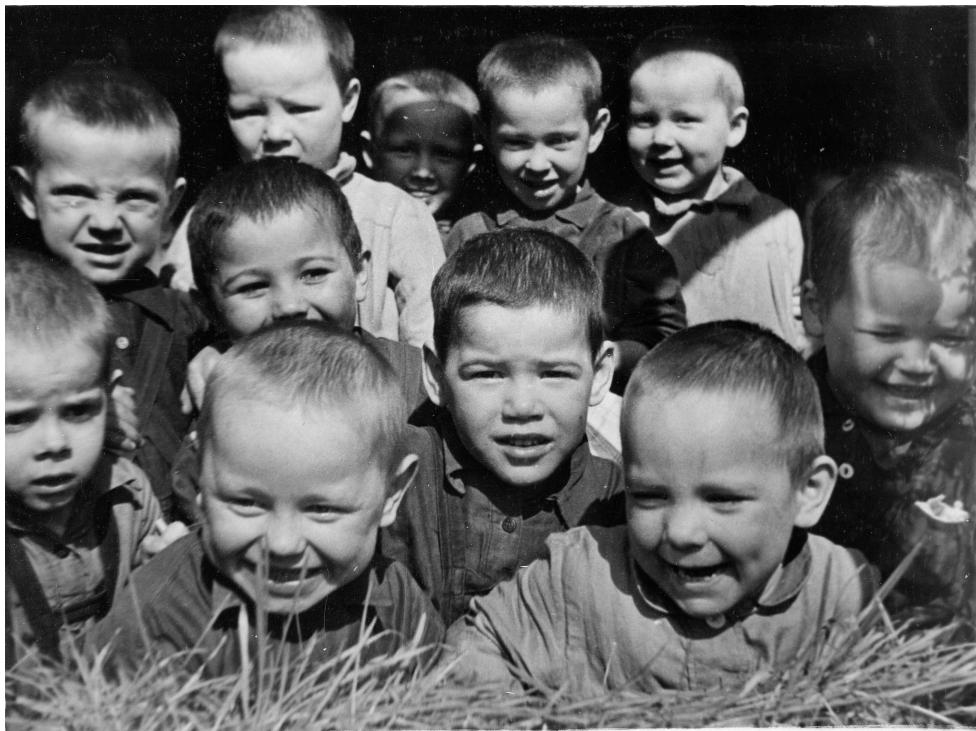
Мы весело засмеялись и гордые побежали в класс. Как же! Поговорили...

В лихую годину мы жили в глубоком тылу и многоного не знали о войне. Нас не бомбили, мы не видели, как погибали люди в смертельных боях, как зверствовали фашисты на оккупированных территориях. Не понимали мы и того, как тяжело трудились наши родители здесь, в тылу. Взрослые оберегали нас, не рассказывали об ужасах войны. И только позднее я узнала её суровую правду из рассказов близких, из прочитанных книг и просмотренных фильмов. Узнала и заново пережила это страшное время: плакала над книгами и фильмами о войне.

До самой победы детские души оставались незамутнёнными и светлыми. Вот потому, наверное, и снится мне мой заснеженный Баадун, город моего детства.

С любимой куклой
ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 313. Л. 19.

Мы рады солнышку

ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 313. Л. 20.

Борис Садилов

«А МЫ И НЕ СОМНЕВАЕМСЯ!»

По словам Марка Твена, реки детства были шире, деревья выше и цветы красивее. А если детство военное?..

Мы с моим другом Лёнькой Юдиным ловили ершей на Каме в устье речки Согрешиловки. Было это в районном центре Частые в солнечный воскресный день. По обрывистому берегу Камы проходила молодая пара. И девушка сказала вдруг:

— Ребята, война началась!

— Как война? С кем?

— Германия без объявления войны напала. Сегодня, в четыре по московскому времени. Вы ещё спали.

— А мы победим? — спросил Лёнька.

— Не сомневайтесь, пацаны, — сказал парень.

— А мы и не сомневаемся, — ответил я.

Нам с Лёнькой было по десять с половиной

лет, мы только что закончили второй класс. Лёнька жил по соседству. Его отец Павел Фёдорович работал бакенщиком на Каме. Жили наши соседи очень бедно. Старший брат Лёньки Толя вскоре был призван в действующую армию и, к счастью, после войны благополучно вернулся домой.

Мы, ребята, обычно бегали к пароходам, плавущим из Астрахани. Часто верхние палубы парохода были заставлены ящиками с яблоками. Когда пароход проходил песчаную косу, мальчишки принимались кричать:

— Дайте яблочек!

И нам с парохода кидали яблоки. Порой пажаны бежали за пароходом километров пять, заплывали в воду и подбирали брошенные с борта фрукты. Однажды я, собрав с десяток яблок, поплыл снова: одно яблоко оказалось слишком далеко, но красное такое, разве удержишься! Доплыл до него. Плычу с яблоком к берегу. И понимаю, что силы покидают меня. Начал «мерить дно» — столбиком опускаться и определять глубину. Глубина была большая. До дна я не доставал. Наконец, нырнув в очередной раз, ощутил кончиками пальцев гальку. Не помню счастливей минуты! Вышел на берег, упал на песок. Видимо, я нахлебался камской водицы. Ленька нёс ко мне мою майку с яблоками и плакал.

Пароходы постепенно преобразились. Ещё недавно они были белоснежные, на них играла весёлая музыка, на палубах танцевали. Теперь они были окрашены в защитный цвет, шли в полной тишине.

А по дорогам всё чаще можно было видеть подводы с мужчинами из деревень. Это были призывники. Мимо окон проезжали обозы с зерном. На передней телеге — транспарант «хлеб — фронту!».

Отец мой Яков Данилович работал директором МТС — машинно-тракторной станции. На него распространялась так называемая «бронь» — освобождение от призыва в армию. Как-то в Частые приехал первый секретарь обкома Николай Иванович Гусаров. Отец посетовал: вот, мол, на фронт не берут. Николай Иванович рассердился:

— А кто будет растить хлеб бойцам?! Надо будет — все пойдём на фронт!

В кладовке всю войну висел вещмешок. В нём сухари, кружка с ложкой, пара белья, кусок мыла, зубной порошок на случай призыва.

Старший брат отца Тихон работал на оборонном заводе в Мотовилихе. Младший брат, мой любимый дядя Толя, ушёл на фронт в первые дни войны. Перед отъездом мы с ним ездили на озёра ловить карасей. Дядя Толя говорит:

— Хочешь, я сейчас со дна галек достану?

Я усомнился: глубоко ведь. Дядя перевалился

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

через борт и исчез в воде. Через какие-то секунды вынырнул и бросил на дно лодки горсть галек. Думаю, так он испытывал себя.

Погиб дядя Толя в 1942 году под Сталинградом. Семья ездила на место его гибели, благоустраивала братскую могилу.

Мамина сестра, тётя Лиза, служила в береговых частях Балтийского флота. Тётя Тася окончила курсы при автошколе и всю войну была шофёром в МТС. Дед Данил Яковлевич работал конюхом в колхозе. Был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Бабушка ткала мешки. Для этого в нашей избе стояли кроcны — ткацкий станок. Я нередко помогал бабушке, подавал нитки, делал ещё что-то по мелочи. Мой старший брат Костя в четырнадцать лет уже работал помощником комбайнёра. Как-то у наших ворот остановилась лошадь. На телеге — мешок ржи. Возница крикнул:

— Хозяйка, принимай аванс!

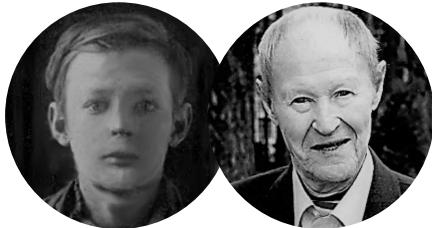
Это Костя получил оплату за работу. Мама заплакала. Как же, сын заработал!

Потом Костя работал диспетчером на пристани, а когда ему исполнилось семнадцать, ушёл на фронт. Воевал он на Балтике. В январе 1945-го тральщик, на котором служил брат, шёл с ранеными с острова Эзель и при входе в Финский залив по-

дорвался на мине. Костю и ещё нескольких моряков сняли с льдины в бессознательном состоянии. Костя встретил Победу в госпитале в Ленинграде.

Времени для баловства у нас, школьников, практически не было. Летом мы собирали на полях спорынью и сдавали в аптеку для лекарственных целей, собирали колоски, грибы, ягоды. Весной на Большом острове собирали дикий лук и кислицу (щавель). Я выпускал в классе стенгазету «Патриот». Начальную школу закончил с похвальной грамотой. Она до сих пор у меня хранится.

День Победы я встретил в Ныробе, куда перевели отца председателем райисполкома. Описывать 9 мая 1945 года? Это было ликование!

Игорь Сидельников

НАПЛАКАЛСЯ, ПОКА ВСПОМИНАЛ...

До войны наша семья жила в Соликамске. Отец работал начальником городской понижающей электроподстанции. У меня были две сестры, Луиза и Наташа.

21 июня 1941 года мы с друзьями, а нам было по двенадцать лет, поехали рыбачить на Каму. Отправились на лодке вечером, но ничего не поймали. Половили ранним утром, часов около девяти переехали реку. И сразу заметили беспокойство в городе. Тут-то и узнали, что фашистские войска перешли нашу границу.

Началась мобилизация соликамцев призывных возрастов. Из магазинов быстро исчезли продукты. Довольно скоро мама стала менять одежду на картофель и другие овощи.

29 мая 1942 года отец устроил меня, тринадцатилетнего пацана, в электролабораторию, где я начал красить корпуса вольтметров и других приборов, проверял наличие масла в трансформаторах. В конце июня начальник дал задание снять вольтметр в цехе, где семь электромашин превращают переменный ток в постоянный. Не сказал, что взять с собой. Я взял отвёртку и изолированные плоскогубцы. Прихожу к дежурной по цеху. Она повела меня по узкому проходу. Всё вокруг под напряжением, всё гудит. Дежурная показала мне прибор и ушла. Минут пять стоял между гудящими приборами. Вольтметр был прикручен двумя гайками. Плоскогубцами открутил одну гайку. Только повернул вторую, прибор заискрил. В конце коридора возникла здоровенная фигура начальника. Он многоэтажным матом выдворил меня из помещения. Вскоре прибор принесли в лабораторию. Что-то я сделал не так. А как надо было, мне не объяснили.

В один из дней начальник принёс противогаз № 3 и сказал:

— Будешь ходить в электролизный цех. Там выплавляют магний. Нужно будет измерять ток на анодах и катодах у каждой ванны.

— А как это делать?

— Спросишь у мастера.

Голова моя для противогаза № 3 оказалась

мала. Снял шнурок с ботинка и как можно туже перевязал лишнюю часть резины. В электролизном цехе стоял полумрак: за десять метров человека не видно. На улице минус тридцать пять, а здесь жара необыкновенная. Мастер удивился, что пацана послали на такое опасное дело. Он показал, как делать замеры электроснабжения ванн, и ушёл. Загазованность от ванн была огромная. Дышать трудно. Хочется пить. А рабочие трудились на ваннах по четырем часа. Мне предложили работать полтора. После замеров я сделал записи в журнале, выпил залпом стакан воды из графина.

Скоро меня увезли с внутренним кровотечением в больницу. Там положили на носилки шестым у дверей. Умирать не хотелось. Но ничего не ел, а сахарки и сухарики убрал под подушку. Спал сутки. Медсестра подставляла мне зеркальце ко рту: жив ли? В обед поел синего молока и макаронинок на тарелке. Съел и прибранные под подушку сухарики и сахарки. Пролежал до октября. А в августе отец получил тяжёлую травму и лежал дома.

Выйдя из больницы, я не вернулся в электролабораторию. Начальница отдела кадров Мацина предложила мне пойти в тарный цех. Здесь работали по двенадцать часов в две смены. Для тары под терmitные заряды я отрезал материал для дна и крышки, а железный лист гнул в круг и делал шов.

У меня шов получался узкий, тонкий. Уже через месяц самостоятельной работы контролёр мне сказала:

— Игорь, у тебя шов получается высокого качества. Сдавай работу без контролёра.

За работу на изготовлении тары меня наградили отрезом на рубашку.

Когда в феврале 1943 года отец, так и не поправившись, умер, все заботы о больной матери и двух сёстрах легли на меня, четырнадцатилетнего. С хлебом становилось всё труднее, иногда ели суп из лебеды, крапивы.

Затем дядя Костя вывез нас в Сивинский район. Нас поселили в маленьком домике, рядом с забором картонажной фабрики «Коммунар». Я работал на фабрике слесарем, затем на просушке картона. Выходили оттуда в одежде насквозь мокрой от жары.

Как-то раз меня встретил мастер, хлопнул по плечу и сказал:

— Молодец, пацан! — И была эта похвала — будто мне орден дали...

Однажды на фабрике случилась беда. Молния ударила в громоотвод фабричной трубы. Разряд пришёлся на динамо-машины и приборы. Всё вышло из строя. Три дня и три ночи, не выходя из машинного зала, восстанавливали технику.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

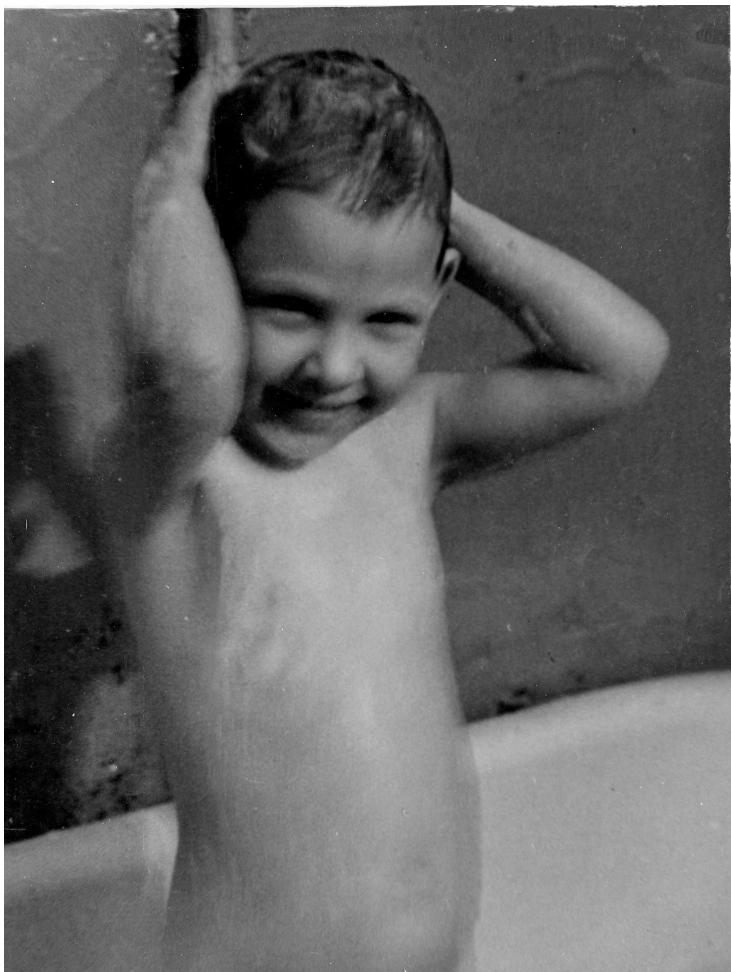

Летом 44-го нас послали на сельхозработы. Трудились в лаптях. Укладывали сено в стога. Тогда я получил три килограмма гороху и благодарность.

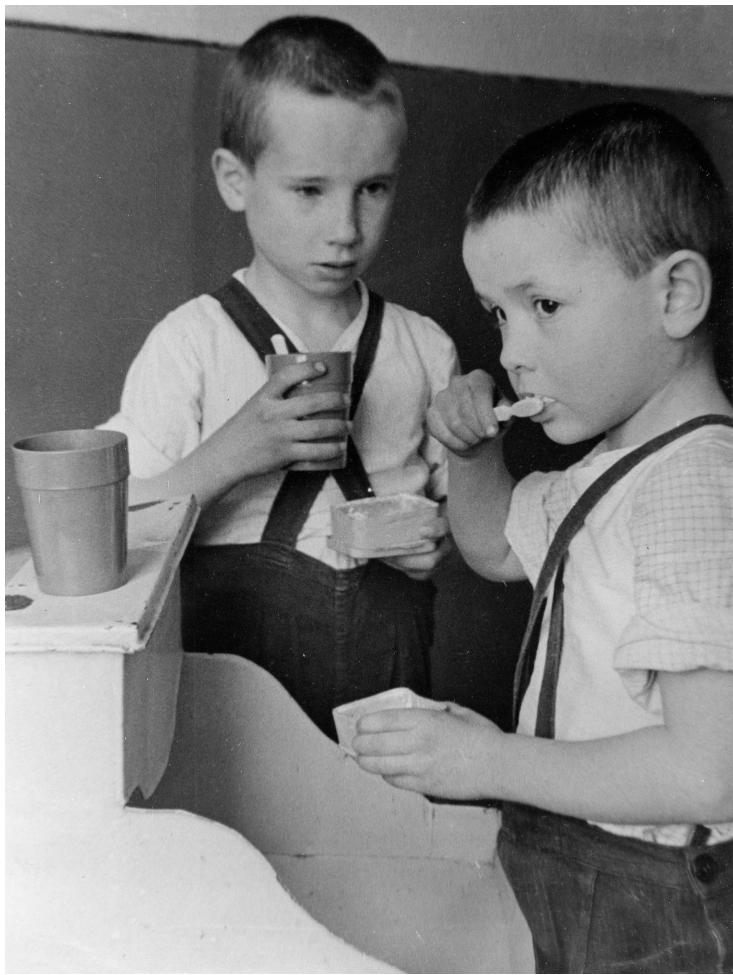
Зимой 1945 года военкомат вызвал меня на воинские сборы. Неделю мы работали на лесоповале. Затем меня отправили на станцию забирать какое-то немецкое оборудование для нужд фабрики. Мне дали тулуп, я ехал в кузове ЗиСа. Нужды военного времени бросали меня туда-сюда.

9 мая 1945 года сообщение о капитуляции Германии мы встретили с великой радостью, с ощущением настоящего счастья. Нас отпустили с работы.

Жестокая война лишила меня естественной жизни юношеских лет, пять раз я находился на грани жизни и смерти. Но выжил, доживаю девятый десяток. Наплакался, пока писал эти воспоминания...

Как хорошо мыться в ванной!
ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 313. Л. 9.

Мы следим за своими зубами
ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 9. Д. 313. Л. 10.

Николай Спицын

ОТЦОВСКИЙ НАКАЗ

Когда папа уходил на войну, мне не было и шести. Шёл жаркий июль 1941 года. На прощание он поднял меня на руки и сказал:

— Вот что, сынок, ты остаёшься единственным мужчиной в семье. Подрастёшь, во всём помогай маме.

Кроме меня в семье было ещё четыре сестры, старшей всего десять лет.

Отец погиб в ноябре 1941 года в битве за Москву. Его наказ я запомнил на всю жизнь.

Мама брала меня с собой на сенокос. Делать ничего не заставляла: сиди, играй, если хочешь, собирай на сухом болоте клюкву, только не уходи далеко. Но мне больше нравилось смотреть, как мама косит, как по росистому лугу хрустит под косой трава. А мама нет-нет да и взглянет на меня с мяг-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

кой улыбкой: мол, вижу, как тебе хочется покосить, но рано, мал ещё, вот повзрослеешь — тогда...

Долго ждать, пока повзрослею, не хотелось. Когда мне исполнилось девять лет, я нашёл на чердаке небольшую косу, насадил её по всем правилам на черенок и пристроился за мамой, когда она пошла на косьбу. Где-то через сотню метров мама оглянулась и, увидев меня, в изумлении остановилась.

— Ты куда это навострился да ещё с косой? — строго спросила она.

— Буду тебе помогать. Я уже взрослый.

— Взрослый... А ну, возвращайся! Ещё поранишься!

— Не пойду! Я уже пробовал и не поранился, — упрямо твердил я своё.

Взяв в руки мою косу, мама покрутила её, легонечко ударила по земле, чтобы удостовериться, какова она на прочность, спросила:

— Кто тебе её насаживал?

— Сам. Ну как, крепкая? — спросил я и внимательно посмотрел на маму. Лицо её выражало разные чувства: удивление, растерянность, радость.

Вечером, когда мы сгребли сено, поставив большущий красивый, как на картинке, стог, и усталые возвращались домой, мама остановилась, улыбнулась и тихо сказала:

— Ну, сынок, теперь я вижу: растёшь помощником.

И, поправив на голове платок, сбившийся на затылок, добавила:

— Вот мне и легче стало.

Никогда я ещё не видел маму такой счастливой.

Мой детский труд не был только сезонным. Для деревенских жителей забота номер один — заготовить дров на зиму. Счастье родиться в деревне, которую с трёх сторон окружает лес. Но в дом-то дрова сами не придут, их надо нарубить, привезти, просушить. Это я взял на себя. Каждое летнее утро, пока было нежарко, вместе с другом мы, вооружившись топорами и верёвками, отправлялись в ближайший лес. Много ли унесёшь на плечах? Пришлось соорудить себе и другу коляски. Да такие, чтоб на них можно было увезти не одну, а три вязанки. Работа нелёгкая. Бывало, что и в обморок падал от голода. Однако я очень радовался, видя, как с каждым днём растут поленницы дров.

Моя старшая сестра трудилась на торфоразработках. Однажды она мне, двенадцатилетнему, предложила:

— Хочешь заработать на пальто?

Я согласился, даже не дав сестре договорить. Вот только мама — ни в какую:

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

— Не отпуши! Мал ещё для заработков.
Уговорить её было трудно, но сестре это удалось:

— Работа нетрудная — переворачивать для сушки торфяные кирпичи. Не сможет — бросит.

Если честно, работа была тяжёлая, болела спина, ныли руки. И вскоре меня перевели, как мне показалось, на романтическую работу — греть воду в паровозном котле. Знай, бросай по кирпичику в топку. Зато как здорово потом нажимать рычажок паровозного гудка и возвещать рабочему люду, что вода согрелась и можно идти мыться.

Отработав неделю, я возвращался домой на выходной день. Шёл по невспаханному полю. Высоко в небе распевали жаворонки. От медового запаха клевера кружилась голова. Навстречу моя учительница биологии. Подойдя ближе, она спросила:

— Откуда ты идёшь?

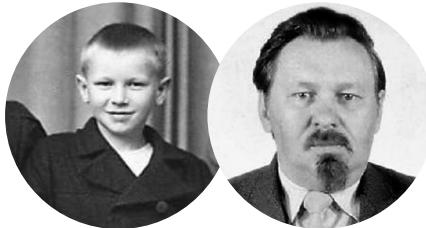
Пришлось рассказать.

— Так ты работаешь? — явно расстроенная Наталья Ивановна обняла меня, прижала к груди и беззвучно заплакала.

Она смотрела на меня с такой жалостью, с какой смотрят на беспомощных детишек. А я-то чувствовал себя важным и вполне самостоятельным работником!

Многое помнится из детства, горького и ко-
лючего. Такое оно было, военное и послевоенное
время. Когда вспоминаешь о нём, начинает жечь
душу.

Поэтому ограничусь тем, что радовало: всё
же выполнил я наказ отца.

Владислав Унгвицкий

В ПОСЛЕВОЕННОМ БЕРЛИНЕ

Помню себя трёхлетним мальчиком, который в центре Лысьвы машет рукой уходящим на фронт бойцам. В этом строю в июне 1941 года шёл и мой отец Николай Александрович Унгвицкий. Многие плакали (я не понимал, почему), а мне было необыкновенно радостно: столько солдат! После этих проводов отец надолго исчез из моей жизни.

В первом же бою под Клайпедой он попал в плен. Прошёл все ужасы фашистских концлагерей. Два раза бежал. Наконец ему это удалось. Попал в партизанский отряд, воевал в нём до окончания войны.

После ухода отца на фронт мы с мамой жили чрезвычайно бедно. Мама была дочерью священника. Ей отказали в поступлении в пединститут, преследовали из-за принадлежности к семье священнослужителя. Мы настолько нищенствовали, что мне нечего было надеть, чтобы пойти в первый

класс. Когда мама получила извещение, что отец пропал без вести, жить стало совсем тяжело. Пере-бивались с хлеба на квас.

И тут мама вспомнила, что в Армавире живёт её подруга. Мы отправились в этот далёкий кавказский город. Там мы жили в захудалом, шалашиком, доме: глиняный пол, соломенная крыша. Было по-прежнему холодно и голодно.

Прошло немало времени, как вдруг появился отец. Живой! Пройдя все круги ада, он почти два года после войны разыскивал нас. И нашёл. Приехал он неожиданно и появился перед нами на пороге. С 8 августа 1945 года отец служил в составе группы советских войск в Берлине. В 1947 году он забрал нас из Армавира и привёз в Германию.

Дальше жизнь в Берлине. Наша воинская часть восстанавливалась дома для советских военно-служащих, разбирала завалы, оставшиеся после боёв, приводила в порядок центр города. Зимой мы жили в городских условиях, а летом отправлялись на дачу в Карлхорст. Именно там был подписан акт о капитуляции фашистской Германии.

Все русские дети занимались в специальной школе. Здесь я и пошёл в свой первый класс. В Берлине я дружил с девочкой Аней, худенькой, черноволосой, с косичками. На Новый год я подарил ей большие стеклянные разноцветные шары на ёлку.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

В завалах было многое ещё неубранного оружия. Помню, тайно принёс в школу гранату с дымовой завесой и взорвал её. Что было! Что творилось вокруг! Все были срочно эвакуированы, ну, а виновника так и не нашли. Никто меня не выдал. Учился я очень хорошо. Тем, кто хорошо учится, и их родителям к Новому году в воинской части дарили подарки. Мне за хорошую учёбу подарили несколько замечательных книг и два аккордеона, маленький на сорок басов и большой на сто двадцать. Мы с мамой начали заниматься музыкой. Ноты мы изучали по учебнику А. Гедике. Моя мама очень любила «Амурские волны» и с удовольствием исполняла этот вальс на аккордеоне.

Я подружился с немецким мальчиком Манфредом. Он научил меня плавать, познакомил с пробковыми поясами. Они мне пригодились, когда летом нас, детей, вывозили на отдых на Балтийское море.

В Берлине на одном этаже с нами жил скульптор Евгений Викторович Вучетич. Это был добродушный человек. Жил он один. Меня подкармливвал всячими сладостями. Как раз в это время он работал над грандиозным мемориалом воинам Советской Армии. Облики всех героев монумента скульптор взял с военнослужащих нашей части. Воин-освободитель — это шофер нашего подразделения.

Владислав Унгвицкий. В послевоенном Берлине

А девочка у него на руках — дочь командира. Макет памятника был изготовлен из глины. Его отвезли в Москву, там отлили памятник и доставили в Берлин на трёх платформах по частям, которые монтировали на месте, в Трептов-парке.

Татьяна Чернова

РУГАТЕЛЬНОЕ СЛОВО — «ГИТЛЕР»

Воскресенье. Мы собираемся у школы, чтобы отправиться в городской парк на праздник, посвящённый окончанию учебного года. На мне новое платье с юбкой-воланом, красные туфельки, в тоненьких косичках алые ленточки. Я — самая красивая девочка на свете. Так я думала тогда, в двенадцать лет...

Настроение прекрасное! Духовой оркестр играет бодрые мелодии. Все веселятся, радуются хорошему дню, но... праздник неожиданно заканчивается. Испугал не дождь, внезапно обрушившийся на город, а другое: в разгар концерта большой репродуктор, висящий на одной из колонн белоснежной ротонды городского парка, сообщил о нападении фашистской Германии на Советский

Союз. Праздничные мероприятия прекратились. РаSTERянная молодая учительница собрала нас в кучку и повезла домой, в Мотовилиху. Пока трамвай, минуя Разгуляй, поднимался в гору, ребята по привычке галдели, но чем ближе подъезжали к посёлку, темтише становились разговоры.

Дома, в большой коммунальной квартире, женщины уже вовсю обсуждали страшную новость: на нас напала Германия. Война! И жизнь с того дня поменялась стремительно и необратимо. Для нас в играх самым ругательным стало слово «гитлер» — символ большой народной беды.

Эвакуированные появились в городе тем же летом. С чемоданами, тюками, одетые нелепо, наспех старики, женщины, дети — усталые, с безразличным взглядом потухших глаз, они чувствовали себя чужими в незнакомом городе. Война в одночасье лишила их родного дома, привычного уклада жизни, заставила уехать в неизвестный им ранее Молотов (нынешнюю Пермь).

Беженцы прибывали каждый день. Всего на 1 января 1943 года Молотовская область приняла и разместила на своей территории 315 тысяч человек, из них половину составляли дети и подростки. Детей из блокадного Ленинграда вывозили по «дороге жизни», по замёрзшему Ладожскому озеру. И здесь, в тылу, этих ребятишек отпаивали «напит-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

ком жизни» — витаминным отваром шиповника. В нашей детской больнице в Мотовилихе даже открыли специальное отделение для маленьких дистрофиков из города на Неве.

Многие дети встали к станкам.

Вот строки из дневника Геннадия Семёнова, бригадира комсомольско-молодёжной бригады моторостроительного завода № 19 (позже завода имени Свердлова):

«...05.10.42. К бригаде прикреплены четверо мальчишек-ремесленников. Им по 12—13 лет. Углани ещё! Ребята возятся с ними, как с младшими братьями.

...05.01.43. Был приём у директора завода товарища Солдатова. За большим столом собрали бригадиров фронтовых бригад. Нам налили чаю и перед каждым стояла вазочка с печеньем. Мы управились с угощением быстро. Директор похвалил нас и сказал, что наши бригады — основная сила на заводе. Расходились полные решимости работать ещё лучше...»

В награду за ударный труд подростки получали иногда билет в театр, а к празднику — по банке варенья.

А вот как заводчане встретили День Победы: «Утром 9 мая 1945 года все собрались в цехе. Обнимались. Плакали. Смеялись. Был митинг. А вечером

мы с Борисом Вешняковым надели шляпы и пошли гулять...»

Долго не заживали рубцы войны.

Рынок рядом со стадионом «Молот» называли бродячим, потому что милиция его постоянно пыталась разогнать, а он уже через час-два возникал снова, только на несколько десятков шагов подальше от прежнего места.

Именно здесь я их и встретила. Вчерашние солдаты — без ног, этакие обрубки на дощечках с колёсиками, которые они толкали вперёд руками в перчатках. Некоторые старше меня лет на пять-шесть, а выглядели стариками. Небритые, в пыльных гимнастёрках, они и говорили о чём-то своём. Словно всё ещё были там, на войне. Однажды я принесла на рынок несколько «беломоринок» и молча протянула папиросы одному из солдатиков. Он поднял на меня глаза:

— Где взяла? Украла у отца?

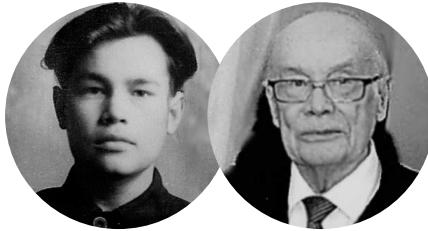
— Дядька с войны вернулся. На папиросной фабрике работает.

И вдруг его лицо искривилось в гримасе:

— Пожалела калеку?!

— Нет! А хотите, я вам стихи почитаю, какие в госпитале раненым читала?

И я оказалась в кольце солдат на деревяшках. Я читала Пушкина, Лермонтова, Симонова. С тех пор солдатики на дощечках здоровались со мной.

Владимир Ширинкин

«ПРИШЁЛ ПОБЕДЫ ЧАС...»

Долгожданный час победы пришёл в солнечное майское утро сорок пятого, когда оставались считаные дни до летних каникул. Я как раз заканчивал шестой класс в оханской средней школе.

С утра у нас дома, на улице Красной, 14, выставляли зимние рамы, мыли стёкла распахнутых окон. Из радиорепродуктора, круглой тарелки чёрной плотной бумаги, звучали песни и марши, которые прерывались официальными сообщениями о капитуляции фашистской Германии. Мы со старшей сестрой Алей, захваченные общим праздничным настроением, распевали «Марш артиллеристов» и много раз повторяли, переведя слова песни в настоящее время:

— Пришёл победы час, настал конец похода...

Ближе к полудню я надел свою парадную белую рубашку и помчался в центр города, на стадион.

Я рассказываю об этой рубашке и помню её до сих пор потому, что это был подарок учительницы-пенсионерки, которая жила от нас через дорогу. Не забуду никогда, как она подарила мне красный шёлковый галстук и эту рубашку. Как обычно вечером я принёс ей стеклянную банку с молоком. Она унесла её на кухню, а потом вышла в прихожую и протянула мне свёрток:

— Вот тебе Сашенькина рубашка.

Сказала и заплакала. Я знал, что уже в самом начале войны ей пришла похоронка, Саша был её единственным сыном. Я надевал эту рубашку не часто, только на сборы пионерской дружины и по праздникам.

И он настал, праздник праздников!

...Мне хорошо запомнился первый день войны. Было воскресенье, родители уехали в гости к знакомому пасечнику. Мы, ребятня, затеяли во дворе морскую игру, преобразив в корабль старую водопойную колоду. Старшая сестра Аля, оставшаяся дома, вдруг выбежала на веранду и позвала нас всех слушать радио. Передавали выступление Молотова.

Уже на другой день были призваны в армию два моих дяди, оба Ширинкины, Арсений, мамин брат и Николай — брат папы. Дядя Коля погиб зимой 1941 года в боях под Москвой. Я узнал об этом

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

позднее. А первой реальной жертвой войны для меня стал Шурка Колчанов, паренёк из нашего двора чуть постарше меня.

В начале войны многих подростков 14—15 лет направляли в ремесленные училища или школы ФЗО. Шурка попал в город Нытву учиться на прокатчика. В выходные он приезжал домой. В форменной фуражке, в стёганом бушлате и грубых ботинках на деревянной подошве он казался нам взрослым. Но, как я сейчас понимаю, был ещё мальчишкой, трудно отвыкавшим от дома и мамы. Пройдёт день, а к вечеру опять надо собираться в дорогу, идти пешком всю ночь, если не повезёт с пароходом.

Кроме бутылки козьего молока, нескольких луковиц да сухарей из сэкономленного пайкового хлеба взять из дома было нечего. И всё же нашлись подонки, позарившиеся на его тощую котомку. Они не только ограбили, но и зарезали Шурку.

Война напоминала о себе каждодневной сводкой Информбюро по радио. «После продолжительных и упорных боёв наши войска оставили...» Эта фраза сильно отзывалась в моём сердце. Мы видели войну в выпусках кинохроники, в боевых киносборниках, которые демонстрировались в кино перед началом каждого сеанса. Уже в сорок первом году в одном из таких киносборников мы увидели сюжет об Антоше Рыбкине, бойце-поваре, который

несмотря на свою профессию «воюет находчиво и всегда побеждает». Выходя из промёрзшего зала кинотеатра, делились впечатлениями, как Антоша перехитрил немца. Через год-два Антоша Рыбкин стал героем уже большого фильма, его играл известный тогда актёр Борис Чирков.

Кстати, именно в зале кинотеатра впервые я увидел настоящих американцев. Это была группа молодых лётчиков, по непонятным для нас причинам оказавшаяся в Оханске. В коричневых кожаных куртках и вязаных шапочках они свободно гуляли по городу, катались на лыжах. Уже взрослым я узнал, что это были члены лётного экипажа, интернированного на Дальнем Востоке. Они пробыли в нашем городе несколько месяцев, пока решалась их судьба. Об этом эпизоде Второй мировой войны детально писала областная газета «Звезда».

На городском стадионе как на учебном плацу призывники учились штыковому бою, по команде делали выпады влево-вправо, прокалывали штыком соломенные маты. Однажды, идя из школы, я увидел нечто новое: призывников учили приёмам владения шашкой.

Когда в Оханске эвакуировалась сталинградская спецшкола ВВС, стадион и в самом деле стал строевым плацем. Мы часто наблюдали утреннюю зарядку курсантов, построение для поверок и стро-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

евых смотров. Вечерами, перед отбоем, слышались строевые песни. Каждый взвод пел свою. Они сливались в общий гам, эхом разносившийся по городу. Особенно удавалась безусым военным фронтовая песня «Эх, махорочка, махорка».

После Сталинградской битвы спецшкола возвратилась к прежнему месту дислокации, в станицу Нижнечирскую Сталинградской области. На её место стали прибывать эвакогоспитали. Выздоровливающих раненых можно было видеть на улице. Забинтованные, а то и на костылях, они приходили на рынок, обменивая сэкономленный пайковый хлеб на махорку.

Хлеб выдавали по карточкам, которые были самой ценной бумагой в каждой семье. При утере их не восстанавливали, и это было трагедией. Несколько лет, с осени 1941 до 1947 года, хлеб доставался ценой томительного ожидания в очередях. Его выдавали по 300—500—750 граммов на человека, смотря к какой категории человек относился, иждивенец или рабочий. Для нашей матери самым трудным было поделить хлеб за столом. Хорошо ещё, перед войной мы обзавелись коровой-первотёлкой, а на участке за городом, как и другие, выращивали картофель. Без картошки было не выжить. Окутить, прополоть, выкопать — всё это было для нас, детей, обычным делом.

До войны мы учились в начальной базовой школе при педагогическом училище. Это был настоящий школьный дворец со светлыми классами, актовым залом. В войну там разместили госпиталь. Мы перешли в другое, приспособленное под школу здание. Школьные годы помнятся не только холодными классами, в которых сидели в пальто и валенках, но и школьными обедами. В большую перемену любимая старенькая учительница Юлия Алексеевна Мохнаткина раздавала нам по кусочку хлеба, посыпанному жёлтым сахарным песком. Позднее, в шестом-седьмом классах староста прямо в классе разливал по чашкам тощий картофельный суп.

Большой радостью были редкие, а потом всё чаще и чаще передаваемые сводки об освобождении городов, о прорывах на фронте и приказы Верховного главнокомандующего о салютах в честь успехов Красной армии. Как ликовали мы, сидя на торжественном школьном собрании, посвящённом 26-й годовщине Октября, когда прямо в зале включили радио с сообщением об освобождении Киева!

Помнятся наши детские игры. «В войну» — значит, военные, «с оружием», разведкой и тайной. В снежных сугробах рыли окопы и ходы сообщения, вырезали из липовых досок пистолеты, автоматы, выстругивали гранаты. Под влиянием книги Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» на нашем сено-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

вале мы устроили штаб, не тимуровский, как в книге, а просто укромное место для игры: до полезных тимуровских дел мы тогда ещё не доросли. Такие «штабы» были и у других ребячих компаний на соседних улицах.

В 1944 году, когда в школу пришла новая пионервожатая, выпускница Оханского педучилища Елизавета Захаровна Болтычева, военные игры стали более организованными, интересными: на лыжах, с деревянными винтовками, трещотками, имитирующими пулемётные очереди, с разведкой и поиском «шпионов».

Большим событием были сборы дружины. Построения отрядов, сдача рапортов, звуки горнов и барабанов, вынос знамени создавали бодрое и радостное настроение. Помнятся сборы у костра на большой зелёной поляне над Камой. Через несколько десятилетий я встретил Елизавету Захаровну в Перми в издательстве «Звезда». Она заведовала музеем истории издательства, а летом работала начальником пионерского лагеря. Много лет она возглавляла совет ветеранов издательства. У неё был тот же звонкий голос, как в дни моего пионерского детства.

Тогда мне было легче, чем одноклассникам, у которых отцы были на фронте. Мой папа был за bronирован для работы в тылу, потому что хлеб и мясо на фронте были нужны так же, как оружие

и боеприпасы. Но он был готов в любую минуту отправиться на войну: вещевой мешок с портняками, тёплыми носками, кружкой и ложкой был давно собран, а в сенях стояли просмоленные лыжи с новыми креплениями.

И вот пришёл великий час: война кончилась. Живым и невредимым вернулся к нам в июле сорок пятого дядя Арсений. День Победы он встретил в Дании, на острове Борнхольм. Всю войну он был шофёром, в последнее время на американском «студебекере». Перевозил боеприпасы и солдат, был награждён орденом Славы и множеством медалей.

Немногие из оханцев вернулись с полей сражения. Позже я узнал, что на фронтах Великой Отечественной войны погибло 2527 жителей города Оханска и района. Восемь наших земляков стали Героями Советского Союза.

Сначала мне казалось, что картины жизни маленького тылового города, мои давние впечатления будут мало кому интересны, ничего не добавят к панораме жизни уральского тыла. Однако я заблуждался. Ежегодно встречаясь со школьниками, я ощущаю их искренний интерес к воспоминаниям человека из поколения детей войны. Их вопросы, порой наивные, а порой серьёзные, дают повод думать и говорить о важном. Например, однажды мальчик из четвёртого класса спросил:

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

— Не думали ли вы, дети, что немцы могли победить?

И в нашей беседе тут же возник новый поворот: мы заговорили о нашей уверенности в исходе борьбы с фашистскими захватчиками, о всенародном характере победы.

Герман Шихов

МИР НЕ БЕЗ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

Пришла беда — отворяй ворота. Пришла она 22 июня 1941 года.

Мне было тогда два года и восемь месяцев. Все младенческие и детские годы прошли в военное и послевоенное лихолетье.

Мама моя дома бывала редко. Работала она в две, а то и в три смены на моторостроительном заводе, на формовке литья деталей для авиационных двигателей боевых самолётов.

Жили впроголодь. Помню, как я иногда управлялся:

— Мам, давай сегодня всё съедим! Наедимся досыта, а завтра как-нибудь.

Я ходил за хлебушком в магазин. Возвращаясь домой, шёл и с голодухи покусывал и без того

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

небольшую пайку хлеба. Шёл, не опасаясь, что кто-то у меня, малыша, отнимет хлеб. А ведь среди прохожих было немало голодных людей.

Особенно запомнились наши детские посиделки у соседа-инвалида дяди Захара. Была у него на кухне железная печка. Жарили на ней картофельные очистки, взятые с кухни соседнего детского сада. Ох, какое это было обедение!

Таким же добрым и гостеприимным был друг отца дядя Савва, тоже инвалид. Иногда, увидев меня, зазывал:

— Заходи-ка, худышка, да поправься немножко. — И уготкал меня хлебом с подсолнечным маслом, хотя самому этого масла едва хватало. Вот уж поистине, мир не без добрых людей.

Когда исполнилось мне восемь лет, пошёл в школу. Заходя в класс на первый урок, было чему порадоваться: на партах были разложены небольшие кусочки хлеба.

В годы войны мы с мамой жили в доме, который когда-то был купеческой гостиницей. Двенадцать номеров этой гостиницы стали в советское время жилыми комнатами для двенадцати семей. В самой большой из них, у тёти Марии, собирались все жильцы с детьми и слушали сводки Совинформбюро о положении на фронтах.

Уже в первые месяцы войны стали приходить

похоронки — извещения о гибели близких. Одну из них получила моя бабушка Наталья. Её сын, а для меня дядя Аркадий, ушёл на фронт почти подростком. В армию его не призывали — не подходил по возрасту. А был он не по годам рослый, физически крепкий. И всё говорил бабушке:

— Федька, браток, воюет, а я, здоровый, в тылу сижу!

И сумел-таки обмануть военкома: прибавив себе годы, добровольцем ушёл на фронт. Окончив ускоренные курсы в танковом училище, стал командиром экипажа, отличившегося отвагой и дерзостью в боях с гитлеровцами. Мой отец воевал в соседней части. Узнав о гибели брата, он побывал в том танковом полку, и ему рассказали, как тот погиб. Однажды, увлёкшись атакой, он оказался в тылу у немцев, и его подбили. Немцы окружили горевший танк, кричали:

— Рус, сдавайся!

Но весь экипаж сгорел вместе с боевой машиной. Горько плакала бабушка Наталья, прочитав похоронку. Велико было горе матери, потерявшей сына. Но не оставили её наедине с бедой соседи, окружив бабушку заботой, искренним сочувствием. Ко всем, кому приходили похоронки, люди, жившие рядом, были внимательны.

Всего в нашей коммуналке проживало более

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

пятидесяти взрослых и детей, разных по характерам, привычкам, социальному положению, от рабочих до госслужащих. Но жили все дружно, без обид и скандалов. Поистине война объединяла всех в единую дружную семью.

Павел Владыкин

*Дорогие мои! Мы – военного времени дети.
Сединой нашу память ещё не совсем замело.
Вы ответьте, родные мои, постараитесь ответить:
Разве не было нам в нашем детстве тепло и светло?
Если не на чем было испечь нам немного картошки,
Если в «семилинейке» давно керосина уж нет,
Грели мамы в руках своих стылые наши ладошки.
Нам дарили любовью свою негаснущий свет.
Это мы посыпали отцам треугольные письма,
Где писали с любовью: «Мы вас невредимыми ждём!»
Обещали мы им сохранить свои детские жизни,
Побеждая фашистов на маленьком фронте своём.
Да, мы, дети войны, ещё мало так жили на свете,
Но старались, учились мы нужному всем ремеслу.
Это мы, слишком рано, но быстро взрослевшие дети,
Заменили собою рабочих в глубоком тылу.
Да, мы, дети войны, были частью большого народа.
Не имели игрушек. И мы не играли в войну.
Жили прямо в войне все четыре ужасные года.
И к Победе пришли. Потому что любили страну.*

Об авторах

Ахметгалиев Фаат Ханафиевич (1938). Окончил Пермский политехнический институт (1985) и Рижский институт народного хозяйства (1992). Начал публиковаться с 1958 года в многотиражных, городских, областных и центральных газетах. Член Союза журналистов России с 1965 года. Награждён медалью «За трудовую доблесть».

Болотов Юрий Иванович (1935). Служил в радиотехнических частях ВВС СССР, работал инженером-конструктором в объединении «Искра». Член Союза журналистов России с 1968 года. Многие годы трудился в областной газете «Звезда», с 1968 по 2008 годы ответственным секретарём. Лауреат журналистской премии им. А. Гайдара. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Брагин Леонид Александрович (1936). После окончания Кизеловского горного техникума работал мастером в Углеуральске, сотрудничал с газетами «Уральский шахтёр», «Губахинский рабочий», «Уральская кочегарка». С 1969 по 1989 годы — главный редактор газеты «Березниковский рабочий». Заведовал отделом газеты «Вечерняя Пермь». Член

Об авторах

Союза журналистов России с 1961 года. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат журналистской премии им. А. Гайдара.

Бурдина Инга Владимировна (1934). Тележурналист, создатель и участник ежедневной телегазеты «Прикамье вечернее», программы «Звени-город», многих циклов телепередач. С 1980 года — главный редактор главной редакции художественных передач Пермского телевидения. Неоднократный лауреат журналистской премии им. А. Гайдара. Имеет медаль «За доблестный труд», отмечена многими профессиональными наградами. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза журналистов России с 1957 года.

Владыкин Павел Владимирович (1936). Работал корреспондентом газеты «Северная коммуна» (Чердынь), редактором многотиражных газет «Машиностроитель», «Дзержинец» (Пермь). Член Союза журналистов России с 1965 года. Лауреат журналистской премии им. А. Гайдара. Член Российского Союза писателей. Автор многих книг стихов и прозы. Победитель конкурса «Литературной газеты» «100 лет О. Бендеру» (2000).

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Гашев Николай Владимирович (1933—2019). Работал в газете «Северная коммуна» (Чердынь), «Молодая гвардия», «Вечерняя Пермь», многие годы — в областной газете «Звезда». Член Союза журналистов России с 1961 года. Автор книг «Пропсека на болоте» (2000), «Крест отца Николая» (2010), «Ослеплённые фарами» (2011).

Гашева Надежда Николаевна (1941—2018). Родилась в Березниках, окончила Пермский университет. Работала на радио. С 1964 года — литературный редактор в Пермском книжном издательстве. Составитель многих книжных серий и альманахов, литературный критик. Автор сценариев и ведущая литературных программ на пермском телевидении. Лауреат и дипломант всероссийских книжных конкурсов. Член Союза журналистов РФ. Заслуженный работник культуры РФ.

Гусева Антонина Ивановна (1930). Член Союза журналистов России с 1961 года. Работала в многосторожных газетах «Энергетик», «Азотчик» (Березники), руководила рабкоровским постом газеты «Правда», «Звезда» и Пермского телевидения на Березниковском азотно-туковом заводе. Была директором областного Дома журналиста. Редактировала газеты «Западноуральский нефтяник», «Культурная

жизнь Прикамья», «Пермский нефтяник» (1972—1987), студенческие газеты ППИ и ПГСХА.

Дубникова Галина Александровна (1940—2019). После окончания Пермского университета работала корректором, успешно публиковалась в областных и городских газетах. Сама инвалид I группы с детства, в 1992 г. создаёт редакционно-издательский центр «Здравствуй» и одноимённую газету для освещения и решения проблем инвалидов. Общий тираж изданных центром книг справочного, документального, медико-социального направления для инвалидов к 2012 г. превысил 350 000 экз. Газета «Здравствуй!» — призёр многих конкурсов краевого и российского уровня. Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Ёжиков Иван Григорьевич (1938—2017). Родился в селе Мироновка Сумской области.

В 1964 году окончил историко-филологический факультет Пермского госуниверситета. С 1963 по 1964 — заведующий промышленным отделом газеты «Металлургстрой». В период с 1965 по 1968 — заместитель редактора многотиражной газеты «Вперёд». В 1968 г. — заведующий отделом писем областной газеты «Молодая гвардия». В 1969 — редактор радио на заводе имени В. И. Ленина.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

С 1970 по 1973 — редактор газеты «За коммунистический труд» на Пермском телефонном заводе. С 1973 по 1976 — редактор телевизионных передач в пермском комитете по телевидению и радиовещанию. С 1976 по 1987 — редактор Пермского книжного издательства. С 1987 по 1990 — корреспондент областной газеты «Звезда».

В 1990-е годы участвовал в организации «Российской партии зелёных», избирался её сопредседателем. В 1995—2008 годах — главный редактор газеты «Луч», экологического приложения к областной газете «Пермские новости».

Член Союза журналистов России с 1964 г. Несколько лет был председателем Совета ветеранов журналистики г. Перми. Неоднократно становился лауреатом конкурсов имени А. П. Гайдара.

Автор книг «Рабочая высота» (1984), «Человек в мастерской природы» (1988), «Имени Октябрьской революции» (1989), «Звонок сквозь годы» (1991), «Неизвестный Каменский» (2009).

Закиров Данир Галимзянович (1939). Работал на шахтах Кизеловского угольного бассейна. Доктор технических наук, профессор, академик МАНЭБ. Заслуженный шахтёр РФ. Почётный энергетик РФ. Журналистикой начал заниматься в годы учёбы в Пермском политехническом

институте, активно сотрудничал с газетами «Уральская кочегарка» (Кизел), «Уральский шахтёр» (Губаха), «Звезда», «Деловое Прикамье», «Пермские новости», «Новый компаньон», «Халык Чишмесе» и др. Главный редактор ежеквартального научно-производственного журнала «Энергосбережение и проблемы энергетики Западного Урала» (выходит с 1999). Лауреат и дипломант многих творческих конкурсов. Номинант Строгановской премии (2005, 2014).

Зебзеева Альмира Георгиевна (1938). Член Союза журналистов с 1959 года. Работала в газете «Молодая гвардия». С 1963 по 1994 год — редактор, главный редактор Пермского книжного издательства. Лауреат журналистской премии им. А. Гайдара и других профессиональных конкурсов. Заслуженный работник культуры РФ.

Злобин Борис Павлович (1938—2018). Служил в Кремлёвском полку. Работал в аэропорту на севере, в конструкторском бюро завода им. Калинина. Был корреспондентом, затем редактором заводской многотиражной газеты «Машиностроитель», сотрудничал с изданием «Блокнот агитатора». Член Союза журналистов России с 1983 года.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Карасик Фира Израилевна (Ирина Карасик) (1937–2017). В начале войны вместе с родителями была эвакуирована на Урал. После окончания Пермского университета работала на радио Мотовилихинского завода, редактировала многотиражную газету «Мотовилихинский рабочий».

Колобова Галина Петровна (1931). Член Союза журналистов с 1962 года. Работала в газетах «Молодая гвардия», «Камский кабельщик», внештатным корреспондентом газет «Вечерняя Пермь», «Звезда», «Комсомольская правда», «Медик Урала», «Мотовилихинский рабочий» и др.

Кузнецова Нина Александровна (1938). Член Союза журналистов РФ с 1965 года. Работала в многотиражных газетах «Ленинский путь», «Машиностроитель», «Новатор», в городской газете «Вечерняя Пермь», руководила отделом в институте «Союзтрансмашпроект».

Ларионов Виктор Семёнович (1938). После окончания Пермского университета работал в школе. В журналистике с 1965 года, редактирует газеты в Барде, Нытве. С 1974 года — главный редактор пермского комитета по телевидению и радиовещанию. Член Союза журналистов России с 1970 года.

Лосев Анатолий Александрович (1935). Начинал в военной журналистике. Около 35 лет посвятил работе в пермском комитете по телевидению и радиовещанию. Организовывал радиожурналы, вёл радиопосты на важных стройках, создал информационную программу «Диапазон». Лауреат журналистской премии им. А. Гайдара. Отмечен многими профессиональными наградами. Заслуженный работник культуры РФ.

Мишарин Гораций Константинович (1928). Два военных года трудился слесарем на заводе авиационных приборов. Работал в Мотовилихинском ОВД г. Перми, на телефонном заводе. Печатался в различных изданиях. Член Союза журналистов России с 1961 года.

Мишланова Лидия Витальевна (1935—2016). Более полувека проработала в редакциях газет «Молодая гвардия», «Звезда», в книжном издательстве и архивных учреждениях края, редактировала журнал «Позиция». Лауреат и дипломант всероссийских и краевых журналистских конкурсов. Автор публицистических книг «Товарищ подросток, не будь дитём!», «Пермские жёны», «Самостоянья», «Детство. Военное, обыкновенное», «Чьи мы?» и др. Заслуженный работник культуры РФ.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Нагаев Иван Ерофеевич (1934). Работал учителем русского языка и литературы в школе, затем на крупных пермских предприятиях. Начал работать корреспондентом в многотиражке Мотовилихинского завода. С 1970 г. в течение четверти века работал в газете «Звезда». Победитель региональных конкурсов журналистского мастерства, лауреат журналистской премии им. А. Гайдара. Составитель и автор книги «Штыком и пером». Награждён медалью «За трудовое отличие». Заслуженный работник культуры РСФСР.

Перминова Ольга Фёдоровна (1937). После окончания Пермского университета несколько лет была корреспондентом газеты «Мотовилихинский рабочий», затем областной газеты «Звезда». Член Союза журналистов России с 1967 года.

Садилов Борис Яковлевич (1931—2018). После службы на Тихоокеанском флоте — сотрудник газеты «Коммунистический труд» (с. Кишерть), собкор газеты «Звезда» в Кудымкаре, редактор газеты «Путь Ильича» (Кишертский район). С 1978 года до выхода на пенсию — редактор газеты «Искра» (г. Кунгур). Лауреат журналистской премии им. А. Гайдара. Награждён медалью «За трудовое отличие».

Спицын Николай Прокопьевич (1935).

Окончил Пермский университет. Сотрудничал с редакцией газеты «Звезда». Затем ушёл на преподавательскую работу. Кандидат наук, преподаёт в гуманитарно-педагогическом институте. Публиковался в журналах «Семья и школа», «Народное образование», «Начальное образование», в центральных газетах. Награждён золотой медалью ВДНХ СССР и Академии наук. Почётный работник высшего профессионального образования. Автор книг по вопросам семейного воспитания. Член Союза журналистов России с 1966 года.

Унгвицкий Владислав Николаевич (1938).

После окончания университета работал в отделе культуры газеты «Звезда». Руководил сектором радио и телевидения УВД Пермской области. Дальнейшая работа связана с преподаванием и наукой: работает в институте совершенствования учителей, на кафедре истории университета. Кандидат исторических наук, доцент. Автор более 30 научных работ. Член Союза журналистов России с 1962 года.

Чернова Татьяна Петровна (1929—2016).

Работала в газетах «Молодая гвардия», «Камский водник», «Звезда», «Вечерняя Пермь», на пермском телевидении. Сотрудничала с многими краевыми изда-

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

ниями. Автор сценариев документальных телевизионных фильмов, книг «Вступление в балет», «Рождение лебедя», «Такая маленькая жизнь» и др. Лауреат и дипломант пермских и всероссийских профессиональных конкурсов. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза журналистов России с 1957 года.

Ширинкин Владимир Михайлович (1932—2019). Заведовал отделами редакции газеты «Молодая гвардия», редактировал многотиражные газеты органов МВД. Работал в секторе печати обкома КПСС, в 1981—1992 гг. возглавлял управление по охране государственных тайн в печати при Пермском облисполкому. Дипломант журналистского конкурса им. А. Гайдара. Наиболее значимые публикации объединил в книгу «Времена не выбирают» (2005). Написал книгу «Гайдар в Перми: судьба, творчество, память». Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза журналистов России с 1961 года.

Шихов Герман Фёдорович (1938). Журналистскую деятельность начал рабкором газеты «Молодая гвардия». Трудился в районной газете Верещагинского района. Много лет проработал на пермском телевидении и областном радио. Работал в газете «Камский кабельщик». Член Союза журналистов России с 1965 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Ёжиков.	
Клавдия	7
Фаат Ахметгалиев.	
Мой брат — ровесник Победы	18
Юрий Болотов.	
Из жизни тылового города	20
Леонид Брагин.	
Обелиск у дороги	30
Инга Бурдина.	
«Жди меня...»	35
Павел Владыкин.	
И горе, и счастье одно на всех	42
Николай Гашев.	
Война гуляла по России	50
Надежда Гашева.	
Минное поле	59
Антонина Гусева.	
Я люблю этот праздник	65
Галина Дубникова.	
Самый счастливый день	73

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Данир Закиров.	
Время лихолетья	81
Альмира Зебзеева.	
А это не телеграмма, а похоронка...	88
Борис Злобин.	
Чусовские шпингалеты	102
Ирина Карасик.	
Раненое детство	109
Галина Колобова.	
«Лишиь бы не было войны!»	128
Нина Кузнецова.	
Эти горькие приметы	141
Виктор Ларионов.	
Буханка	148
Анатолий Лосев.	
Слово об отце	154
Гораций Мишарин.	
Я трудился с тринадцати лет	160
Лидия Мишланова.	
Детство. Военное, обыкновенное	164
Иван Нагаев.	
Война прошла и по детским сердцам	172

Содержание

Ольга Перминова.	
Привет, Барадун!	178
Борис Садилов.	
«А мы и не сомневаемся!»	194
Игорь Сидельников.	
Наплакался, пока вспоминал...	199
Николай Спицын.	
Отцовский наказ	206
Владислав Унгвицкий.	
В послевоенном Берлине	211
Татьяна Чернова.	
Ругательное слово — «гитлер»	215
Владимир Ширинкин.	
«Пришёл Победы час...»	219
Герман Шихов.	
Мир не без добрых людей	228
Павел Владыкин.	
<i>Дорогие мои! Мы — военного времени дети...</i>	232
Об авторах	233

Публицистическое издание

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

*Воспоминания пермских журналистов,
чьи детские годы пришлись
на Великую Отечественную войну*

Составители:
*Владыкин Павел Владимирович,
Кузнецова Нина Александровна*

Редакционный совет:
*А. Зебзееva,
В. Ларионов,
Л. Копытова*

Ответственные за выпуск:
*Л. Копытова,
В. Ларионов*

Использованы фотографии из личных архивов авторов,
а также предоставленные Пермским государственным архивом
социально-политической истории.

Подписано в печать 13.04.2020.

Тираж 1000 экз.

Заказ № 183392.

**Региональная общественная организация «Пермская
краевая организация Союза журналистов России»**
614000, Пермский край, г. Пермь, ул. Сибирская, 8,
+7 (342) 212-69-91,
a@perminfo.com
www.perminfo.com

Отпечатано
в полиграфической компании «АСТЕР» (ИП Дудкин),
+7 (342) 254-04-95,
www.aster-print.com

«Да, наше детство вместило в себя жизнь от начала Великой Отечественной войны до её окончания, до Победы. И этим оно уже необыкновенно».

«Война не делала для детей исключений. Она обрушилась на них со всей своей жестокостью. Вместе со взрослыми дети голодали, мёрзли, страдали, умирали. И это самая страшная жестокость войны — страдающие, гибнущие дети».

«Для детей войны это были страшные, голодные и холодные годы. Память об этом не исчезла. Отчётиливо помнится каждый день».

«Спустя годы, познав мирную жизнь, вырастив своих детей и внуков, наблюдая их детство, мы видим, как многого были лишены, в какие скучные и тревожные краски война окрасила наше детство».

«Многое помнится из детства — горького и колючего. Такое оно было, военное и послевоенное время. Когда вспоминаешь о нём, начинает больно жечь душу».

«Наплакался, пока писал эти воспоминания».

«Да, мы, дети войны, были частью большого народа».

ISBN 978-5-6044550-0-5

9 785604 455005